

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

«Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать, и это не сольется воедино — государственная власть и философия — и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди (а их много!), которые порознь стремятся либо к власти, либо к философии, — до тех пор государствам не избавиться от зол».

Платон

* * *

«Философия есть нечто не побочное, но основное».

Сенека Луций Аннит (младший)

* * *

«Вне богословия — философия ничто».

Августин Аврелий (Блаженный)

* * *

«Самому умному философу трудно отвечать на глупые вопросы».

Хилон (один из семи мудрецов Древней Греции)

* * *

«Будьте внимательны к своим мыслям — они начало поступков».

Даосизм

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

2010

В НОМЕРЕ:

АКАДЕМИЯ
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
ИННОВАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

N4(70)

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
РОССИЕВЕДЕНИЕ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(70)**

МОСКВА 2010

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2010. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); к.э.н., К.А. Зимарин;
д.э.н., проф. В.Г. Белолипецкий, заместитель гл. редактора;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. Н.Б. Шулевский; д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.И. Пшеницына*

Компьютерная верстка — *Л.И. Пшеницына,*

П.Г. Полунина, С.С. Нипа

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *К.В. Молчанов, С.С. Нипа,*

С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина

Научно-вспомогательная работа — *А.А. Антропов, В.А. Луковенко*

Издается с участием Академии философии хозяйства
и Философско-экономического ученого собрания

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>

<http://www.css.msu.ru>

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2010 г.

Содержание

Раздел I	
Академия	
Прием в Совете Федерации.....	9
Состав участников встречи коллектива ученых Центра общественных наук при МГУ и членов Академии философии хозяйства в Совете Федерации 9 июня 2010 г.	11
Приглашение к размышлению (дискуссионные мотивы) (<i>Ю.М. Осипов</i>)	13
Из сказанного на встрече.....	15
Послесобытийные реминисценции (<i>Н.Б. Шулевский</i>)	28
Раздел II	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Под знаком «М»	35
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Аскетократия как социальная инновация философии хозяйства.....	38
<i>А. Бэттлер</i>	
Глобализация, или Теория глобального капитализма (тезисы)	59
<i>Ю.К. Волков, Д.Ф. Пигин</i>	
Есть ли ресурс у капиталистической мир-системы, или Насколько практичной может стать утопистика? (размышления по поводу насущной проблемы футурологии).....	69
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Подходы философии хозяйства в передовой зарубежной хозяйственной и правовой практике	78
<i>Е.В. Косов</i>	
Этализм и либерализм — тормоз и газ.....	85
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Цивилизация гармонии и нравственности как цель модернизации. Мобилизационный потенциал России	96
Раздел III	
Инновации	
<i>С.А. Дятлов</i>	
Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации мировой экономики	113
<i>У.Ж. Алиев</i>	
К общей теории и типологии инноваций	132
<i>К.Р. Баянов</i>	
Концептуальные основания прогнозирования социоприродной динамики ..	142
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Особенности развития высоких технологий в современной России	147
Раздел IV	
Экономическая теория	
<i>В.И. Корняков</i>	
Восветить, понять и стреножить экономического монстра.....	153

<i>Р.М. Нуреев, Н.А. Нуреева</i> Экономическая модернизация России после кризиса: мифологемы и реальность.....	167
<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i> Евро будет введен позже — ущерб или выгода?.....	181
<i>Т.У. Садыков</i> Инон как современный преемник капитала.....	196
Раздел V	
Актуальная философия	
<i>Л.Д. Родзинский</i> Преодоление сознания хозяйственной деятельности в раннем буддизме (хинаяны).....	209
<i>Н.Н. Ростова</i> Сокровенное религии	214
<i>И.И. Рудяк</i> Мировое дерево как фрактал и семиотическая экономика как наука: аскетизм и инновация.....	220
Раздел VI	
Россиеведение	
<i>Д.П. Подкосов</i> Зарождение российского типа науки.....	227
<i>В.С. Сизов</i> Учительство и просветительство.....	239
<i>В.Ф. Шаповалов</i> Просто преподавать... (к вопросу о соотношении образования и воспитания).....	245
<i>Н.И. Злыгостева</i> «Освящение любовью» (семья в контексте русской литературы).....	253
Раздел VII	
Рецензии и отклики	
<i>Н.Б. Шулевский</i> Философия хозяйства как благая весть жизни	265
<i>В.Я. Курбатов</i> Версты полосаты.....	269
<i>Н.Л. Лескова</i> Нет королевских путей в науку. Очерк об отце — Л.В. Лескове.....	278
<i>Э. Шац</i> На сцене — книга. Между языком и объектом	281
<i>Г.И. Мойсейчик</i> Хованщина (заметки со спектакля Модеста Мусоргского).....	285
<i>В.П. Казарин</i> Из цепких объятий прошлого... ..	286
Научная жизнь	291
Наши авторы	299

Contents

Part I

Academy

Receiving in the Council of the Federation.....	9
The Membership of Participants of the Meeting of the Collective of Scientists of the Center of Social Studies of MSU and Members of Academy of Philosophy of Economy in the Council of the Federation on 9 June 2010	11
An Invitation to Reflecting (Discussion Motives) (<i>Yu.M. Osipov</i>)	13
Of Told at the Meeting.....	15
Posteventual Reminiscences (<i>N.B. Shulevsky</i>)	28

Part II

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Under «M» Sign.....	35
<i>N.B. Shulevsky</i> Ascetokratiya as a Social Innovation of Philosophy of Economy.....	38
<i>A. Bettler</i> Globalisation, or the Theory of Global Capitalism (Theses).....	59
<i>Yu.K. Volkov, D.F. Pigin</i> Is There a Resource in Capitalist World-System, or How Practical can Utopistics Become ? (Reflection upon the Vital Problem of Futurology)	69
<i>G.I. Moysenchik</i> Implementation Approaches of Philosophy of Economy in Advanced World Economical and Legislative Practice	78
<i>E.V. Kosov</i> Atatism and Liberalism as Brake and Gas	85
<i>E.V. Shelkopyas</i> Civilization of Harmony and Morality as Purpose of Modernization. Mobilization Potential of Russia.....	96

Part III

Innovations

S.A. Dyatlov

Global Innovative Hypercompetition as the Factor of Transformation of World Economy.....	113
<i>U.ZH. Aliev</i> To General Theory and Typology of Innovations.....	132
<i>K.R. Bayanov</i> The Conceptual Bases of Forecasting of Social-Natural Dynamics	142
<i>T.Yu. Yakovets</i> Peculiarities of Development of High Technologies in Modern Russia	147

Part IV

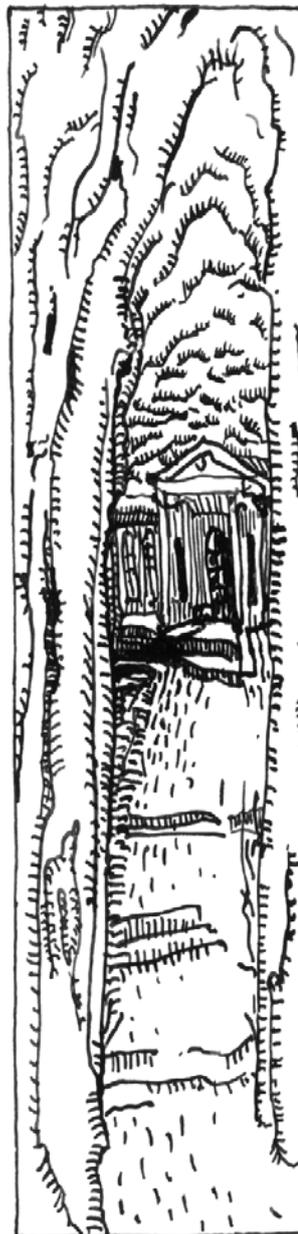
The Economic Theory

V.I. Korniyakov

To Highlight, Understand and Hobble the Economic Monster	153
--	-----

<i>R.M. Nureev, N.A. Nureeva</i>	
Economic Modernization of Russia after the Crisis: Mythologems and Reality	167
<i>A.Z. Novak, K. Rych</i>	
Euro Going to Be Entered Later is a Damage or Benefit?	181
<i>T.U. Sadykov</i>	
Inon as the Modern Successor of the Capital	196
Part V	
Actual philosophy	
<i>L.D. Rodzinsky</i>	
Overcoming the Consciousness of Economical Activity in Early Buddhism (Hinayany)	209
<i>N.N. Rostova</i>	
Concealed One of Religion	214
<i>I.I. Rudyak</i>	
World Tree as Fractal and Semiotic Economics as Science: Asceticism and Innovation	220
Part VI	
Rossievedenie	
<i>D.P. Podkosov</i>	
Origin of Russian Type of Science	227
<i>V.S. Sizov</i>	
Teaching and Enlightening	239
<i>V.F. Shapovalov</i>	
Just Teaching... (A Balance of Upbringing and Education Revisited)	245
<i>N.I. Zlygosteva</i>	
«Sanctification by Love» (Family in Russian Literature)	253
Part VII	
Reviews and Responses	
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Philosophy of Economy as Good News in Life	265
<i>V.J. Kurbatov</i>	
Milestones are Striped	269
<i>N.L. Leskova</i>	
There are No Royal Ways into Science. A Feature Story about My Father — L.V. Leskov	278
<i>E. Shats</i>	
A Book on Scene. Between Language and Object	281
<i>G.I. Moyseychik</i>	
Hovanschina (Notes About Modest Musorgsky's Performance)	285
<i>V.P. Kazarin</i>	
Of Tenacious Embraces of Past... ..	286
Scientific Life	291
Our Authors	299

АКАДЕМИЯ

Прием в Совете Федерации

9 июня 2010 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации состоялся прием коллектива ученых Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — членов Академии философии хозяйства.

Прием был произведен по случаю исполняющегося в 2010 г. 20-летия Центра общественных наук и образования Межрегиональной общественной организации — Академии философии хозяйства.

Делегацию Центра общественных наук и Академии философии хозяйства числом более 40 человек составили видные ученые Москвы, Санкт-Петербурга, других научно-образовательных центров Российской Федерации, принимающие активное участие в деловом и творческом сотрудничестве с Советом Федерации, в проводимых под эгидой Совета Федерации на базе МГУ с 2004 г. Малых университетских форумах.

Делегация посетила заседание верхней палаты российского парламента, где была тепло встречена президиумом и членами Совета Федерации, а затем была принята руководством и группой депутатов Совета Федерации.

Во время открытой и непринужденной дискуссии состоялся заинтересованный обмен мнениями по поводу взаимного сотрудничества, его текущих итогов и возможных перспектив. Были отмечены актуальность, содержательность и общее позитивное значение Малых университетских форумов, осуществляющих комплексный научно-экспертный мониторинг по важнейшей обществоведческой проблематике и достигающих значительных аналитических и концептуальных результатов. Были высказаны пожелания более тесного и динамичного взаимодействия ученого сообщества и Совета Федерации посредством оперативного обмена информацией, тематических совещаний, заседаний круглого стола, а также более активного привлечения ученого сообщества к законодательным инициативам и разработкам.

В ходе приема состоялась презентация ряда научных изданий, в частности, фундаментальной двухтомной «Антологии современной философии хозяйства», созданной научным сообществом, объединяемым Центром общественных наук, и ставшей одним из реальных побудительных мотивов к образованию Академии философии хозяйства; журналов «Философия хозяйства» и «Экономические стратегии»; ма-

териалов V Малого университетского форума, изданных в виде двухтомной коллективной монографии «Перестроение России» и объемной брошюры Совета Федерации «Российское перестроение: социум, политика, экономика».

Со стороны Совета Федерации, в выступлениях председателя Комитета по бюджету Е.В. Бушмина и заместителя председателя Комиссии по вопросам развития институтов гражданского общества Ю.Н. Солонина была дана позитивная оценка сотрудничества с Центром общественных наук, одобрена инициатива по созданию Академии философии хозяйства, выражено убеждение в необходимости всестороннего развития и утверждения такого актуального направления мысли, как философия хозяйства.

Ярким свидетельством высокого уровня деловых и творческих отношений ученого сообщества с Советом Федерации стало вручение семи членам Академии философии хозяйства «Благодарностей Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Торжественные свидетельства, подписанные Председателем Совета Федерации С.М. Мироновым, получили Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев, С.Г. Кара-Мурза, С.П. Макаров, Ю.М. Осипов, В.Т. Рязанов, Ю.В. Яковец.

От имени присутствовавших на приеме ученых директор ЦОН и президент АФХ Ю.М. Осипов выразил удовлетворение от течения и результатов многолетнего сотрудничества с Советом Федерации, поблагодарил за высокую оценку деятельности ученого сообщества и выразил надежду на дальнейшее укрепление и развитие деловых и творческих взаимоотношений с Советом Федерации, придание им более оперативного, разнообразного и системного характера.

По решению Президиума Академии Почетный Председатель Совета Федерации Е.С. Строев стал действительным членом Академии, а заместитель Председателя Совета Федерации С.Ю. Орлова, члены Совета Федерации Е.В. Бушмин, Н.И. Рыжков, Ю.Н. Солонин, руководитель аппарата Комитета по бюджету Ю.В. Проскурякова стали почетными членами Академии.

**Состав участников встречи
коллектива ученых Центра общественных наук при МГУ
и членов Академии философии хозяйства
в Совете Федерации 9 июня 2010 г.**

1. **Осипов Юрий Михайлович**, д.э.н., президент Академии философии хозяйства, профессор, директор Центра общественных наук при МГУ.

2. **Агеев Александр Иванович**, д.э.н., профессор, генеральный директор, Институт экономических стратегий Отделения общественных наук РАН.

3. **Архипов Алексей Юрьевич**, д.э.н., профессор, проректор, заведующий кафедрой мировой экономики, экономический факультет, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

4. **Асланов Леонид Александрович**, д.х.н., профессор, заведующий лабораторией структурной химии, химический факультет МГУ.

5. **Бугаян Илья Рубенович**, д.э.н., профессор, Северо-Кавказская академия государственной службы (г. Ростов-на-Дону).

6. **Гиренок Федор Иванович**, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ.

7. **Гордеев Валерий Александрович**, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Ярославский государственный технический университет.

8. **Гузов Михаил Михайлович**, д.э.н., профессор, директор, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета.

9. **Доброчеев Олег Викторович**, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт Минэкономразвития РФ.

10. **Ермишина Светлана Александровна**, к.и.н., доцент, исторический факультет МГУ.

11. **Зотова Елена Серафимовна**, к.э.н., заместитель директора Центра общественных наук при МГУ.

12. **Кара-Мурза Сергей Георгиевич**, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН.

13. **Кашицын Виктор Валентинович**, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Новороссийская государственная морская академия имени Ф.Ф. Ушакова.

14. **Ковалев Сергей Георгиевич**, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.

15. **Корняков Василий Иванович**, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет.

16. **Кутырёв Владимир Александрович**, д.ф.н., профессор, кафедра истории методологии и философии науки, Нижегородский государственный университет имени И.И. Лобачевского.

17. **Макаров Станислав Павлович**, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, факультет государственного управления МГУ.

18. **Мишуров Сергей Сергеевич**, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой региональной экономики, Ивановская текстильная академия.

19. **Наумова Галина Романовна**, д.и.н., профессор, исторический факультет МГУ.

20. **Петелин Александр Владимирович**, предприниматель; депутат Ивановской областной думы.

21. **Пономаренко Евгений Георгиевич**, к.э.н., генеральный директор, ОАО «Приват-Инвест» (г. Краснодар).

22. **Пшеницын Иван Викторович**, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет.

23. **Родина Галина Алексеевна**, д.э.н., профессор, директор, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (Ярославский филиал).

24. **Ростовцева Людмила Ивановна**, д.соц.н., к.э.н., профессор, Тульский филиал Российского государственного торгово-экономического университета.

25. **Рязанов Виктор Тимофеевич**, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

26. **Сизов Владимир Сергеевич**, д.э.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров).

27. **Синельников Сергей Юрьевич**, к.э.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

28. **Смирнов Игорь Павлович**, к.и.н., ведущий научный сотрудник, Центр общественных наук при МГУ.

29. **Сухина Татьяна Сергеевна**, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

30. **Твердислов Всеволод Александрович**, д.ф.-м.н., профессор, заведующий кафедрой биофизики, физический факультет МГУ.

31. **Трубицына Тамара Геннадьевна**, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

32. **Тутов Леонид Арнольдович**, д.ф.н., профессор, заместитель декана, экономический факультет МГУ.

33. **Хазин Михаил Леонидович**, действительный государственный советник (в отставке), президент компании экспертного консультирования «Неокон».

34. **Чекмарёв Василий Владимирович**, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова.

35. **Шелкопляс Евгений Валентинович**, к.мед.н., директор, Центр социальных технологий (г. Иваново).

36. **Шулевский Николай Борисович**, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ.

37. **Яковец Юрий Владимирович**, д.э.н., профессор, Российская академия государственной службы при Президенте РФ, президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева.

38. **Юдина Тамара Николаевна**, д.э.н., факультет государственного управления МГУ.

Приглашение к размышлению (дискуссионные мотивы)

1. Глобализация современного планетарного бытия не отменяет феномена *локальной суверенности*, характерного для стран, государств, наций, культур, цивилизаций, не снимает потребности в *самоидентификации* любых социально-политических образований, как и необходимой для их полноценной независимой реализации *субъектности*. Интеграция в глобализованный мир с сохранением и упрочением *всестороннего самоопределения* — важнейшая актуальная задача нынешней России. Оставаясь великой державой, Россия не может допустить схождения в разряд второстепенных субобразований (субсубциума, субэкономики, субгосударства), теряющихся в глубинах глобализационного контекста, утрачивая независимую субъектность, — Россия обязана вновь возвыситься до уровня самостоятельной сверхдержавы, способной не только определять свою собственную судьбу, но и эффективно участвовать в определении судьбы всего планетарного мира, для чего России нужно быть сильной, эффективной и конструктивной страной.

2. Перед современной Россией стоит задача преодоления свойственного ей на современном этапе всестороннего — социального, экономического, политического, цивилизационного — *кризиса*, корни которого восходят ко временам СССР, но основная обусловленность связана с прошедшей социо-хозяйственной реформой, что приводит к необходимости глубоких и масштабных (целостных) структурных перемен в российском обществе и хозяйстве, а не одну лишь производственно-техническую модернизацию. Срочная потребность в такого рода преобразовательном деянии усиливается нарастающей неустойчивостью нынешнего планетарного мира, его стремлением к *собственному перестроению*, скорее всего остро коллизионному. У России нет другого выбора, кроме немедленного, скорого, целостного, а потому и, учитывая цивилизационные и исторические особенности страны, *властно-мобилизационного перестроения*, осуществляемого с ходу, на марше, без остановок. Такова сегодня главная историческая суперзадача, выпавшая на долю России!

3. На исполнении этой суперзадачи, выливающейся в *большой цивилизационный проект*, все в стране ныне и сосредоточивается, обретая ясно выраженную «*национальность*» — и как *национальную идею*, и как *национальный проект*, находя историческое оправдание, сакральную поддержку и возможность практической реализации через движение к *новой российской нации*, без чего никакой консолидированной, конструктивной и перспективной России просто не может быть.

4. Из всех аспектов грандиозного преобразования, предстоящего современной России, для ученого сообщества, занятого по преимуществу в сферах науки и образования, а обобщенно выражаясь — в сфере знания, включая и сферу информации, наиболее адекватным является обращение к проблеме *национального интеллекта*, его формирования, поддержки и развития. Сегодня можно почти со стопроцентной уверенностью говорить, что на Россию как на нацию, пусть еще поновому и не сложившуюся, надвигается тягостное происшествие, которое можно было бы назвать без большого преувеличения *национальной интеллектуальной катастрофой*, — и если это еще, быть может, не случилось, то только по причине значительных, — и отнюдь, как кажется, не безграничных, — профессиональных (образованных, культурных) резервов, часть из которых смогла выстоять в негативные для интеллект-потенциала реформные времена, как-то выжить, уцелеть и сохранить в течение двух губительных десятилетий остаточный и тающий из года в год интеллект-ресурс страны. Если что сегодня в практически абсолютном забвении-загоне, так это как раз производи-

тельная сфера знания, та самая сфера, где производится новое знание, где продуктивно реализует себя высший национальный интеллект.

5. Неблагоприятная ситуация в естественно-научной и технико-изобретательской сферах, лишенных необходимого ресурсообеспечения и конструктивного выхода на практику, хорошо известна, достаточно уже осознанна и не требует сегодня больших обоснований. Иначе обстоит дело с гуманитарной сферой, в особенности той ее части, которая имеет отношение к обобщающему, теоретическому, концептуальному знанию, а также нацелена на осознание и формирование воззренческих и экзистенциальных параметров бытия человека, общества и человеческого мира в целом. И проблема здесь не столько ресурсная, хотя она и остра, сколько... непосредственно гуманитарная, восходящая к полноценному образованию (формированию), творческой мобилизации и всестороннему раскрытию *национального гуманитарного интеллекта*, — и все это при условии плодотворного сочетания свободы мышления и слова с гражданской, государственной и национальной ответственностью. Примером такого сочетания может служить деятельность межрегионального ученого сообщества, объединяемого *Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова*, активно участвующего в проводимых при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации международных научных конференциях — *Малых университетских форумах*. Национальный гуманитарный интеллект — решающая принадлежность любого здорового, развивающегося и совершенствующегося общества, соответственно и предмет особой заботы деятельного и эффективного правительства. Нация — это прежде всего интеллект нации, а интеллект нации — залог наличия, развития и процветания нации!

Ю.М. Осипов

Из сказанного на встрече

Председатель Комитета Совета Федерации по бюджету, кандидат экономических наук Е.В. Бушмин:

«Уважаемые коллеги!

Позвольте от имени руководства Совета Федерации, лично Сергея Михайловича Миронова, а также присутствующих здесь членов Совета Федерации, приветствовать вас, видных российских ученых, объединяемых Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, в стенах Совета Федерации.

Несмотря на то, что Комитет по бюджету занимается по преимуществу конкретными финансовыми делами, это, пожалуй, единственный из комитетов и комиссий Совета Федерации, уделяющий большое и постоянное внимание общественным наукам, что и выражается в нашем с вами многолетнем сотрудничестве, прежде всего, по линии организации и проведения на базе МГУ при поддержке Совета Федерации достаточно себя зарекомендовавших Малых университетских форумов. Мы со вниманием относимся к вашим творческим инициативам, к результатам работы форумов, стараемся доводить итоги форумов до высшей государственной администрации страны. Сегодняшняя встреча является убедительным подтверждением позитивного отношения Совета Федерации к вашей деятельности. По представлению нашего Комитета и решению Совета Палаты Председатель Совета Федерации С.М. Миронов отметил семерых членов вашего сообщества торжественными благодарностями. Это высокая и вполне заслуженная оценка, распространяющаяся на весь ученый коллектив Центра. Позвольте поздравить вас с этой высокой оценкой и пожелать вам плодотворной работы на благо Российской Федерации. Уверен, что образование Академии философии хозяйства, членами которой вы все являетесь, послужит консолидации сил, их эффективной ориентации, а также придаст новый импульс нашему взаимному сотрудничеству. представляется, что наше деловое взаимодействие непременно продолжится, обретая оперативность и системность».

Директор Центра общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, президент Академии философии хозяйства, доктор экономических наук, профессор Ю.М. Осипов:

«От имени моих коллег и товарищей позвольте выразить признательность Совету Федерации, Комитету по бюджету, руководству Совета Федерации, лично Сергею Михайловичу Миронову за неизменное внимание к деятельности нашего научного сообщества, за возможность многолетнего творческого взаимодействия с Советом Федерации, за высокую оценку нашего труда, выразившуюся в “Благодарностях” Председателя Совета Федерации. Мы отдаем себе отчет в исключительности факта сегодняшнего собрания и рассматриваем его как знак правильности избранного нами пути — свободной размыслительной работы и столь же свободного сотрудничества с Советом Федерации. Философия хозяйства, которая нас объединяет, предполагает полную творческую свободу, отличаясь предметной, познавательной, методологической и концептуальной широтой, но в то же время и целостной полнотой, что делает возможными особенно потребные сегодня синтетические, многоаспектные, целостные размышления и ис-

следования. Будучи специалистами в разных областях науки, все мы оказываемся в поле философии хозяйства “междисциплинарщиками”, ибо философия хозяйства позволяет рассматривать хозяйство как все жизнеотправление человека в целом, а к собственно философии подходить как к обобщающему, опять же целостному, по большей части метафизическому, знанию-размышлению. Наше особое внимание к философии хозяйства, как и образование Академии философии хозяйства, вовсе не случайны, ибо философия хозяйства открывает новые горизонты перед мыслящим человеком, позволяет составить более приемлемое и развернутое суждение о том, что делает человек на Земле, к чему стремится и к каким итогам может прийти, вовсе, как обнаруживается, не самым счастливым. Такие русские мыслители, как Ломоносов, Менделеев, Федоров, Циолковский, Вернадский, — самые настоящие философы хозяйства, а сама философия хозяйства — это во многом и в главном отечественное достижение, которым вполне может и должна гордиться наша страна, тем более что основателем собственно философии хозяйства, как уже особого течения мысли, явился в начале XX в. русский гений Сергей Николаевич Булгаков.

Центру общественных наук, который был создан Правительством СССР в 1990 г. по распоряжению, подписанному тогдашним главой правительства, Николаем Ивановичем Рыжковым, исполняется в этом году 20 лет. Много всего достойного было сделано Центром за 20 лет существования. Вокруг Центра сложилось и эффективно действует сообщество первоклассных ученых, теперь получившее академическую форму реализации. Наиболее активные и выдающиеся члены нашего сообщества сегодня присутствуют здесь, в этом зале. Хочу обратить внимание на присутствие здесь не только москвичей, но и коллег из Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Волгограда, Кирова, Ярославля, Костромы, Иванова, Нижнего Новгорода, Новороссийска. Центр в меру своих сил активно взаимодействует с регионами Российской Федерации, странами СНГ. Наше сотрудничество с Советом Федерации осуществляется, главным образом, по линии подготовки, проведения и подведения итогов Малых университетских форумов. Это добротное и плодотворное сотрудничество. Согласен с Евгением Викторовичем Бушминым, что наше взаимодействие с Советом Федерации может быть более тесным, разнообразным и оперативным. Мы не должны ограничиваться одними форумами, а ввести в практику нашего взаимодействия разного рода актуальные тематические совещания, как и более обстоятельно координировать всю нашу текущую деятельность».

Член Совета Федерации, доктор философских наук Ю.М. Солонин:

«Для меня большая честь оказаться в составе Академии философии хозяйства в качестве ее почетного члена. Уже многие и многие годы я знаком с Ю.М. Осиповым, с великой заинтересованностью слежу за деятельностью Центра общественных наук и научного сообщества, сплотившегося вокруг Центра. Думаю, что интеллектуальные сливки России не за рамками столь эффективно и разнообразно функционирующего круга ученых. Хорошо, что между вами и Советом Федерации, благодаря, видимо, и конструктивной позиции Комитета по бюджету, сложились весьма эффективные деловые отношения. Однако в целом в отношениях науки с властью дела обстоят не столь позитивно. В нашей стране имеет место, к сожалению, разрыв между наукой и властью, носящий чуть ли не принципиальный характер. Властная элита не находит для себя нужным прислушиваться к интеллектуальным кругам, а ученый мир вынужден по преимуществу вариться в собственном соку, не находя оперативного контакта с властными верхами. Вот та же Москва, она буквально напичкана различными научно-исследовательскими институтами, центрами, ассоциациями, но это вовсе не значит, что есть какое-то постоянное и эффективное взаимодействие с органами власти. За рубежом ведь ситуация совершенно иная: там ученый мир активно взаимодействует с властными структурами, в особенности с парламентскими.

Если говорить о гуманитарной сфере, то перед всеми нами стоит задача формирования имманентной современной России идеологии, трансформации элитарного мышления, в чем может сыграть конструктивную роль и развиваемая ныне не без ваших интенсивных усилий философия хозяйства, восходящая к идеям нашего соотечественника С.Н. Булгакова. Современная российская элита, ответственная за судьбы страны, все это вяло и недостаточно осознает, но иного пути, кроме адекватного понимания специфики российского общества и утверждения интересов российской науки, у нас все равно нет. Хотелось бы пожелать Центру общественных наук и его ученому сообществу плодотворной деятельности, а главное, быть всегда слышимыми теми, кто в особенности ответствен за настоящее и будущее страны».

Профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук Ю.В. Яковец:

«Мне особенно приятно получить благодарность от Председателя Совета Федерации, поскольку более 15 лет я активно сотрудничаю с Советом Федерации. Немало было проведено форумов, что свидетель-

ствуем о заинтересованности Совета Федерации в диалоге с научной общественностью.

Позвольте мне сейчас выступить с одним, возможно, и неожиданным, но важным, на мой взгляд, предложением. Это предложение заключается в следующем: создать на базе Совета Федерации Парламентский университет. Почему на базе СФ? Потому что в него входят представители различных регионов Российской Федерации, он является куратором региональных заказов по научной тематике и координирует законодательную работу в стране. Почему именно университет? В настоящее время произошло резкое расширение требований к уровню всех участников законодательных процедур — их компетентности и профессионализму. Люди, входящие в структуру Совета Федерации, и в ней работающие, к сожалению, не имеют достаточной научно-экспертной подготовки. Кроме того, вокруг происходит много всяких существенных перемен, которые тоже влияют на уровень практического профессионализма и качество текущей работы

Потребность в таком университете усиливается отменой практики получения государственным чиновниками второго специального образования. Наше предложение могло бы восполнить брешь, возникшую в образовании и подготовке отечественных чиновников».

Профессор философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук Ф.И. Гиренок:

«Я хочу напомнить о том, что мы живем во время краха трудового общества, которое просуществовало около двухсот лет. Сегодня труд не является системным принципом, определяющим место и положение человека в обществе. Мы не обмениваемся трудом друг с другом. Никто из нас не получает доход в соответствии со своим трудом. Труд и капитал больше никак не связаны, ибо капитал перестал быть превращенной формой труда. Сегодня труду противостоит не капитал, а грезы финансиста, воображаемая игра с ценными бумагами.

События и смыслы в посттрудовом обществе, в обществе трансгрессий, не определимы. В мире неопределенностей перестает существовать рационально действующий субъект, поэтому сегодня нам нужна новая философия хозяйства — философия поисков почвы под ногами».

Генеральный директор Института экономических стратегий, доктор экономических наук, профессор А.И. Агеев:

«Не могу согласиться с профессором Ф.И. Гиренком, что мир ожидает большая неопределенность. В действительности мы имеем коридор, который весьма жестко предопределен. Внутри этих ограничений и разворачивается текущая глобальная стихия.

Идея создания Университета мне кажется плодотворной. Но при одном условии — если будет надлежащее качество интеллектуального потока. Персональный состав Академии философии хозяйства способен гарантировать это качество. Но никакими рекламами членов Совета Федерации не заманить на эти “пиршества ума”, если не будет соответствия содержания спецкурсов запросам парламентариев, имеющих весьма обильный доступ к первичной информации. В любом случае эксперимент можно бы начать, а после 3—4 сенсационных докладов определиться решать, каким должен быть формат Университета.

Потенциал Академии позволяет предложить и непрерывный интеллектуальный сервис. Нельзя не видеть того, каким образом организована информационно-аналитическая и прогнозная поддержка принятия решений законодателями в ведущих странах мира. В связи с этим можно было бы предложить участие специалистов Академии в создании специализированного программного комплекса как основы ситуационного центра Совета Федерации. В дополнение к имеющимся базам данных Совета Федерации, этот комплекс мог бы фокусироваться на оценке и прогнозировании социально-экономической ситуации в России, регионах, международных отношений. Информационные технологии позволяют создать интерфейсы, устраивающие качеством рабочей экономичностью самого взыскательного парламентария, обеспечивающие постоянную аккумуляцию знаний и возможность принятия обоснованных решений».

Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор В.Т. Рязанов:

«Если рассуждать об идеальной модели взаимодействия науки и власти, то здесь важно стремление к постижению истины. Это означает что, наука должна не только реализовывать практическую функцию, вырабатывая рекомендации и занимаясь экспертизой, но и сохранять возможность говорить правду о том, что происходит и может произойти в обществе. Отсюда необходимость функционирования независимых научных институтов с самостоятельными источниками финансирования, получаемым непосредственно из рук общества. Сейчас важно ослабить как властно-идеологический прессинг, так и диктат рынка, что позволило бы ученым-гуманитариям дистанцироваться от разных центров влияния, отвлекающих от поиска истины. В известном смысле можно говорить о своеобразном “отделении” обществоведческой науки от государства и рынка, даже оказывающих сильное деформирующее влияние на движение к истине. Правда, превратиться в независимый гражданский институт наука сможет тогда, когда сама истина

станет осознаваться обществом и властью как непреходящая культурная ценность».

Профессор Нижегородского государственного университета имени И.И. Лобачевского, доктор философских наук В.А. Кутырёв:

«Хочу воспользоваться счастливой ситуацией: на прошедшем недавно Российском философском конгрессе в Новосибирске поднимался вопрос о необходимости переноса некоторых руководящих органов страны в Новосибирск. Это обосновывалось ростом информационных возможностей в реализации власти, проектом создания “электронного правительства”, задачей стягивания огромной территории России в единое целое. Обобщенно говоря, на конгрессе говорилось о необходимости перехода к “распределенному управлению”. Не случайно, я думаю, уже ведутся разговоры о “новой столице”, что является, конечно же, делом отдаленного будущего.

А вот Совет Федерации, будучи палатой регионов, вполне мог бы работать в центре России, в азиатской части, практически уже сейчас. Этот орган власти не занят повседневным управлением, он, скорее, представительный орган, символизирующий и олицетворяющий целостность общества. Роль такого органа во многом геополитическая. Появление и работа палаты регионов в азиатской части России резко ослабили бы бытующие там настроения политической обделенности и даже заброшенности. Аргументов для подобного шага можно представить множество, но я кратко сформулирую только суть идеи: “Совет Федерации — в Сибирь”».

Проректор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доктор экономических наук, профессор А.Ю. Архипов:

«В Академию философии хозяйства вошли ученые — экономисты, философы, историки, политики, представители бизнеса, которые, основываясь на российской и мировой научной традиции, сформулировали и отстаивают в современных условиях идеи Великой России, российского перестроения. Идеи Академии, зародившись в столице, восприняты и развиваются учеными — представителями различных регионов страны: Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодар, Ивана, Екатеринбург, Ярославля, Новосибирска и др. Важно, чтобы ученые в регионах работали с представителями власти на местах, выступая экспертами, формулируя предложения по направлениям социально-экономического развития. Такая практика уже имеет место, в частности в Ростовской области, и ее надо развивать.

Пользуясь случаем, отмечу одну законодательную инициативу, идущую от Южного федерального университета. Дело в том, что Южный федеральный университет включает такое подразделение, как Та-

ганрогский технологический институт, расположенный в ином муниципальном образовании, что, согласно Гражданскому кодексу и закону об образовании, обуславливает функционирование Таганрогского института лишь в форме филиала, хотя сам этот институт признакам филиала никак не соответствует. Эту коллизию надо бы разрешить посредством внесением изменений в действующее законодательство.

Другое затруднение связано с официальным приглашением профессоров из ведущих зарубежных университетов, которые, согласно последней трактовке закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, приравниваются сейчас ко всем иным категориям иностранных работников, что из-за необходимости соблюдать сложные процедуры оформления существенно тормозит процесс развития академического обмена.

Я бы мог привести и другие примеры такого рода проблем, требующих для своих решений законодательных инициатив. Думаю, что ученое сообщество, наша Академия, могут и в этой практической области принести заметную пользу».

Директор Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета, доктор экономических наук, профессор М.М. Гузев

«Прием в Совете Федерации есть признание важности и необходимости работы Центра общественных наук МГУ и Академии философии хозяйства, достойная оценка вклада ученых-обществоведов в разработку актуальных проблем развития страны. В то же время заметна недостаточная информированность органов власти об основных идеях, реализуемых нашим ученым сообществом в последние годы, в частности, в аспекте философии хозяйства. По собственному опыту работы в областной Думе и общения с “властью” знаю, что административному аппарату часто просто “некогда” вникать в суть научно-экспертных разработок, отличать важное от срочного и текущего. Требуется движение обеих сторон — науки и власти — навстречу друг к другу, более тесное и оперативное их взаимодействие, но с условием, если наука будет оставаться независимой в своих оценках и выводах, а потому и воистину социально и государственно ценной».

Директор Центра социальных технологий (г. Иваново), кандидат медицинских наук Е.В. Шелкопляс:

«Полагаю, что сегодняшняя встреча ученых-обществоведов и законодателей в стенах Совета Федерации — важнейшее событие, долженствующее дать новый толчок интеллектуализации государственной деятельности и росту ответственности научных кругов за судьбу страны.

По профессии я психолог, а здесь представляю Ивановскую область, отличающуюся, как известно, социальными инновациями. Хочу сообщить участникам встречи, что в Ивановской области реализуются сейчас проекты создания территориальных и территориально-производственных общин как базовых структур современного гражданского общества. Это говорит о том, что нынешняя российская наука не сторонится гражданской практики, а стремится в нее эффективно вливаться, преследуя цель не только экономического процветания, но и нравственного и духовного возрождения».

Ведущий научный сотрудник Российского научного центра «Курчатовский институт», ведущий эксперт Минэкономразвития Российской Федерации, кандидат технических наук О.В. Доброчев:

«Точка возврата в прошлое уже пройдена. Причем дважды. Первый раз в середине 1990-х гг., когда в мире закончились, по крайней мере, три глобальных 140-летних цикла — от зарождения великих еретических идей до их полномасштабной реализации: марксизма (1848—1989), дарвинизма (1859—1999) и жюльверновского инженерного космизма (1856—1996). Второй раз это произошло в 1998—1999 гг., когда в России закончился ее очередной длинный 80-летний хозяйственный цикл 1917—1998 гг.

Сверхновые идеи для следующих вековых циклов пока бытуют в виде ересей (термин Фримена Дайсона) и остаются адаптированными сегодня не только обществом, но и научной средой.

В этих условиях у России нет иного выбора, кроме как либо плестись за западными потугами освоения сверхнового знания (часто российского происхождения), либо, существенно перестраиваясь, вкладываться на равных с крупнейшими странами мира в новую интеллектуально-альтернативную революцию.

В нынешних российских реалиях это значит либо финансировать “Сколково”, что пиарно, но не фундаментально, либо создавать новую точку опоры для нового витка российской истории посредством построения лет так через 10—15 новой мировой столицы интеллекта, культуры и политики в самом центре страны на просторах Сибири».

Заведующий кафедрой истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор С.Г. Ковалев:

«Факт самой встречи в Совете Федерации ученых и законодателей в режиме свободного диалога исключительно важен. Нам всем необходимо взаимопонимание. Нужна и большая взаимная ответственность. Настало время понять, что без постоянного свободного обмена мнениями властей предрержащих с ученым сообществом страны нет и

не может быть ни эффективной власти, ни полноценной науки. Пусть прошедшая встреча послужит обретению творческого единения науки и власти, при котором власть слышит ученых и учитывает их концептуальные разработки при принятии своих решений, а наука испытывает уверенность в своей нужности для государства и непреходящей ценности для общества».

Профессор Ярославского государственного технического университета, доктор экономических наук В.И. Корняков:

«Совет Федерации совершил исключительно знаменательный шаг, пригласив к себе сотрудничающих с ним ученых-обществоведов и вступив с ними в свободный деловой контакт. Это делает честь не столько даже призванному в Совет Федерации ученому, сколько самому Совету Федерации, проявившему незаурядную стратегическую дальновидность. И дело тут не в стремлении уважить “общество знания”, а в понимании того непреложного факта, что наука, будучи, конечно, самостоятельной и свободной, способна оказывать эффективное содействие отправлению власти, ориентируя ее на концептуальном и экспертном уровнях в потребных обществу процессах. Многие годы участвуя в деятельности Центра общественных наук и привлекаемого Центром круга ученых, смею утверждать, что мы располагаем возможностью выдвигать новые, свежие, оригинальные идеи, корреспондирующие с реальностью, отвечающие самым актуальным национальным запросам. А вот идея с Парламентским университетом мне не представляется удачной: нужны не лекции, а постоянное творческое общение».

Профессор Российского государственного торгово-экономического университета, доктор экономических наук И.В. Пшеницын:

«Мне представляется необходимым распространение идей философии хозяйства, способной к последовательной критике экономического образа жизни, находящегося сейчас в глубоком кризисе, стремительно приближающегося к апокалиптической катастрофе.

Миром пенсионеров назвал Алан Гринспен вроде бы “процветающую”, но при этом и вымирающую инновационную экономику. Практически все развитые страны уже на краю демографической катастрофы, сравнимой с неандертальской. Славное гражданское общество существует лишь за счет миграции людей “негражданских”, т. е. не испорченных западной цивилизацией, обществ. Это приговор тотальному экономизму, идеалом которого стал бездетный Кашей Бессмертный, из своих 1000 лет 940 живущий на пенсии. Обездушенная инновациями “Кин-Дза-Дза” — вот конечная цель постиндустриализма. Пора начинать пропагандировать идеи национального хозяйства как

заповедника для выживания народов, а не пресловутого потребительского рая».

Генеральный директор ОАО «Приват-Инвест» (г. Краснодар), кандидат экономических наук Е.Г. Пономаренко:

«Состоявшаяся встреча ученых-обществоведов и российских сенаторов зародила надежду — надежду на то, что мнения, суждения и боль ученых, касающиеся экономического состояния нашей страны, все же будут услышаны людьми, создающими законы.

В следующем году исполнится двадцать лет августовским событиям 1991 г., столь кардинально изменившим судьбу Советского Союза и России. За этот период мы прошли путь от эйфории, что, мол, рынок все приведет в порядок, до сомнений в пригодности феномена либеральной экономики для России. Да и практика последних двух лет демонстрирует все возрастающий разрыв между призывами первых лиц государства и отсутствием реальных законов, которые бы способствовали развитию передовой инновационной экономики.

Модернизация жизненно необходима, спору нет. Не исключено, что российская экономика предполагает свой путь, а потому западный опыт применим у нас лишь частично. Однако законодатель не торопится представить обществу законы, направленные на модернизацию страны. При этом нам крайне необходима социальная модернизация, способная привести к равенству прав и преодолению коррупции.

Общее желание конструктивных перемен в сочетании со стремлением к возрастанию экономических свобод должно сподвигнуть ученых-обществоведов и законодателей на более тесный и — главное — результативный контакт.

Модернизация необходима не только в сфере производства, но и в системе законов, в чем роль ученых-обществоведов трудно переоценить».

Начальник кафедры экономической теории Новороссийской государственной морской академии имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, кандидат экономических наук, профессор В.В. Кашицын:

«Стремительно усложняющаяся в стране и мире круговерть диспропорций и противоречий, конфликтов и катастроф все более очевидно высвечивает потребность в адекватной интеллектуальной и властной рефлексии, в изменении механизмов и характера принимаемых решений, в гармонизации ситуационных реакций общества и государства относительно множащихся проблем. Объективная зависимость общественной жизни от системного обобщающего знания кратно возрастает.

В данном ключе трудно недооценить те немногие случаи плодотворного и результативного взаимодействия власти с ученым миром.

Вот уже без малого десять лет как такое сотрудничество развивается между Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и межрегиональным коллективом ученых Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и недавно созданной Академией философии хозяйства.

Нельзя не отметить, что данное сотрудничество развивается по экспоненте, очередным свидетельством чего явилась творческая встреча 9 июня этого года сорока ученых Центра общественных наук и Академии философии хозяйства с руководством и членами Совета Федерации.

В ходе свободной размыслительной дискуссии, которую вел председатель Комитета по бюджету Совета Федерации Е.В. Бушмин, были высказаны оригинальные идеи, могущие найти отражение как в научно-аналитической, так и в законотворческой деятельности, в общественной и государственной практике.

Можно определенно констатировать, что философия хозяйства стала одним из работающих интеллектуальных факторов развития общества, государства и гуманитарного знания.

Участники встречи наметили ориентиры дальнейшего сотрудничества и определили его основные институциональные формы.

Считаю возможным в связи с этим констатировать следующее:

- идея открытого со свободным посещением парламентского университета (лекции) не представляется плодотворной — если создавать университет при парламенте, то полноценный (аналог второго, дополнительного, переподготовочного образования) и воистину оригинальный по форме и сути возможной подготовки;
- предпочтительно выглядят тематические совещания, реализующие мозговые штурмы по актуальной проблематике;
- возможна подача в Совет Федерации аналитических записок, интеллектуальных документов;
- возможны региональные научно-экспертные совещания по инициативе Совета Федерации;
- актуальных и острых проблем сегодня великое множество».

Заведующий лабораторией структурной химии химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор химических наук, профессор Л.А. Асланов:

«Нельзя не выразить глубокого удовлетворения от состоявшейся в Совете Федерации встречи ученых Центра общественных наук и Академии философии хозяйства с сенаторами, ведущими ответственную законотворческую работу. Трудно сказать, было ли достигнуто полное взаимопонимание, но взаимный интерес был явно продемонстрирован. Российская власть обязана знать и привлекать науку, а людям науки

очень полезно общение с представителями высшей власти. Хотелось бы надеяться, что встреча послужит укреплению деловых и творческих отношений ученого мира с российским парламентом, с властными структурами. И уж коли в Совете Федерации представлены регионы, то не попробовать ли проводить Малые университетские форумы и иные научно-экспертные мероприятия не только в Москве, в МГУ, но и в регионах, в особенности в тех местах, где философия хозяйства пустила корни, имеет практическую реализацию. Акцент на регионах сегодня особенно уместен».

Профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук С.П. Макаров:

«Власть, как это принято у нас, предпочитает не столько прислушиваться к ученым, сколько пользоваться их услугами, в основном экспертными. Состоявшаяся внешне неожиданно, но по-своему внутренне предопределенно встреча ученых-обществоведов с сенаторами знаменует какой-то поворот во взаимоотношениях ученого мира с действующей властью, пусть еще практически, быть может, не слишком радикальный, но по сокровенным смыслам, безусловно, очень важный. Во всяком случае, выбор сделан правильный — к единению ученой мысли и мудрости, с одной стороны, властных решений и действий — с другой. Я не в том возрасте, чтобы впадать в воодушевляющий экстаз, но прекрасно сознаю необычность и важность происшедшего события, за которым обязательно последует что-то вселяющее надежду, хотя бы большее взаимопонимание между миром науки и миром власти. Ну а философия хозяйства, будучи сама поворотным знанием, может всему этому эффективно послужить».

Директор Ярославского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института, доктор экономических наук, профессор Г.А. Родина:

«Встреча в Совете Федерации рассматривается как признак (попытка?) отхода власти от незыблемого советского принципа *всезнания власти*, которая всем дает указания, поскольку знает все про всех и за всех. Особая ценность видится в том, что встреча была организована с представителями фундаментальной гуманитарной науки, которая по сути своей не дает сиюминутных, быстрых отдал. В этом усматривается (очень хочется в это верить) осознание необходимости переключиться с преимущественно тактических на стратегические ориентиры.

Всецело поддерживаю инициативу Ю.В. Яковца по созданию парламентского университета открытого типа. Участие периферийных членов Академии философии хозяйства видится в:

- привлечении к мероприятиям (занятиям) по фундаментальному (междисциплинарному) образованию российских законодателей;
- привлечении к тематическим совещаниям (круглым столам) по актуальным социальным, экономическим, экологическим и иным проблемам».

Послесобытийные реминисценции

Встреча власти и философии хозяйства

Состоявшаяся 9 июня творческая встреча Совета Федерации и Центра общественных наук (ЦОН) при МГУ имени М.В. Ломоносова далеко выходит за рамки юбилейных, протокольных или дежурных торжеств. Власть и ученые встретились не просто так, если подойти к феномену метафизически: таковым стал ответ на смысловую исчерпанность и практическую вредность научных и властных инициатив современного экономизированного и математизированного человека.

Разумеется, это еще никем не осознанно, но это уже факт — факт неизбежной реакции на апокалиптическую абсурдность парадоксального времени: с каждым днем в мире растут объемы научных знаний, количество ученых, управленцев, безмерно совершенствуются производительные и управленческие технологии, но этот вроде бы позитив не останавливает ширящийся хаос, нарастание тупиков и разгул кризисов, а лишь ускоряет деградацию природы, социума и человека. Почему же умнейшие люди, вооруженные большими знаниями, великими техническими средствами, творят не благо, а зло, разрушая среду человеческого обитания, как и самого уже человека?

Да потому, что власть и наука разделились: каждая из них действует по своим правилам, а совместно они неосознанно разрушают целостность мира, человека и жизни. Древний грек Анаксагор постоянно напоминал своим согражданам: «Познавать нужно, чтобы мудро править, а царствовать нужно, чтобы искать истину и продолжать жизнь!». Издревле власть и мудрость были одной и единой сущностью, двумя неразделимыми сторонами единой жизни. Платон сверхубедительно доказал, что власть в отрыве от философии неизбежно превращается в тиранию и саморазрушается, а философия в отрыве от великих задач власти неизбежно становится софистикой, словопрением, прожектерством. История показала, что это осознание губительной опасности разлада власти и философии не привело ни к единению этих

последних, ни к целительному врачеванию с его помощью человеческого жизнеустройства.

Не помогло и христианское врачевание. А ведь христианство возвело власть в чин ангельский, а мудрость сделало своей первой советчицей, и помощницей своей, и художницей, и мирхозяйкой. Христианская церковь институционально восстановила живую связь власти и мудрости посредством идеи хозяйства и в форме хозяйства как особой человеческой формы бытия. Хозяйственный мир создается совместно Творцом, Софией, Логосом и человеком с его земной мудростью и властью. Поэтому при всех христианских (да и при языческих) храмах, монастырях были свои школы, свои учителя, свои мастера и художники, свои университеты, свои академии хозяйства, свои научные учреждения, поставляющие светской власти не только опьяняющие вина, но и отрезвляющие знания. Вся жизнь людей пронизывалась этой глубокой и мощной духовно-практической смысловой инфраструктурой хозяйства, которое воспринималось людьми как божественное средство исцеления человека, его вырыва из реальных и виртуальных лап лукавого. Идеи Софии и законы Логоса стали главными христианскими инициаторами и смысловыми перводвигателями хозяйства, реализуемой творческой и творящей силой людей власти и науки.

В эпоху Возрождения власть и наука скрыто отвергли христианство и покорились соблазну богатства. Власть стала все более пользоваться тайными знаниями и закрытыми управленческими технологиями, не сознавая, что на этом пути она неизбежно зайдет в тупики хозяйственной и финансовой инквизиции; а философия, сочинив для себя искусственный язык, утратила понимание самой себя, скатившись в дебри гламурного словоблудия и постмодернистского терминологического разврата.

И вот впервые спустя 2500 лет высший закон жизни, упорно игнорировавшийся, но не отмененный, принуждает власть и философию вновь возвратиться к платоновской идее собственной целостности на основе и в рамках единой и общей сущности. Терминологически это единение уже предположено в самом названии движения «Единая Россия», но это движение должно наполниться ради блага России властной мудростью и философской властью. Впервые философия не поучает власть, а власть не требует от философии практицизма и спасительных рецептов. Ведь всяческих знаний, ученых, наук и правителей тьма, а правит-то ведь повсюду не зримый свет, а как раз незримая тьма. Не видеть, не знать и не понимать этого факта уже нельзя. Отсюда самое время искать иного использования огромного числа образованных и умелых людей в сферах науки и власти.

Впервые власть и философия сделали шаг к пониманию того, что именно хозяйство является высшим законом современной России и всего человечества, сакральной парадигмой науки, познания и практических деяний. И именно в категориях и терминах философии хозяйства наиболее точно и адекватно выражается суть современной эпохи как эпохи перехода от разваливающейся и виртуализирующейся экономики к устойчивому хозяйственному строю жизни. Хозяйство — вот та реальность и категория, посредством которой власть и наука могут восстановить свое жизненное единство, свое бытие, ибо экономизм с его поклонением ВВП и Золотому тельцу исчерпали все свои возможности на путях лжи, обмана, насилия, имитации жизни. ВВП фактически означает Великого Виртуального Призрака жизни, который вынуждает человечество тратить последние крохи ресурсов и ума на свое уже окончательное обезумление.

Сегодня философия хозяйства становится новой и единственной идеологией жизни, труда, познания, науки и власти, новой, первой и единственной парадигмой жизни, в которой власть и наука гармонично и согласованно могут вершить Божью Волю, даже не вполне ее понимая и не достаточно осознавая.

Спонтанное и прямо-таки промыслительное возникновение Академии философии хозяйства сакрально подтверждает эту необходимость и неизбежность слияния науки и власти именно на основаниях и посредством философии хозяйства, несущей в себе древние наказания и посылы Софии и Логоса. Власть и наука! Союз их кровный и вовсе не случайный, и только в воистину роковые дни этот союз вынуждает власть и науку стать единым софийным и логосным организмом истины, которой давно уже не владеет экономизм со своими биржевыми (наперсточными) играми.

Встреча свободных ученых и прозревающей невольной власти в Совете Федерации неизбежно должна принести свои практические плоды. Есть новая идеология России, есть новая парадигма науки, власти и России. За созданием Академии философии хозяйства должно последовать создание нового типа университета, способного практически приблизить человека к философско-хозяйственному пониманию жизни и ее обустройства человеком.

Мозг является главным органом, ради которого собственно и существует любой биологический, социальный и управленческий организм, ибо через мозг временная жизнь общается с жизнью вечной. Совет Федерации рассеял свой головной мозг по комитетам и комиссиям, а потому и не имеет вселенских идей, которые бы скорректировали движение России в гавани вечности. Поэтому Совет Федерации острым образом нуждается в создании собственного уникального

университета, который мог бы стать его образовательным и интеллектуальным центром, его головным, системным мозгом, вырабатывающим знания о путях движения от временной и гибнущей экономически-финансовой Вавилонской башни в хозяйственный Домострой вечности. Этот университет будет призван объединить и использовать во благо России самые утонченные методологии науки и самые недоступные ресурсы власти. И на места депутатов будут приходить люди, прошедшие такой университет — оригинальный и уникальный. Иначе же наши власть и науку ожидает одно лишь пустое перераспределение незнания, непонимания и некомпетентности.

Университет Совета Федерации может и должен стать университетом всех университетов, как христианские университеты Средневековья стали образцами всех светских университетов, вообще — любых образовательных институтов.

И не нужно бояться великой задачи, нужно лишь страшиться легких удач!

Совет Федерации по природе своей реально должен заниматься не экономикой, а хозяйством, ибо народы, племена, народности создаются, живут и сохраняются хозяйством, домостроем, а страдают они более всего как раз от экономики, их эксплуатирующей и грабящей.

Совет Федерации должен серьезно отнестись к Благой Вести, которую несет философия хозяйства, ибо эта весть содержит в себе ключи для решения всех тех проблем, которые, увы, пока больше владеют властью и наукой, чем эти последние ими.

Да свершится!

**Н.Б. Шулевский,
доктор философских наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова**

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Под знаком «М»

«М» — это мобилизация, новая мобилизация, — и ничего другого!

Аннотация. «М» — мобилизация, а не модернизация, но мобилизация — ресурсов, сил, инициатив — под широкую и подкрепленную тенденцией к развитию модернизацию экономики, социума, цивилизации России.

Ключевые слова: мобилизация, пореформенная экономика, национальная идеология, Россия.

Abstract. «М» — mobilization, not modernization, but mobilization of resources, forces, initiatives — for widespread and supported by the tendency to development modernization of economy, society, Russian civilization.

Keywords: mobilization, post-reform economy, national ideology, Russia.

«М» — нет, это не метро, даже не модернизация, а всего лишь мобилизация, без которой ни «метра», ни модернизации, ни чего-нибудь еще стоящего, попросту нет и быть не может.

Не может быть ни аэрофлота, ни атомных станций, ни сценической игры, ни хорошей лекции на университетской кафедре, ни успешной хирургической операции, ни просто выживания человека в том же мегаполисе. «М» — та самая мобилизация, без которой в общем-то нет вообще жизни, нет хозяйства, нет экономики, даже пресловутого финансизма нет. Это вовсе не такой уж милитарный, как кажется, феномен, а самый что ни на есть гражданский, обыденный, мирный. Повсюду мы видим либо мобилизационное действие, либо мобилизационный процесс, либо мобилизационное чего-либо важного и неизбежного разрешение. И общенациональные мобилизации в текущей жизни вовсе не редкость и не исключение — и не только по поводу войн и катастроф, а и тех же рывков вперед — ради обновления, развития, прогресса.

Отмобилизовавшаяся во время реформы на присвоение и потребление, Россия теперь обязана отмобилизоваться на производство и развитие. Что тут неясного? Необходимо бросить силы и ресурсы на *новую индустриализацию*, на *развитие науки и техники*, на *производительное созидание*. А это можно сделать не через дисперсную и

жутко синергетическую модернизацию, а через волевою и целеустремленную *мобилизацию*, за которой должна идти не столько завозимая из-за рубежа модернизация (по сути субмодернизация), сколько собственное развитие, опять же не по всему хозяйственному пространству сразу, а по главным направлениям, основным позициям и решающим точкам, а затем, может, и по всему ареалу страны.

Пореформенная Россия способна, наверное, и осознать все это, хотя бы на правительственном уровне, а вот решительно и целеустремленно действовать в сторону собственного развития, увы, не может, ибо прошедшая реформа никакого такого развития не предполагала, отмотобилизовав самых ушлых граждан на безудержное личное присвоение, самых бестолковых на неумное потребление, отстранив при этом подальше и понадежнее всякого рода умников и бессеребренников, созидателей и преобразователей, интеллектуалов и инноваторов — за явной их ненужностью.

Паразитарной получилась пореформенная экономика, очень паразитарной, а хозяйство вышло на редкость уродливым — не способно оно обеспечить ни полноценного бытия человека (с уверенностью каждого в жизненных перспективах), ни активного и разностороннего себя развития.

Отсюда задача: *переход от пореформенной России к России полноценной*, что означает — от России неполноценной к России полноценной, от России отмотобилизованной на собственное себя проедание, растрату сил и возможностей, а затем и историческое угасание, к России, отмотобилизованной на полноценную жизнь, перспективу, развитие.

От реформы к постреформе! — не больше и не меньше, и это не через унылую и чуждую модернизацию неполноценной пореформенности, а через *мобилизационное перестроение России*, что, разумеется, делать никому из нынешних владельцев российского по производству бытия не очень-то хочется, а делать все-таки надо, чтобы не сгнить, не развалиться, не обратиться в прах, пополнив незримые залежи исторического навоза.

Мобилизационное перестроение предполагает:

- субъекта перестроения и развития с центром во главе (централизованного ордена);
- целостный проект перестроения и развития;
- механизм реализации проекта с систематическим и эффективным контролем со стороны центра;
- перераспределение в пользу субъекта и проекта необходимых ресурсов.

Ничего тут нового, ничего необыкновенного, ничего и предосудительного! Хочешь идти вперед, обновляться, развиваться, достигать исторических вершин — мобилизуйся и действуй, проявляя волю, исходя из соответствующего замысла, опираясь на конструктивные силы, используя необходимые средства, созидая новый социум, новое производство, новую экономику, новую Россию!

Ничего тут не остается, кроме как идти на созидание в порочной и изрядно уже протухшей пореформенной, еще и бездарно глобализированной, среде нового жизнеспособного национального целого: *страны в стране, хозяйства в хозяйства, экономики в экономике*, с тем, чтобы получить в итоге искомое — способную к новому полноценному историческому бытию Россию. И в зародыше, а может, и в запасе, она есть, эта новая Россия, есть, ибо потребительское прозябание, пусть и отлакированное особняками, авто и загрантурами, устраивает в России во все не всех, более того, оно вполне отвергается устремленными к нормальной (не телевизионной) жизни, которая, как неожиданно выясняется, имеет все-таки шанс воплотиться в реальность именно в России, ежели, конечно, прекратить опостылевшую большинству российских граждан «цивилизаторскую реформатовщину» и перейти к уже назревшей *постреформенной реконструкции*, способной возратить обществу и хозяйству способность к полноценному бытию и развитию.

И вот тут-то потребна соответствующая *национальная идеология*, формирующая здоровое национальное сознание и очищающая загаженную «инферналиками» и «глобаликами» ноосферу. А проблема эта посложнее любой другой: легче проект какой-нибудь экстравагантный сгондобить, деньги под него отыскать или, на худой конец, выбить, закупить что надо и где надо, кое-что даже и сварганить, деньги весьма при этом, как водится, подрастратив и попристроив, а вот сознание выправить, изрядно уже загаженное и испорченное, если не довольно уже изуродованное, — это и в самом деле проблема!

Мобилизация сознания — да не на личное присвоение, массовое потребление и развязный аморализм, а на творческое созидание, социальную ответственность, консолидирующий энергизм.

На месте расстроенной народонаселенческой массы должна вдруг явиться не более и не менее как *новая российская нация*, скрепляемая нравственным общежитием, амбициозными задачами и устремлениями, схватываемой сообща перспективой.

Вот она, историческая сверхзадача!

И сложно, и невозможно, и страшно!

А придется: иного тут не дано, ежели, конечно, России суждено так пережить поразившее ее реформационное лихолетье, выдюжить и встать на путь экзистенциальной нормализации!

Придется!

Кто это хорошо поймет и первый делать начнет, тот и историей овладеет, и Россию обретет, и нацию перед собой вдруг увидит, — достаточно лишь для начала к России лицом человеческим обернуться, перестать рассматривать ее как колониальный источник богатства, узреть в ней родной дом свой, да и россиян наконец-то за людей посчитать, пусть и не за родных совсем, но хотя бы за близких.

Пора уже понять, что без России никаких в мире россиян нет и никогда не будет, как, собственно, и России без русских (не россиян только!) тоже нет и не будет, еще и усвоить, что именно у России сейчас великий шанс перехода к *иному миру* — вовсе и не всеобщего благоденствия, а, скорее, большого испытания, однако вполне жизнетворного, — мир-то планетарный, ведомый передовым Западом, уже в период новых эпохальных перемен втягивается, в ходе которых ему и перевернуться как-нибудь смертельно ничего не стоит.

Россия вновь на рубеже, но не веков и даже не эр, а на рубеже *миров*, из которых один, уже в России воцарившийся, точно тянет на inferнальный антимир, от которого России и необходимо срочно и решительно отпрянуть.

Вот и потребность сегодня в «М» — в *мобилизации*, но уже не ради частного присвоения, а ради всеобщего преобразования, потребность в котором Россия уже достаточно ощущает, не порвав еще связи со своим историческим назначением, которое все как раз и устремлено к *иному*!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Аскетократия как социальная инновация философии хозяйства

Всякое подлинное
исследование аскетично.

И.А. Ильин

Знай себя, и будет с тебя!

Русская поговорка

Аннотация. В статье анализируется провиденциальная метафизика аскетизма как творческого перво двигателя социокультурных обновлений. Исследуются мерный аскетизм Древнего мира, умный аскетизм христианства. Особо выделяется аскетизм как вид внутреннего труда, который определяет самоконтроль, самосовершенствование человека и

служит основой софийного самообладания личности. Рассматриваются связи власти и аскетизма: если власть станет единым великим аскетом, то народ станет многообразием великих талантов.

Ключевые слова: аскетизм, мера, христианство, внутренний труд, самообладание.

Abstract. In the article the providential metaphysics of asceticism as creative driver of social-cultural renovation is being analyzed. Measured asceticism of the Ancient world, clever asceticism of Christianity are being investigated. The author particularly marks out asceticism as a type of internal work that determines a person's self-control, self-improvement and serves as basis of a person's wise self-possession. the connections between power and asceticism are being considered: if power becomes the unitary great ascetic then the people will become the variety of great talents.

Keywords: asceticism, measure, Christianity, internal work, self-control.

Цель любой благой дискуссии¹ — поиск путей к древу вечной жизни, которое уже у райских врат охраняется двумя херувимами с огненными мечами, превращающими в смрад самонадеянных и невежественных охотников за плодами вечности. Но такой исход не оставляет аскетов, готовых стать и смрадом ради нее...

Увы, само превращение аскетизма из основания жизни в проблему говорит об удалении человека от витализма жизни, о растущей мертвенности бытия, об оживлении небытия. Аскетизм — это крик жизни к небу о спасении ее от людского невежества, от алчности, от ее растворения в смертоносном гедонизме. Ведь сама жизнь — это аскеза вечности, ибо малейшие нарушения ее внешних и внутренних мер губит это чудо. Да и познание тоже есть вид аскетизма, ибо в изучении от чего-то отвлекаются, чтобы затем через эти отвлечения-абстракции прийти к знанию. Абстракция — это орудие гносеологической аскезы. Но люди, вопреки аскезе-жизни следуют беззаконию греха, хотя простое осознание сути аскетизма может превратить искру жизни в праздник Огня.

Слово «аскетизм», как и любое слово русского языка (и не только русского), несет двоякую службу. С одной стороны, оно выполняет утилитарно-прагматические функции во всех благих и злотворных деяниях человека, являясь в этом плане зависимым созданием, кото-

---

¹ Дж. Вико увидел в любой дискуссии некую суицидную логику. Сначала люди воспринимают проблемы взволнованными чувствами, затем — переживают их встревоженной душой, затем — обсуждают чистым умом, и, наконец, обсуждают ради обсуждения, ничего не чувствуя и даже не замечая этих проблем [1, 88].

рым помыкают люди по своему велению. Человек посредством этого слова решает свои важные и значимые проблемы, ищет нужные ему смыслы.

Но любое слово существует и само по себе, обладает смысловой свободой, добровольно служа своему Создателю и логосу Софии в мироустройстве бытия. Любое слово несет в себе скрытую печать смысла золотого, весть благовую Первослова, тайну его хранит для грядущих битв за вечность. И в этом плане каждое слово уже использует вещи, людей — неведомо для них — в качестве орудий своих *словных* дел и решений ТОГО СЛОВА... Слова неявно всегда используют людей в своих целях, и лишь потому людям позволяет вольно пользоваться словами.

Слово «аскетизм» начало свое культовое служение в качестве дисциплинирующего наставника непослушного, ох, какого непослушного, человеческого племени. У древних греков «аскетизм» (ἄσκησις) означал методически урегулированные упражнения, укрепляющие тело, волю, душу и ум. Слово это выражает некий неявный императив, обращенный человеком к самому себе. В древнейших обществах был специальный институт посвящения в человека — в мужчину и в женщину — посредством специальных (иногда — весьма суровых и жестких) аскез. Нужно было сдавать аскетический экзамен на аттестат человека. Каждый человек сам должен владеть средствами, подчиняющими его тело, ум, душу и речь определенным нормам. Поэтому в древних обществах не было полиции, тюрем, клиник для душевнобольных, институционального образования; аскетизм там был естественным мировоззрением, образом жизни и средством самосовершенствования человека. Ведь без минимума аскезы и самодисциплины вообще невозможно что-либо сделать; само вертикальное положение человека есть пожизненная аскеза. Человек есть аскетическое существо, ибо он живет посредством самопринуждения, становящегося со временем естественной привычкой. Без такой самоаскезы жизнь невозможна.

Постепенно слово «аскетизм» дослужилось и до сакрального звания, двигаясь дальше к высотам академической мудрости. У Пифагора аскетизм стал уже термином² богословия, философии, праксиса, обозначая средства очищения и совершенствования общества, души, ума, речи, поведения и общения, средством культивирования божествен-

---

² «Термин» в римской мифологии был особо чтимым божеством; посвященный ему камень хранился на Капитолийском холме, символизируя незыблемость границ; в этике незыблемость границ человечности представлял аскетизм [2, 501].

ных и высших социальных и нравственно-патриотических качеств молодежи.

Древний аскетизм вовсе не сковывал творческие силы личности, не уводил ее от служения Родине. Наоборот: аскетизм служил мощнейшим средством самосовершенствования социальных, умственных, телесных и нравственных сил индивидов. Даже вульгарный аскетизм киников во главе с бочковым Диогеном, который придал ему гламурный лоск нищеты, лени и цинизма, все же служил средством раскрытия возможностей человеческой природы. Обаянием своего аскетизма они доказали, что для благой жизни нужно очень мало! А ведь многие рабы материально жили в лучших условиях, чем аскеты-кинники, но вот рабство презирали, а киникам подражали.

Античная культура преобразила аскетизм в удивительно гармоничский и в то же время практический, методологический идеал благой, прекрасной жизни. Философское выражение этот идеал получил в этике Аристотеля, который блестяще, просто, элегантно, даже с налетом гламура представил его в качестве модели жизни, сообразно которой каждый индивид может самостоятельно стать кузнецом собственного счастья (несчастья). Логически и метафизически аскетизм выражает *мерную методологию* познания и действия. Но мере угрожают две аномалии, два нарушения, два преступления — *избыток* и *недостаток*. Если в мере и мерой живет вечное, то в *избытке* и в *недостатке* действуют силы разрушения, зла, порока, отрицающие меру Космоса. В режиме избытка работают наслаждения, в режиме недостатка — страдания.

В теоретической пластике эта методология предстает как учение о *золотой середине* вещей, поступков, познания, логики, *середине*, находящейся между *избытком* и *недостатком* их субстанции. Эту середину Аристотель и называет *мерой*, посредством которой действует космический и человеческий ум. Так храбрость есть среднее между трусостью и безрассудством; щедрость — среднее между скупостью и расточительностью; истина — среднее между заблуждением и незнанием; благо — среднее между злом ростовщичества и тирании; философия — среднее между мудростью и софистикой; героизм — среднее между божественным и человеческим и т. д.

Соответственно и *аскетизм есть мера, среднее между роскошью (гедонизмом) и нищетой, бедностью (пауперизмом)*. Найти середину трудно, ибо выбирать, искать приходится среди многообразия пороков. Ведь нравственных, умеренных людей, следующих аскезе-мере мало, много посредственных конформистов, живущих выживанием себя из себя, а большинство живет крайностями, потакая своим слабостям и порокам. Поэтому и добродетельные люди примерно одинаково

вы, а дурные — крайне разнообразны, как чистая вода — бесцветна, а грязная — играет всеми цветами нечистот. Порочным быть легче, чем нравственным, как промахнуться легче, чем попасть в цель.

Но аскеза-мера как среднее между избытком и недостатком, целиком, до последней наночастицы, находится в рамках блага, а вовсе не является «средним» между благом и злом. Бессмысленно искать «среднее» между убийством и жизнью, между трусостью и мужеством, между воровством и честностью, вообще — бессмысленно искать «среднее» в пороках, ибо всякое отклонение от меры в сторону избытка или недостатка — порочно. Нет умеренной трусости, умеренного воровства, умеренного убийства и т. д.³ Ибо благо есть власть аскезы-меры, середины, а зло — беспредел крайностей. Правда, софисты всех времен носятся с идеей гения как позитивного разрушения нормы избытком дарований. Для Аристотеля — это серый софизм серости, ибо выдающиеся люди, скажем, Сократ, вовсе не нарушают меры, а наиболее полно выражают ее человеческие и космические *вершины*. Гений — это человек, подвластный прямо-таки деспотическому аскетизму меры. Поэтому для классического мира древности аскетизм был высшей ступенью совершенства человека и духа⁴.

Поразительно, но задолго до христианства Античный мир создал прямо-таки недостижимый образец аскетизма как творческой и творящей меры, сохраняющей жизнь, мир и природу. И этот аскетизм вовсе не культивировал лени, безделья, замкнутости, искусственного самоистязания во имя недостижимой цели, хотя и не отрицал, а даже поддерживал такие антропологические эксперименты (киннки). Древность точно знала, что человеку угрожают два врага: внутренний и внешний, избыток и недостаток. Внутреннего врага помогут одолеть другие люди, а вот внутреннего врага человека, скрывающегося в его порочно-

---

³ «И подобно тому, как не существует избытка благоразумия и мужества, потому что середина здесь, это как бы вершина, так и в [названных выше пороках] невозможно ни обладание серединой, ни избыток, ни недостаток, но, коль скоро так поступают, совершают проступок. Ведь, вообще говоря, невозможно ни обладание серединой в избытке и недостатке, ни избыток и недостаток в обладании серединой» [3, 87].

⁴ Много сказок сочинили о чревоугодии и пьянстве олимпийцев. Но что они пили и ели? Амброзию и нектар! Как бабочки и мотыльки! Они аскетизм называли пиршеством! Так, Сократа считали по нашим меркам алкоголиком, ибо он пил сухое вино, разбавленное водой 1 к 10, а норма была — 1 к 20.

И боги, и герои, и люди древнего не мыслили жизни вне аскетизма как меры жизни, ибо они знали, что только смерть предпочитает гедонизм и безмерность наслаждений. Ну, а когда они стали пить неразбавленное вино, то их быстро разбавили варвары своим новым аскетизмом.

сти он должен одолеть сам; посредством аскезы привести свое тело, душу, ум и нрав в соответствие с мерой. Аскетизм служил самодисциплиной тела, ума и души, не стесняя творческих дерзаний, а укрепляя их кумулятивными средствами духа. Аскетизм меры был для Древнего мира и самоцелью, и средством, и благом, и условием, и самой жизнью⁵. Добродетель — это аскетизм, а аскетизм — это наука и жизнь сообразно мере богов, космоса и мудрости.

Аскетизм Древнего мира не был направлен против общества и жизни, как в буддизме, для которого жизнь есть страдание; избавиться от него возможно лишь путем трансформации жизни в нирвану, полностью пресекающей волю к жизни. Цель буддийской аскезы — не спасение человека в жизни вечной, а его полное исцеление от жажды жизни, чтобы он уже никогда не захотел жить. Аскетизм буддизма ускоряет конец жизни, а аскетизм Аристотеля организует силы человека для достижения благой жизни. Поэтому аскетизм для него — цель и средство мудрости, мира, богов и человека.

Но столь же странно и непонятно то, почему же Древний мир, обладая столь мощным практическим идеалом устройства общей и личной жизни, все же рухнул в пучину самых невозможных пороков? Идеал неосуществим или же люди оказались «не те»? Или же для осуществления таких идеалов нужна благодать Неба, в которой древним почему-то было отказано? Или время для таких идеалов еще не созрело?

Поэтому глубинный и целостный сакральный смысл свой аскетизм раскрывает лишь в христианстве, в котором он становится социокультурным, личностным и духовным методом врачевания пороков общества и человека, нормой их жизни. Это настолько абсолютная истина, что и поныне даже антихристианские власти рассматривают аскетизм («потуже затянуть пояса», урезать расходы, пенсии, доходы и проч.) как единственный метод исцеления современного общества от различных кризисов.

История христианства является как бы волшебной сказкой Бога, в которой все люди естественно, как норму жизни, вершат героические деяния — побеждают боль, страх, мучения смерти и власти, сладость мечтаний, прелести обоняния, очей и ушей. Побеждают не для того, чтобы их уничтожить, а чтобы сделать их соучастниками божественного чуда, преображающего саму смерть, чтобы узреть то, что скрыва-

---

⁵ Богини Немезида и Дике строго следили за соблюдением меры и справедливости, безжалостно уничтожая «беспредельщиков» власти, финансов, наслаждений, свободы и награждая героев, утверждающих аскетизм как сакральный образ жизни.

ется в самом нутре смерти. Созерцание истины, поражающей смерть, исцеляет страдания людские. И все это содержит в себе аскетизм — маленький монастырь величайших дел.

Поэтому для христианства «аскетика — наука, предметом которой является выяснение законов духовного подвига в его исторических проявлениях и фактических данных» [4, 593]. Ведь сохранение духовных измерений жизни в антидуховной, инфернальной среде требует постоянного подвига, постоянного отречения от массы ненужных вещей, дел, знаний, реакций, желаний, оценок. Аскетизм служит средством очищения ума, сознания и души, дабы сделать их достойными духовных благ.

Далее, христианство исходит из диалектики повреждения ума, души и сознания человека. Своими усилиями человек уже не исправит повреждения, но и Бог не поможет без участия в исцелении воли человеческой. Аскетизм и есть духовно-практические воздействия на тело, сознание, мысль и волю человека, чтобы сделать их вменяемыми и способными к восприятию даров благодати от невидимого, трансцендентного мира.

И в этом плане аскетизм есть деяние по преобразению нрава, воли и духа человека в героические силы, способные преодолеть желания имманентного мира на пути прорыва человека в мир невидимый. Материальный мир должен стать первой ступенью для восхождения человека к его небесной Родине; а дальше нужен прорыв, а для прорыва — подвиг, который всегда есть жертвование своим имманентным благом во имя ценностей трансцендентных. Но материальный мир, материальные потребности человека не отвергаются, а преобразуются в первую ступень небесной лестницы, ибо без первых ступеней не будет и последующих...

Христианство рассматривает аскетизм как высшую форму самопреобразования человека, как норму его самообладания, самоконтроля и самоподготовки для ухода в длинный неведомый путь. А для этого все телесные, душевные силы ума, сознания, речи должны стать единым органом владычества человека над самим собой, единым орудием, принуждающим плоть жить по закону духа, дабы ступить на стезю богопознания, ведущую к высшему разуму святости. Да и чтобы в земном бытии жить с минимумом болезней, пороков, чтобы самому врачевать себя сознанием и умом Христа. Слово «терапевт» появилось в I в. н. э., обозначая врачевание путем духовных воздействий на больного. Меньше есть, меньше спать, больше размышлять, трудиться и молиться, — и крест твой станет поводырем в мир блага. Аскетизм — это непрерывная брань сознания и ума против непрерывно атакующих их бессознательности и удовольствий. Сознание и ум только и существ-

вуют посредством аскезы человека в непрерывной борьбе на два фронта — против бессознательности и против удовольствий плоти, усыпляющих совесть и дух.

Невозможно кратко очертить все величие, многообразие и мощь христианского аскетизма, правда которого доказана прошедшей историей, а будущее останется только за ним, ибо небо оставит на земле только аскетических людей, которые не допустят ни слова, ни дела, ни мысли, ни взора, ни желания вопреки священной сути аскетизма.

Удивительно, странно и поразительно, но вся суть, весь пафос христианского аскетизма направлены на максимальное укрепление сил ума. Значит, в том, что мы называем «умом», христианский логос видит на самом деле нечто иное — «ум в сетях безумия». Понятно, что с таким умом логос несовместим, а посему он вступил с ним в брань, используя все калибры аскетизма, чтобы сделать ум человека близким Софии и Премудрости Божьей, ибо лишь в «познание Святого — разум» (Прит. 9, 10). Христианство испытывает различные методы совершенствования и усиления ума, чтобы сделать его способным к богопознанию, к постижению вечности, чтобы сам Творец мог сказать: «Довольно, довольно! Вижу, вижу, что можете постичь даже Мою Мудрость! А посему разрешаю по выходным вкушать яблоки с древа познания добра и зла, ибо, там, на земле вы совсем запутались в трех битах информации, виртуальности и банальности!».

В этом плане нелепо и безумно выглядят ученые, которые отвергают христианство, якобы несовместимое с умом. Да христианство больше всех на свете озабочено именно этим умом, непрестанно подыскивая средства его очищения, заострения и усиления. Отрицатели христианства не видят того, что они тем самым отрицают свой собственный ум, сдаваясь на милость безумию, не знающего милосердия; не умея понять и принять умную и зрячую веру божественную, они породили неестественную и страшную — ибо несознаваемую и слепую — веру в науку.

Люди как-то не обращают внимания на свою главную беду — они не умеют пользоваться своим умом во всей его мощи, истине и праведности, ибо их ум непрерывно рассеивается среди массы различных бесполезных, мелочей, непрерывно погружается в бесплодные фантазирования, воображая себя вершителем судеб мира, становясь жалкой прислугой бесконечных желаний плоти и капризов страстей. И никакая концентрация внимания не поможет, ибо рассеянность эта берет начало в незрелом яблоке... том самом.

Люди сознают, что их жизнь в целом, хотя и с различными отклонениями, все же правит разум. Но они мало задумываются над вопросами: «А кто или что правит разумом?». Сам разум, его рефлексия?

Вряд ли, ибо человек, не умея считать до десяти, не научится этому делу, если он вновь переберет свой прежний счет. Рефлексия дает и даст лишь то, что уже есть в уме, но она не найдет его перводвигатель. Материя не может править умом, ибо сама нуждается в уме, чтобы сохранить свое понятие «материя», которое придумал нематериальный ум. То же самое можно сказать об определениях ума через энергию, информацию, поля, леса, моря... Бессознательное не может править умом, ибо оно само, как и материя, определяется вполне сознательно и сознательными психоаналитиками, так что можно сказать: «Каков ум психоаналитиков, таково и бессознательное у их пациентов!». Язык не может править умом, ибо он сам есть орган ума, получая от него в аренду смыслы, значения, логические фигуры, завися от него. Власть не может править умом, ибо она сама есть орудие ума.

Все имманентные правители и определители ума исчерпаны. Остались лишь Бог и нравственность. Ум правит всем, а умом правит Премудрость Божья; и правит Она любовью, правит логикой, правит смыслами, правит знаниями, правит правдой, правит молитвами, правит парадоксами, апориями, антиномиями и чудесами. А почему это разум все время рассеивается вплоть до слабоумия вопреки всем нашим усилиям? Рассеивание есть плод греховный, от которого и пошли неверие, непонимания софийного перводвигателя ума, питающего его смысловой энергией вечности. Безверие — основная причина рассеянности ума, ослабления его математических способностей; безверие плодит праздность, лень, которые, в свою очередь, умножают неверие. А богатство, наслаждения лишают человека мужества и свободы, делают его игрушкой, демонизма.

Именно по этой причине аскетизм является главным методом христианского логоса. Аскетизм призван восстановить исходную целостность ума, собрать рассеянный ум и вернуть его «в сердечную клетку», очистить его смыслы и заставить сызнова засверкать неземным светом меру его всех мер. Христианство даже сотворило молитву во благо ума, «умную молитву» — своеобразный закон самосохранения ума. Посредством этой молитвы ум достигает своих глубин и своих вершин, полностью владея над собой, контролируя все свои помыслы, становясь подлинно самоопределяющим началом человека. Христианский аскетизм посредством «умной молитвы» возводит ум в царство священного безмолвия, откуда все мироздание видно в целом и в каждой детали. А все мелкие мысли и слова исчезают здесь, как звезды исчезают даже в пасмурный день.

Но христианство не ограничилось формированием умного идеала для ума, хотя это дело первостепенной важности. Ведь за собранным, целостным умом появится и целостный человек, который начнет ис-

кать причину своей цельности и найдет ее там, где находит всякое здоровое и нормальное существо...⁶ Христианство нашло, разработало массу деятельных, практических, духовных, молитвенных, созерцательных, технических «средств» для очищения ума и восстановления его порушенной меры. Христианский аскетизм содержит в себе неисчерпаемую сокровищницу испытанных и проверенных индивидуальных методов, упражнений, посредством которых достигается наивысшая мера самоконтроля, самосознания, самовладычества человека над всей своей порочно рас-христанной натурой. В этом плане христианский аскетизм есть совершенная наука, искусство, посредством которых человек может управлять своими желаниями, эмоциями, волей, помыслами, фантазией.

Отметим некоторые эмпирические аспекты христианского аскетизма, не претендуя на изложение его как особой сакральной науки.

Выделяется *внешний* и *внутренний* аскетизм [4, 593 — 608]. *Внешний* аскетизм требует блюсти меру труда, потребления, сна и уныния. *Внутренний* — требует полной передачи своей воли, своего ума, своего «Я» в ведение *Старца*. Кажется, что это поработает личность. Но имеющие ум, да уразумеют! После грехопадения человеческая воля, желания, ум человека стали негодными даже для обеспечения нужд жизни. Они стали орудиями не нашего, а демонического блага. Ну, кому и какая польза от обжорства, алкоголизма, табака, лени?.. Людям пользы нет, а вот кому-то польза все же есть, если эти пороки культу-

---

⁶ Ум может существовать лишь как целостный организм; частный ум не может быть умом, сразу же скатываясь в ту или иную разновидность безумия. Поэтому собиранье ума, его концентрация, его целостность — главные проблемы человеческой жизни. Ведь со сломанным неисправным инструментом нельзя правильно работать, вершить дела, нельзя праведно жить. Во всей глубине и трагичности проблему целостного ума осознал Б. Паскаль. С одной стороны, разум определяет суть человека, в разуме коренятся истоки морали и превосходство человека над всей Вселенной. Она может превратить человека в точку, но и он может превратить ее в математическую точку. И даже «легче перенести смерть без мыслей о ней, чем мысль о смерти без всякой ее угрозы» [5, 114 — 117]. В то же время этот разум столь ущербный и столь зависим от мелочей (муха пролетела — и ум сбился с мысли!), что полагаться на него опасно. И все же: хотя ум не может одолеть мрак невежества, окружающий его, но и в уме есть свет, который не поглотит никакой мрак. Спасти ум, обеспечить его безопасность, научность может лишь христианская наука аскетизма, знающая внутреннюю, софийную, умную меру самого ума. Ум — мера, середина самого себя, ибо ум — это и орудие самого же ума, созданное им для постижения самого себя; безумие — избыток ума, лишнего Христа, невежество — недостаток ума, Христос — ум самого ума, мера, основание и вершина ума, достигающая престолов Всевышнего.

вируются. Поэтому от такой воли, от такого ума лучше отказаться и подчиниться воле и уму Старца, владеющего мерой ума и воли здорового человека. Поэтому адекватно поступать, значит действовать вопреки своей воле, ибо воля старцев и близких им аскетов лучше видит и знает твое благо. Нормальная жизнь, соответствующая своей мере, возможна лишь через богообщение; и если у нас такого опыта и умения нет, то остается лишь брать займы сей дар у старцев. Лучше жить некоторое время чужим, но правильным умом, чем своим, никуда не годным умом! Правда, такое возможно лишь на время учебы, но не на всю жизнь, которую надо прожить так, как ее спроектировали модельеры вечности. После усвоения воли и ума Старца, совершенствующийся может достичь (хотя это бывает и редко) *из-ум-ления*, высшего самосознания, когда ум не только все видит в свете, не только сам находится в свете, но и сам становится тем чистым светом, который проявляется в редких случаях понимания.

Выделяются также *аскетизм деятельный*, посредством которого человек может достичь бесстрастия, власти над желаниями и влечениями; *аскетизм естественный*, посредством которого достигается истина; *аскетизм созерцательный*, посредством которого умозрению может открыться Св. Троица [4, 593 — 608]. Три ступени христианской аскезы выделял и Ориген. *Деятельный аскетизм* призван подчинить власти ума страсти; *гностический аскетизм* должен обучать ум искусству видеть видимые и невидимые формы бытия; *божественный гностицизм* открывает уму разные лики и деяния Св. Троицы [4, 593 — 608]. Аскетизм наделяет человека новым рожденческим статусом. Есть *плотское* рождение, есть *благодатное, крещенское* рождение и есть *аскетическое* рождение человека посредством своих собственных телесных, умственных, молитвенных усилий. Христианство всех вдов считало аскетами, коим пророчески ведомы тайны вечности, праведности и грядущего суда. Есть взгляды, согласно которым Царство Божье создается аскетами, знающими меру вечности, жизни, времени и Божьего терпения. Будущее принадлежит людям, умеющим соблюдать аскезу — меру жизни.

Аскетизм — это искусство самопринуждения тела, языка, воли и ума соблюдать закон тождества ($A=A$), умение сохранять свою идентичность. Это и наука о подвиге в среде, где духу нет места даже на духу и в духе; это и постоянная брань ума с бездумной средой, отрицающей мысль. А поскольку мы живем во времена, когда воля наша стала во многом не нашей, а демонической, то аскетизм — это и оружие против духов тьмы⁷. Аскеза затачивает острие сознание и ума,

---

⁷ «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21).

дабы они могли видеть и понять этих невидимых врагов. А увидеть, познать их — значит победить!

Забвение аскетизма как базовой ценности жизни (а не только религий) плодит неразрешимые проблемы безработицы и забастовок. Труд является важнейшей религиозной категорией, однако целостное, объемное понимание его отсутствует в обществе. Маркс писал: «Труд — это прежде всего процесс... в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [6, 188]. Маркс сделал из внешнего труда абсолютный культ, с которым согласны поныне власти и трудящиеся, не замечая искажения сути труда

Любая вещь имеет внутреннее и внешнее содержание. Все религии, науки, искусства, философия, практика считают внутреннее первоопределяющим началом.

Относится сия сентенция и к труду. Есть труд, изменяющий внешний мир; но есть и деятельность, изменяющая внутренний мир человека, его ум, его тело, его семью. Человек ходит на работу, производя столы или авто, работает учителем или пивоваром; все это — внешний труд, за который он недополучает деньги. Но непрерывно на работе и дома человек вершит внутренний труд, изменяющий его душу, тело, нрав. Если бросил курить, выпивать, он совершил огромный труд, за который ему никто не заплатит, но который по своему сакральному смыслу трудно переоценить. Если человек на грубость, на несправедливость не ответил грубой агрессией, то он тоже совершил огромный внутренний труд, учась поражать эти грехи взглядом чистой души своей. Если человек сказал правду там, где «лучше» было промолчать, он тоже потрудился в поте лица души. А как можно не считать трудом воспитание детей, домохозяйство, уход за больными? Вне дома это считается трудом, а дома — развлечением что ли? Адам Смит! Слышишь меня, оторвут тебе твою последнюю невидимую руку вместе с твоей хитрой и сопливой наукой, которая не считает производительным трудом твоё вынашивание, рождение, воспитание из тебя профессора этики и экономии! Любая деятельность, преодолевающая последствия греха, суть важнейший невидимый внутренний труд. Борьба с семью смертными грехами, с гордыней, алчностью, похотью, гневом, чревоугодием, завистью, ленью, унынием, незнанием является основной формой внутреннего труда — аскезы⁸.

---

⁸ Будда много лет жил аскетом в джунглях. С точки зрения вульгарной экономики он не создал ничего. В СССР он получил бы пять лет за тунеядство. Однако он достиг за это время нирваны; а это значит, что он потрудился так, как не трудился ни один землянин. Но вот однажды Будда подошел к пахарю-

Безработица есть неизбежная месть аскетизма как нормы социальной жизни. Безработицы не было в Древнем мире, в Средние века, ибо в те времена аскетическое мировоззрение было популярно в народе, понимавшем, что жизнь дана для избавления от греха, а не для бессмысленного и безмерного труда, плодящего богатство и паразитов. Без понимания социального значения аскетизма как самой высшей формы труда невозможна нормальная жизнь общества. Кстати, на Западе и в России работой называют зарабатывание денег, а на Востоке работой называют совершенствование души и ума. Потеря идеи внутреннего труда, непонимание аскезы как нормы жизни — следствия деградации общества⁹. А христианство напоминает, что аскеза — самая высшая и самая сложная форма труда, развивающая в человеке качества бессмертные. Внешне Куба — очень бедная страна, но телесно и душевно — самая здоровая и богатая страна, ибо в ней больше всего смеха, улыбок, радости, беззаботности и... аскезы, да еще здоровых людей. Да и США держат кубинцев в постоянном стрессе, тем

земледельцу и попросил подаяния. Пахарь ответил: «Если бы ты пахал и сеял как я, то тебе не пришлось бы просить милостыни». — Будда ответил: «Я тоже — сею, пашу и пожинаю». — «Только никто не видит, как ты пашешь», заметил пахарь. «Вера есть мое семя, отвечал Будда; борьба с самим собой есть благодатный дождь; мудрость есть мой плуг, которым правит скромность. Настойчивость тянет мой плуг, и я направляю его своею мыслью; закон есть то поле, которое я обрабатываю, а жатва, собираемая мною, есть бессмертный нектар Нирваны». Жаль, что разговор прервали! Есть пара вопросов. Неужели побывавшие в нирване и вкушившие ее бессмертных благ вынуждены просить подаяние на земле, а не облегчать своей мудростью участь вечно несчастных и всех кормящих крестьян! Вот и пришельцев из нирваны теперь корми в обмен на рассказ о благе, которое никому, кроме Будды, недоступно.

Интересный факт о труде внутреннем приводит Сократ. Встретив крайне опечаленного своего ученика, мудрец полюбопытствовал о причине его расстройства. Ученик сообщил, что он поприветствовал своего друга, а тот в ответ его оскорбил. Сократ утешил ученика, спросив его: «Встретив безногого человека ты бы очень расстроился оттого, что у тебя есть ноги?». Ученик ответил, что его двуножие у него не вызывает печалей. Сократ спрашивает далее: «Встретив человека с одним глазом, ты бы очень огорчился тем, что у тебя два глаза?». Ученик ответил, что нет, он бы не опечалился. Тогда Сократ ему и говорит: «Твой друг поступил неблагородно, а ты, поприветствовав его, поступил благородно. Так отчего же ты переживаешь! Оттого, что ты благородно поступаешь, а твой друг оказался не другом, а так себе, сразу и не разберешь. Поступай и дальше благородно, приветствуй бывшего друга, не обращая внимания на его ответы». Да, но чтобы так вести себя, требуется колоссальный внутренний труд!

⁹ «И какая польза весь мир приобрести, а душу потерять» (Мф. 16, 26).

самым аскетически закаляя их, выводя новую породу людей, не чувствительную к стрессам.

Конечно, внешний и внутренний труд не нужно разрывать. А динамика их такова: производительность внешнего труда растет, количество его убывает, что и плодит опасную безработицу, ибо власть не знает, чем занять этих людей, а подачки разлагают. Свою энергию внешне безработные могли бы использовать во внутреннем труде, но кто их к такому повороту событий готовил?¹⁰ Да и нынешняя идеология зациклена на внешнем труде, даже не ведая о том, что без внутреннего труда и внешний труд будет производить одни симулякры и оружие, будет отрицать свой творческий потенциал.

Но аскетизм скрывает в себе не только острейшие проблемы труда внешнего и безработицы. Аскетизм содержит в себе проблемы гораздо, гораздо серьезней. Мы живем во времена, когда воля наша стала не только нашей, не только богочеловеческой, сколько гуманистической и демонической. А это означает, что в жизненной фактичности человек после греха стал в макроплане невменяемым, и не может самостоятельно поступать, контролировать себя, властвовать над своими желаниями, помыслами, над своей волей. Поэтому и в качестве наставника по вмняемости людям дано было Слово Божье, которое они быстро сменили на словеса идеологий, наук, сект, психоанализа, Интернета. Поэтому вмняемость человека современного коренится не в нем, а в используемых им inferнальных костылях. Человек и душа, поврежденные грехом, уже не могут знать ни себя, ни природы. Вот и придумали спецнауки, чтобы некто со стороны изучал людей, ибо сами себя они уже не могут знать. Хотя нельзя отрицать, что своим грехом человек дал работу и хлеб огромной массе спецов, ученых, врачей, психологов, психоидов, тестирующих свою сакральную невменяемость на массе просто сакрально-несведущих людей, ибо вмняемость христиан выше всех этих спецов.

Человек осужден на труды и заботы. Благо ли это или бремя — не столь уж важно, ибо все они завершаются смертью, хотя и она сама тоже имеет свой конец. Человек должен трудиться, лень и безделье не

---

¹⁰ Эпикур учил, что богатство можно приумножить двояко: путем роста доходов и путем сокращения расходов на искусственные потребности, которые приносят один вред. В его общине на первое место ставился внутренний труд, сокращающий количество и объем желаний и соответственно ограничивающий тяжелый физический труд. Жизнь в дружбе, в согласии и в размышлениях о мудрости требует столь мало внешних материалов, что природа и не замечает их убыли в своем хозяйстве.

поощряются ни одним народом. В труде и посредством труда человек воздействует на мир и на самого себя в четырех направлениях.

Во-первых, человек воздействует на *природу*, превращая ее в потребительские стоимости; для преобразования мира человек создает чудовищные технические средства, которые в итоге разрушают природу, переводя ее в искусственное мусорное состояние. Стремясь избавиться от бедности, европейцы отвергли благодатный аскетизм и сразу же попали в пучину вырождения и гедонизма. Древность же, зная ценность внутреннего труда, открыла аскетизм, ставший средним путем между богатством и нищетой, между человеком и природой. А ныне аскетизм заменяет его бесправная сестра «экология».

Во-вторых, человек воздействует на *общество* посредством институциональных, административных органов власти и форм самоуправления. И здесь человек пренебрег благодатью аскетизма. Создав государственных и бюрократических левиафанов для защиты свободы и порядка, он в итоге стал жалкой ничтожностью во чревах этих монстров. Аскетический идеал меры Аристотеля превратился в безмерный рост институционального, революционного, реформистского и криминального насилия.

Аристотель учил, что именно аскетизм есть среднее, мера, «наилучшее» между свободой и деспотизмом; свобода не может быть средним, мерой между деспотизмом и произволом, ибо она быстро споеется со своим незаконным братцем, и они устроят такую сатрапию, что все живые люди будут искать спасения в самой дикой анархии. Аскетизм есть власть человека над своей свободой, которая используется лишь во благо, а не во зло. Люди, властвующие над свободой, не нуждаются в правовых регуляторах. А вот свобода как центр личности не знает и не допускает никаких внутренних самоограничений, нуждаясь в крепких внешних оковах, чтобы не стать произволом. А внешние регулятивы не заменяют аскезу совести и меры как перводвигателя социума и человека.

В-третьих, человек прямо воздействует на свою *телесную* организацию посредством физических упражнений, которые в современном спорте и в спецслужбах доведены до невыносимых уровней. Все науки сегодня изучают человеческое тело, чтобы вырастить чемпиона, супермена — боевика спецслужб¹¹, или же вовсе преобразить тело в вир-

---

¹¹ А. Столяров полагает, что биотехнологии и генная инженерия снова запустили механизмы антропологической эволюции, следствием чего будут новые разумные существа — людены, которые и продолжат историю, но уже без людей. Победят людей те, кто уже есть, но люди их не видят [7, 441 — 442].

туальный призрак¹². Аскетизм в этих антропологических экспериментах забыл о своей родословной, о своей мере, и стал антиаскетизмом — орудием взращивания самых совершенных убийц и самоубийц. А тюремный «аскетизм» и плоды его воспитания не в силах выразить даже русский язык. Используя все возможности биохимии, допингов, стимуляторов, информационных, виртуальных, физических и физиологических факторов, воздействий, человеческое тело трансформируется в некое искусственное образование, в «машину желаний» (Арно), в «тело без органов» (Лиотар).

Возникает витанаидное тело, в котором смерть вместе с жизнью не уничтожает себя, а превращает саму жизнь в орудие своего самовозрастания. Аскетизм как формирующее средство человеческого тела незаметно становится демонизмом, превращающим это тело в призрачно-виртуального монстра.

В-четвертых, человек воздействует на свою *телесную, душевную, умственную организацию*, чтобы подчинить ее сверхчеловеческим целям, ценностям и задачам сакрального мира, который находится как внутри, так и вовне человека. Воздействуя на себя самого, особенно, на свое сознание, волю и ум, человек стремится достичь максимальной личностной и логической идентичности (Я=Я; А=А), полного контроля и самоконтроля за всеми проявлениями своей жизни, полного самобладания над собой, умений и сил терпеть, переносить любые муки и страдания, любые пытки, истязания, чтобы Я, душа, дух восторжествовали над всеми превратностями жизни и судьбы. Человек стремится подчинить себя своему же собственному закону, быть не только законопослушным субъектом самого себя как субъекта законодательного. И таким высшим законом для человека выступают сознание, ум и душа, ибо лишь через эти его идеальные органы сказывается и действует Премудрость Божья, воля Провидения. Решить эту задачу подчинения своей поврежденной воли, ставшей своеволием, совершенной воле

---

¹² Целую коллекцию новых человеческих тел изобрели антропологические модельеры постмодернизма. Ж. Лиотар говорит о «теле без органов», которое может существовать лишь через потребление сексуальной энергии. Тело человека может деформироваться до состояния двухмерности: вначале экран — средство человека, затем наступает фаза гармонии человека и экрана и завершается эта идиллия тем, что все существенное содержание жизни, тела человека будет находиться на экранах и тогда человек незаметно трансформируется в образ и подобие двухмерного экрана, станет техногенным призраком [8, 653 — 654]. А.Г. Дугин верит: «Человек научится думать, жить, дышать экраном, и фактически, втягиваясь в структуры ризомы, постепенно откажется от идеи тела с органами — тела как некоего трехмерного явления с высотой и глубиной» [9, 490]. А если человек не научится быть экранным существом?

Провидения человек может лишь посредством аскетизма, который хранит в себе минимальное единение этих двух противостоящих волей.

Наиболее полно это искусство индивидуального воздействия человека на свое тело, на свой ум и свое сознание сохранилось и культивируется поныне в древнеиндийской йоге. Но специфические йоги, соответствующие характерам различных этносов, были (и в какой-то мере есть!) у всех народов мира.

И лишь евроамериканская цивилизация, растоптав другие культуры, разрушила свою йогу и йоги других народов. А продукт, рекламируемый сегодня под именем «йога», столь же похож на реальную йогу, сколько лев из небесного созвездия похож на рычащего царя зверей. Подлинная йога максимально индивидуализирована не только к нравам народов, но и к особенностям сознания, ума и души отдельных индивидов¹³. Подлинную йогу нельзя передать другим народам, другим индивидам, ее нельзя купить, ну, а рыночной йогой могут заниматься «йогнутые» шудры и «недойгнутые» чандалы. Подлинную йогу нельзя взять в качестве знания от другого, как знание законов переваривания пищи не сделает человека сытым, не исцелит его кишечник и не научит правильному питанию. Йога усваивается вместе с религией, культурой, ценностями и образом жизни народов, особенно — посредством воспитания детей и молодежи. В какой-то мере йогу можно считать и методом, посредством которого макровечность религии преобразуется в религиозный микрокосмос индивидов.

Утерев свою йогу и заменив ее восточными симулякрами, Запад в итоге породил метафизически и онтологически ущербного (*dreiviertelkopf*) человека, который может управлять почти всем... Кроме одного:

---

¹³ К. Юнг отмечает, что спрос на восточную йогу в Европе шел рука об руку с успехами науки и с психологическими поражениями протестантизма, оставившего европейцев наедине с духовной анархией и хаосом, который он развел в их душах, умах и сознании. Диалектический раскол личности, ума, души, сознания европейцев не исцелит никакая йога, которая исходит из целостности духовного и телесного строя личности, обучая индивида правильно обращаться с этой своей целостностью. Но как можно одноногих обучить технике бега на примере двуногих? Правда, Юнг не теряет оптимизма, заверяя: «Со временем Запад изобретет собственную йогу, она будет опираться на фундамент, заложенный христианством» [10, 232]. Только малость наш гуру ошибся. Христианство с первых мгновений своего бытия содержало в себе совокупность методик воздействия индивида на свое сознание, его защиты от сил раскола; эти методики не назывались йогой, но работали успешней, чем восточная йога. Христианство создало три цивилизации, в которых паразитирует восточная йога, создающая только секты. Но Юнг прав в одном: счастье и спасение европейцев в том, что они не понимают восточной йоги, а потому могут повредить, занимаясь ею, лишь свои кошельки, но не умы.

этот человек не может управлять своим сознанием и умом, своей волей, а в итоге — своим телом и своими действиями внутри страны и за ее пределами. Этот человек властвует над своими руками, ногами посредством воли и сознания. Гораздо меньше ему удастся властвовать над своими желаниями и эмоциями; поэтому вся европейская религия, право и культура заняты возвращением средств укрощения безмерных желаний и страстей, переходящих в оргии безумствования¹⁴. И какой-то минимум внешнего контроля пока поддерживается страхом, штрафами и социальными санкциями, внешними угрозами.

Но вот контроль за влечениями души, помыслами ума, за игрой фантазии и воображения, за пульсацией сознания западному миру недоступен, вернее, он его потерял вместе со своим отказом от христианства, которое содержит в себе йогоподобные исключительно эффективные средства саморегуляции, самоконтроля человеком самого себя, своего ума и сознания. Так, христианин, нагрешив, не должен впадать в абсолютное уныние, а должен покаянием, трудом, постом и молитвой хотя бы на атом искупить этот грех. Если же у христианина хорошо идут дела, работа, то он не должен ликовать, восклицая: «Ай да христианин, ай да молодец, ай да гений!». Скромнее надо быть и сказать: «Я старался, но без Божьей помощи ничего бы у меня не вышло!». Во всех случаях не нужно вешать нос, но и задирать нос тоже не следует, ибо и в том, и в другом случае получишь архинеприятный щелчок от лукавого, если все заслуги в свершении пакостей или блага возьмешь на себя. Твои мерзости и твои успехи имеют соавторов, коими серьезно и специально занимаются священники и Церковь, оказывая помощь индивидам в сохранении ими целостности своего Я, ума и сознания, сохранении вменяемости, власти над своими желаниями, страстями и помыслами. И вот эта двухтактная христианская «йога» в течение пятнадцати веков охраняла целостность, вменяемость и духовный самоконтроль индивидуальной жизни западных людей. Но затем протестантизм и революции разрушили христианские бастионы, охранявшие индивидов от испарений ничто, а вместе с этими бастионами канула в тайники монастырей и йога как практика аскетической вменяемости человека, как средство самосохранения индивидуального

---

¹⁴ Ж. Бодрийяр так оценивает нынешний Западный мир: «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это состояние после оргии. ...Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [11, 7].

ума и сознания. Кажется, лишь исихазм хранит в себе тайны христианской йоги, но не йогического христианства..

И современный средний западный человек не имеет органично ему присущей системы самоконтроля своего Я, ума, воли и сознания. Причем, он даже не сознает парадокса своего бытия: этот человек властвует посредством ума, сознания и воли над природой, над обществом, над своим телом, а вот власть над своим умом, сознанием и волей, а в итоге и власть над своей властью ему неподвластны. Никакая рефлексия не может принудить ум и сознание Запада выйти из-под власти материи, богатства, свободы и служить благу вечности. Вообще-то, на время Запад может сыграть роль мудрого брамина, но затем правосудие истины и совести быстро вернет его на круги своя, на круги умножения материи греха и рабства. В итоге не человек посредством ума и сознания властвует над собой и своими целями, а некий Икс, судьба, правит умом и сознанием, а через них властвует и над человеком, манипулирует им.

Поэтому западоиды объективно нуждаются во внешних ориентирах, идеологических опорах, которые бы наставляли их сознание и ум, властвовали бы над их властью. Нуждаются в них, но не желают их признать, а, признав, не желают им подчиняться, предпочитая прятать свои головы в черных дырах иррационального и бессознательного. Психоанализ, мечтая о власти над сознанием и умом человека, реально упирается в тупики своего атеизма и демонизма и не может поладить с психоидами бессознательного. Если сознание и ум определяются бессознательным, то чем же тогда предопределяется само бессознательное? З. Фрейд признает, что перводвигателями бессознательного, жизни, ума и сознания являются Эрос и Танатос, любовь и смерть. Но ведь Эрос у древних — это бог вечности и любви, источник жизни, ума и сознания, а Танатос — это демон-функционер Аида, и этому демону запрещено приближаться к Белому Дому Олимпа; и его функция — тушить олимпийский огонь ума и сознания, где бы он ни загорался, что тот и делает посредством бессознательного. А психоанализ делает властителем человека, его ума и сознания Танатос — смерть, ничто.

Но человек может обрести подобающую ему форму самоконтроля и самовластвования только посредством софийной вечности. В сознании и уме вечность открывает человеку благодатные божественные силы, содействует созданию правил, норм, упражнений, молитв, медитаций («нашей йоги»), посредством которых разум и сознание становятся самоопределяющимися началами человека и самих себя, самоконтролирующимися инстанциями, которые не позволяют расплыться, рассеиваться божественной энергии в хаосе мелочей, в суете сует, а сохранять целостность Я как перводвигателя человека в жизни, как

средства христианского решения основной проблемы жизни — смерти, и как софийного путеводителя после воскресения в ландшафтах вечности.

Сознание, ум нельзя внушить, навязать, ибо в них есть своя объективная правда, которая противится внешним воздействиям и лжи. Нельзя искусственно, насильственно сделать человека умным, понимающим, властвующим над собой, ибо для этого нужна самостоятельная работа его мысли, воли, сознания и тела — аскетизм. Аскеза постоянно вынуждает мыслить о неммыслимом и тем самым вынуждает мысль находиться в постоянном трезвлении, размышлении, в постоянной работе над самой собой. Сознание — это наследственное знание, когда не было разрыва людей, Бога и природы; сознание — общий орган бытия, а не функция мозга, труда, языка, ибо в них оно только проявляется.

А посредством бессознательного ничто и смерть отменяют божественные права ума и сознания еще при жизни людей, превращая их в живые, говорящие, пишущие, думающие орудия Танатоса. Поэтому Запад, отказавшись от христианской «йоги» и заменив ее симулякрами восточной йоги, на деле оказался жертвой демонической йоги, которая превращает западных людей в орудие виртуального мира и призраков ничто.

Вместе с христианскими методами саморегуляции человеческой жизни был отброшен и аскетизм, а его место заняли гедонизм, демонизм, психоанализ, виртуализм, криминализм, проповедующие безмерность и беспредельность бессознательности и безумия, которые успешно прикончат сознание и ум своих хозяев.

Аскетизм — это наука меры жизни, сохранившаяся в православии. Да еще и в философии хозяйства, которая восстанавливает во всей полноте аристотелевскую волшебную аскезу-меру. В философии хозяйства само хозяйство в качестве аскезы-меры является основой жизни, а отклонениями от него в сторону избытка является экономика богатства-самоцели, а отклонениями в сторону недостатка — экономика бедности, нищеты, финансизма, который уже выходит за пределы живого.

Поскольку любая аскеза сама по себе есть начало победы меры и духа над анархией помыслов и дел человека, есть первый шаг в невидимый мир трансцендентных сил, то аскетократия, храня в себе минимум единой воли Неба и Земли, может стать зародышем нового социально-политического строя. Защита и оправдание богатства не создали в истории ни одного, ни одного (!) хотя бы среднего гения, а вот сочувствие к нищим, поиск причин нищеты, форм ее ликвидации породили культуру, многообразие талантов во всех областях жизни. Явно,

Бог на стороне нищих, и значит аскетика — это и раздел философии хозяйства, сделавшей аскезу печатью своих мыслей и дел.

Своим мерным и умеренным бытием аскетизм представляет все содержание философии хозяйства в качестве смыслового треугольника, который своим минимумом места, материи и формы дает простор бесконечным устремлениям мысли, сознания, дела и слова к сияющей вершине Первопричины. Только вместо одноглазия доллара треугольник философии хозяйства содержит глаз в каждом углу, чтобы на каждую вещь можно было поглядеть богочеловеческим, человеческим и демоническим взглядом. Богочеловеческий взгляд располагается на вершине треугольника, демонический — в левом, а человеческий — в правом углу.

Аскетизм содержит в себе и почву, и сеятеля, и колос, и жнеца жизни, выражением которой служит философия хозяйства. Но лишь семена сами собой не появляются в земле, а привносятся извне, из трансцендентного мира Сеятеля, который и устанавливает такое тройственное строение философии хозяйства, являясь одновременно Источником, Основанием, Пределом, Мерой, Сеятелем и Жнецом жизни.

Современные люди не живут, а пользуются жизнью, обществом, философией, ничего не давая им взамен, как пассажиры корабля. А команда помаленьку вымирает. Сохранить жизнь может лишь фанатическое и фантастическое устремление к сверхжизни. А для того, чтобы человеческие импульсы достигли метажизни, чтобы софийные импульсы трансцендентного мира проникли в наше бытие, нужен аскетизм — предельное отвлечение человека от всего ненужного и сосредоточение только на том, что связывает жизнь с ее сакральными, софийными, божественными истоками. Эту роль всегда выполнял аскетизм как основание и посредствующее звено связи мира вечного с земным бытием. Аскетизм как слитность веры и жизни или гедонизм как слитность безверия и смерти — таков императив реальности.

Литература

1. *Вико Дж.* Основания новой науки о всеобщей природе наций. Л., 1940.
2. Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М., 1982.
3. *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
4. Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001.
5. *Паскаль Б.* Мысли. М., 1995.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
7. *Столяров А.* Сумерки богов // Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2004.

8. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
9. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
10. Юнг К.Г. Йога и Запад // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
11. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.

А. БЭТТЛЕР

Глобализация, или Теория глобального капитализма (тезисы)

Аннотация. Немало ученых связывают процесс глобализации с благами, которые она несет всему человечеству. Автор же убежден, что глобализация — это экономическая форма господства Запада над остальным миром.

Ключевые слова: интернационализация, интеграция, глобализация, локализация.

Abstract. Many scientists connect the process of globalisation with prosperity which it bears to all mankind. The author is convinced that globalisation is an economic form of the West domination over the Rest of the world.

Keywords: internationalisation, integration, globalisation, localisation.

Структура мировой геоэкономики

Для начала есть смысл зафиксировать некоторые положения, определяющие экономическую структуру мировой экономики. Его можно представить как многослойный пирог, состоящий из четырех слоев: интернационализации, региональной интеграции, глобализации и локализации. Названные явления, несмотря на их взаимозависимости, имеют собственные экономические ареалы и специфические закономерности своего проявления. Западные авторы по-разному оценивают и интерпретируют суть этих явлений, нередко путая одно с другим (особенно интернационализацию и глобализацию). Одни обращают внимание на локализацию и глобализацию, полагая, что именно эти тенденции будут доминировать в нынешнем веке, сливаясь в глобализацию. Другие упор делают на глобализацию, хотя в реальности говорят об интернационализации. Третьи, как Херст и Томсон, указывают на два типа экономики, которые «не обязательно взаимоисключаются». Они утверждают, что «скорее всего при определенных условиях глобальная экономика может охватить и даже встроить в себя между-

народную экономику», т. е. интернационализация станет частью глобализации. При этом оговаривают: «По нашему мнению, такой процесс гибридизации еще не имеет место, но было бы неразумно об этом не думать или исключать такую возможность» [1, 16].

Мой подход иной. Он сводится к следующему.

Первая фаза интернационализации (конец XIX в. до начала Первой мировой войны) охватила весь мир, формируя «международное сообщество капиталистов». На этой стадии выявились тенденции, которые В.И. Ленин сформулировал в виде мирового закона. Он писал: «Развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. — суть мировой закон капитализма, характерный для зрелой стадии этой формации» [2, 24, 124]. Исторически процесс шел так: сначала монополии «соединяются» с государством, образуя ГМК, затем последний выделяет из себя ТНК, которые вместе с отечественными ГМК формируют мировые хозяйственные отношения капиталистического мира. В результате развитие капитализма «идет в направлении к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства» [2, 27, 98].

Но эта фаза была прервана первой мировой войной и возобновилась после Второй мировой войны, наибольшее развитие получив в 1970—1980-е гг. Специфика второй фазы заключалась в том, что из зоны данной тенденции выпал социалистический мир (СССР, страны Восточной Европы, ряд стран Восточной Азии и КНР), который небезуспешно начал строить собственный экономический ареал с довольно интенсивными интеграционными качествами (по крайней мере в зоне Восточной Европы). Одновременно интернационализация капиталистического мира начала порождать внутри себя интеграционные анклав: в наиболее развитой форме в Западной Европе, среднеразвитой и еще не завершенной в Северной Америке (через механизм НАФТА) и в зачаточной форме в Восточной Азии, в системе США—Япония—азиатские НИС. Интернационализация триады «США—Западная Европа—Япония» начала вступать в противоречие с интеграционными процессами внутри этой тройки, в определенной мере сглаженной за счет переброса механизмов интернационализации на страны «третьего мира». Необходимо зафиксировать: вторая фаза «родила» региональную интеграцию, взаимоотношения которой с интернационализацией имеют свою специфику.

Третья фаза интернационализации, начавшаяся в 1990-е гг., произвела еще одно, точнее два явления — глобализацию и локализацию. Что касается первого явления, то ему способствовал распад социали-

стической системы. Благодаря этому возникли так называемые «нарастающие рынки» (emerging markets) на территории распавшегося СССР, в странах Восточной Европы. К этой группе стран обычно относят также КНР (в связи с политикой открытости), Индию (по той же причине), а также Мексику. Я эту группу стран называю «вторым миром».

Все четыре разбираемые экономические тенденции по-разному работают в нынешних трех мирах. Наиболее всеохватывающей является интернационализация, поскольку она распространяется на все три мира. Интеграция продолжает углубляться внутри «первого мира» («золотое ядро») с некоторой спецификой. В Восточной Азии интеграционный анклав все больше и больше начал закручиваться вокруг Китая, а не в упомянутой выше подсистеме. Локализация разворачивается в основном в «первом мире», выступая против интеграции и идя на «помощь» глобализации, так как местные органы власти заинтересованы в привлечении капиталов любых экономических акторов, вне зависимости от их «национальностей».

Наконец-то в полном смысле получила свое начало и глобализация, действующая главным образом из зоны «первого мира» и распространяющаяся на «второй» и «третий миры». Последние не являются участниками глобализации. Они являются ее объектами.

Что же такое глобализация?

Теперь настала пора рассмотреть экономическую сущность глобализации, которая обычно анализируется в рамках теории глобального капитализма. К созданию этой теории приложили руку наиболее выдающиеся ученые Запада, среди которых можно, к примеру, назвать Г. Эрриги, Ж. Аттали, Б. Балласа, У. Белло, Дж. Боррего, Б. Камингса, Х. Фридмана, А. Липеца, П. Тэйлера, Н. Трифта, И. Валлерстайна. В какой-то степени нижеизложенное является весьма кратким обобщенным конспектом, прежде всего, работ американских ученых: Камингса, Валлерстайна и особенно Боррего.

* * *

Капиталистическая мировая экономика в 1990-е гг. и в последующем начала представлять собой в высокой степени усложненное переплетение производства, капиталов, информации, технологий, рынков труда и всех остальных звеньев получения максимальной прибыли, контролируемое тремя центрами экономического могущества, а также транс- и межнациональными корпорациями и банками. В целом мировая экономика стала более подвижной, изменчивой, усложненной и более взаимосвязанной. В этой новой системе любая экономическая

деятельность имеет значение только в глобальном контексте. Данная система породила новое глобальное разделение труда. Процветание или, наоборот, упадок той или иной экономики, того или иного государства и даже того или иного региона зависят от истоков и структуры накопления капитала и кто им управляет внутри мировой экономики.

Глобальное накопление капитала: структура и динамика

В системе глобального капитализма организация производства и экономическая деятельность меняются от стандартизированного массового производства до производства, ориентированного на индивидуального потребителя. Кроме того, вертикально интегрированные крупномасштабные производственные организации или предприятия заменяются вертикально дезинтегрированной и горизонтальной сетью связей между производствами. Данное переходное состояние в мировой экономике — от фордизма до постфордизма — началось в середине 1970-х гг.

Как известно, фордизм опирался на систему массового производства и массового потребителя. Она (система) базировалась на стабильной, хорошо оплачиваемой рабочей силе в странах «первого мира», а также на интенсивной эксплуатации труда и ресурсов в странах «третьего мира». Производственные процессы концентрировались на относительно больших и крупных предприятиях.

Характерными чертами постфордистского режима являются ослабление жесткости и усиление гибкости производства. Хотя эта тенденция сопровождается множеством других процессов, главное же в нем — минимизация ограничений для свободного движения капитала, а также ускорение его оборота. В 1980-е гг. взаимоотношения между бизнесом и правительством привели к ослаблению и сокращению возможностей государства регулировать процесс накопления капитала. Новые формы взаимодействия, отраженные в рейганомике, тэтчеризме и административно-финансовой реформе Японии, ускорили процессы дерегуляции экономики, что вело ко многим важным победам капитала, в значительной степени за счет интересов низших слоев общества. Главное же заключалось в том, что постфордизм был внедрен в международном масштабе, став питательной средой процесса глобализации капитализма.

Развитие глобального капитализма тесно связано со стратегией максимализации гибкости процессов, главными из которых можно считать следующие. Обычно называют пять важных процессов.

1. Производство децентрализуется и фрагментируется. В рамках глобального капитализма фордистская компания распадается на многие подразделения и подпроцессы, образуясь в небольшие фирмы, рас-

средоточенные широко по миру в общинах, регионах и государствах. Выгоды от такого дробления и рассредоточения очевидны. Например, при разделении некоторых аспектов производственного процесса фирмы могут разорвать связи со своим головным объединением и начать сотрудничество с другими производителями, эксплуатировать дешевый труд или ресурсы других фирм, расположенных в других районах или даже частях земного шара. Капитал также хорошо себя чувствует в общении с государством. Маленькие децентрализованные операции более гибки и свободны в выборе места дислокации, главным образом, там, где более низкие расходы на управление и на поддержание жизненного уровня рабочих, а также там, где труд плохо организован. Рабочие вынуждены «понимать», что требования высокой зарплаты или нежелание с «пониманием» отнестись к ее уменьшению «заставят» предприятие перебраться в другое место. Местные власти тоже поставлены в условия вынужденного «понимания» деятельности таких фирм (предоставляют хоть какую-то работу), особенно когда речь идет о налогах. Обратной стороной глобальной децентрализации производства является усиление централизации финансовых холдингов, более прибыльных и безопасных.

2. В то время как производство рассыпается по многим общинам, регионам и государствам, финансовые, исследовательские структуры и контролирующие институты четко концентрируются внутри «мировых городов» и стран «первого мира». Глобальная разветвленная в мировом масштабе гибкость зависит от установления жесткой взаимосвязанной сети контролирующих точек, которые предоставляют наибольшие финансовые и интеллектуальные ресурсы, способствующие накоплению капитала. Эти контролирующие точки — мировые города и центральные страны — «оркеструют» и контролируют производство и осуществляют исследовательскую деятельность по всему миру. Например, проведенные глобальными корпорациями, т. е. ТНК и ТНБ, массовые опросы высокопрофессиональных сотрудников из институтов бывшего Советского Союза, причастных к разработкам новых технологий, а также студентов являются звеньями в цепи акций глобального исследования и глобального сбора информации в целях максимизации накопления капитала. Хотя такого типа деятельность в основном осуществляется в более или менее развитых государствах, однако она стала охватывать анклавные так называемых полупериферий, куда, по западным меркам, причисляются, например, Гонконг, Сингапур, Индия, Мексика. Самая же животрепещущая проблема глобального капитализма заключается в том, что усиливающаяся гибкость требует жесткой координации в рамках системы «трех центров экономики», т. е.

США, Японии, Западной Европы, а если шире, то в недрах «семерки» ведущих стран «первого мира».

3. Пространственно-временное сжатие в условиях глобального капитализма способствует максимальному расширению и ускорению производственного процесса. Географическая распыленность, децентрализованное производство в сочетании с централизованной собственностью и контролем требуют новых форм коммуникаций, транспорта, кредита и других инновационных технологий, которые связывали бы производственные и иные «дальние» операции с контролирующими институтами. Глобальная система взаимодействий становится более сложной и зависит от чрезвычайно усложненных и гибких информационных и финансовых смычек. Эти новые технологии также убыстряют скорость движения материальных товаров по земному шару. По выражению одного из теоретиков, «мы получили такой мировой экономический порядок, который приговорил себя к острию ножа. Это мировой экономический порядок, который подвязал себя к скорости». Вдобавок глобальные корпорации, вооруженные новыми формами технологии и организации, получили преимущества от низких затрат на производство и от более благоприятного законодательного климата в странах «третьего мира». Пространственно-временная компрессия одновременно нивелирует значение политических границ, тем самым увеличивая скорость движения товаров и информации. Эта сторона глобального капитализма теоретически подкрепляется неолиберальными концепциями, фанатичными адептами которых являются, в частности, «чикагские мальчики». Сторонники неолиберализма настаивают на открытии рынков и корпоративной стратегии. И то, и другое позволяет обходить местные протекционистские барьеры. К слову сказать, политика неолиберализма является одной из важнейших причин невозможности организации экономического интегрированного блока в так называемом «АТР» и даже в Восточной Азии.

4. Пространственно-временное соединение государства и экономики, характерное для ранней фазы капиталистического развития, ныне находится в процессе распада. Способность государства посредничать между рынком и обществом ослабляется. Глобальный капитализм существенно сузил локальный, региональный и национальный контроль государства над экономической и даже неэкономической сферой деятельности общества.

Постфордистские фирмы ищут места с «хорошей средой для бизнеса». Такие фирмы в состоянии обеспечить качество в виде обученной рабочей силы, а также высокоразвитую и организованную инфраструктуру. В то же время их деятельность ведет к понижению зарплат, ослаблению организации рабочих, что в конечном счете снижает

уровень жизни населения. Несмотря на это, государство прибегает к налоговым скидкам и другим льготам для привлечения или просто удержания бизнеса. «Экономическое развитие» часто означает, что государство стимулирует конкуренцию между фирмами за право организовать свою деятельность в тех или иных районах, которые превращают общины в «места войны».

5. В рамках глобального капитализма происходят резкое сокращение промышленных рабочих и изменение сути и качества работы в зоне «первого мира». Полная рабочая занятость заменяется неполным рабочим днем и временной работой, производственная и сельскохозяйственная деятельность вытесняется сферой обслуживания. Рабочие с неполным рабочим днем и временные рабочие принимаются и увольняются в соответствии с рыночными условиями при сохранении производства, функционирующего постоянно без дополнительных оплат. Одновременно сокращаются размеры пособий и удлиняется время продвижения по служебной лестнице. Вдобавок рабочий день становится более гибким. Режим работы в общем уменьшает возможности рабочих с полным рабочим днем вести «торги» с предпринимателями за лучшие условия работы. Старые рабочие отдают себе отчет в том, что они не смогут найти эквивалентную работу, если потеряют нынешнюю. Соответственно они скорее согласятся на «уступки», чтобы сохранить свои места. Таким образом, постфордистская система привнесла с собой худшие условия работы, более низкую зарплату и пособия, а также ликвидировала гарантии безопасности, т. е. сохранения рабочих мест для громаднейшего большинства рабочих. В этой связи один из теоретиков-экономистов А. Липец делает сверхлюбпытное «открытие», утверждая, что послевоенное соглашение между трудом и капиталом видоизменилось на односторонний взгляд в отношении рабочих как на товар, который можно свободно «занять и сократить по воле работодателя». Это определение сговорчивого рабочего (the pliable worker) является сердцевинной постфордистской гибкости.

Формы управления глобального капитализма

Возникли новые формы управления при *глобальном капитализме*, которые качественно отличаются от фордистского типа многонационального капитализма. Хочу повторить: усиливающаяся экономическая деятельность имеет значение только в глобальном контексте, будь то автомобильная промышленность, электроника, текстиль или одежда. В глобальном капитализме максимум гибкости означает деятельность, приближенную к предельным возможностям. Она имеет следующие характеристики.

1. Глобальный капитализм требует фундаментальной ревизии концепции государства, концепции, до сих пор подвязанной к функциям национального правительства. С появлением глобальных корпораций возникла необходимость продумать идею глобального государства. Появление глобальных фирм, способных уклониться от контроля национальной бюрократии, имеет историческое значение. Хищническое загрязнение окружающей среды промышленными отходами, иницируемое фактически неконтролируемыми международными корпорациями, стало выдвигать чуть ли не на первый план проблемы экологии, не уместающиеся в национальные границы. Появление новых видов проблем вызывает растущую потребность в их цивилизованном разрешении, что возможно только через глобальные институты и организации.

2. Гегемония глобального капитализма отражается в формировании международных бюрократических альянсов, которые управляют и регулируют движение капитала на земном шаре. ВТО, МВФ и Мировой банк являются сторожевыми псами глобальных инвестиций. Они в состоянии расширять или сокращать инвестиционные потоки в соответствии с классовыми интересами глобальных капиталистов, четко следя за всем процессом глобального накопления капитала. Процесс глобального регулирования дал новый импульс либеральной идеологии в поддержку глобального капитализма. (Сама эта идеология стала опираться на так называемую теорию модернизации.)

3. Глобальный капитализм может функционировать и процветать только при наличии слабых государств или открытых границ для свободного передвижения капитала и товаров через различные зоны и пласты глобальной капиталистической системы. Слабые государства вынуждены отвлекаться от развития национальной экономики, фокусируя свое внимание на политике открытых дверей перед мировой экономикой, тем самым завлекая сверхмобильный глобальный капитал любой ценой. Это привело к созданию хаотично нагроможденных производственных анклавов по всему миру, вычерчивая неравную мозаику экономического развития внутри и за пределами национальных границ того или иного государства.

4. Другой интегральной частью глобального капитализма является интенсивное использование женщин на мировом рынке труда. Молодые женщины «третьего мира» представляют громадный сегмент дешевого труда для глобальных корпораций. Они образуют стратегическую рабочую силу для глобального капитализма. Например, в 1990-е гг. внутри 100 или около того свободных торговых зон по всему миру от 80 до 90% рабочих легкой сборки являются женщинами. Женщины предпочтительнее для глобальных корпораций, потому что они рас-

смаатриваются как рабочая сила, которая «послушна, легко манипулируема и готова выполнять скучную работу».

Итак, в рамках глобального капитализма инвестиционный и финансовый капитал, производство, управление, рынки, рабочие процессы, информация и технология соорганизованы в мировом масштабе. Экономические и организационные изменения произошли вследствие величайшей технологической революции в истории человечества. Ее ядром является информационная технология — информатика, микроэлектроника и телекоммуникация, — окруженная и подпираемая научными открытиями в других областях, как-то: биотехнология, новые материалы, лазеры и обновленная энергия. Революция в информационной технологии воспроизвела международные наднациональные организации, функционирующие в интересах глобальной капиталистической системы на основе глобального разделения труда.

Исходя из сказанного, можно определить экономическую глобализацию как процесс контроля и управления всеми видами экономической деятельности в мировом масштабе в интересах стран Запада. В геоэкономическом пространстве этот процесс находит выражение в усилении экономической мощи Запада относительно всего мира (the West vs. the Rest). В геостратегическом пространстве экономическая глобализация означает материальную базу господства Запада над всем миром.

Чтобы яснее отличить разбираемые экономические процессы, еще раз хочу повторить их главные отличительные признаки. Интернационализация — процесс, который осуществляется или, по крайней мере, должен осуществляться во имя взаимных интересов всех стран. Интеграция работает главным образом в пользу интересов интеграционной группировки. Глобализация же реализуется и управляется в интересах только Запада.

Перспективы глобализации

В перспективе интернационализация будет сдавать свои позиции интеграции и глобализации. Причем, если сферой интеграции, повторяюсь, являются конкретные регионы, то сферой глобализации — весь мир. Их противоречия начнут обостряться по мере развития глобализации (повторяю: последняя тенденция еще в начальной форме), когда будут исчерпаны экономические возможности регулирования интеграционных процессов, с одной стороны, и когда акторы интеграции начнут сталкиваться с акторами глобализации на одних и тех же экономических полях — с другой. И если в зонах «третьего» и «второго миров» они еще смогут договориться, то это практически исключено в интеграционных зонах, поскольку в последних сохранится громадная

роль государств-правительств. Неконтролируемые рыночные силы в лице МНК и МНБ войдут в противоречие с государствами-правительствами интеграционных зон, что может привести к дезинтеграции в этих зонах (что не исключают и некоторые аналитики-экономисты). На экономическом уровне противоречие решится за счет поглощения слабых акторов сильными и в формировании глобальной интеграции, т. е. в формировании мировой единой экономики.

Но против данной экономической тенденции выступают геостратегические факторы, т. е. система отношений на уровне самих государств с неизбежным действием закона силы в мировой политике. Другими словами, чтобы экономическая глобализация воссоединилась с региональной интеграцией в глобальную интеграцию, необходима политическая глобализация, т. е. ликвидация политических границ или, другими словами, исчезновение понятия государственного суверенитета. А это в обозримой исторической перспективе вряд ли предвидится, хотя исторически это неизбежно, о чем писал В.И. Ленин еще в начале прошлого века. Он считал, что именно всемирно-историческая тенденция капитализма будет вести «к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм» [2, 125].

«Опять социализм», — с раздражением отреагирует какой-нибудь либерал-демократ. «Да, опять социализм», — ответят... немало американских ученых. Хотя сам я называю их идеи утопичными, о чем мне уже приходилось писать. Мне кажется, они не осознают сложности геостратегической борьбы на глобальном уровне, межцивилизационных и религиозных противоречий в мире, которые не сможет решить ни одно мировое правительство, поскольку в нынешних исторических условиях оно может быть только капиталистическим. И вместе с тем я согласен с ними, что глобальная интеграция возможна только на мировой социалистической основе. А это означает, что социализм поначалу должен появиться на национальных уровнях, прежде всего в «первом мире», и возродиться во втором. Как скоро это произойдет? Не знаю. Но знаю, что произойдет непременно, если человечество не лишится чувства самосохранения. Хотя последнего полностью тоже исключать нельзя.

Из всего сказанного следует: в мире существуют две перспективные тенденции — глобализация и региональная интеграция. Соединение этих тенденций в единый процесс означало бы формирование мирового государства с мировым правительством. Это в принципе возможно, но в обозримом будущем не неизбежно. Слишком много неоп-

ределенных переменных вплетено в этот процесс, чтобы можно было прогнозировать их воздействие.

Литература

1. *Hirst P., Thomson G.* Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1999.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24.

Ю.К. ВОЛКОВ, Д.Ф. ПИГИН

Есть ли ресурс у капиталистической мир-системы, или Насколько практичной может стать утопистика? (размышления по поводу насущной проблемы футурологии)

Аннотация. В рамках теории социальных систем и на основе анализа современных источников в статье обосновывается актуальность научного поиска в целях понимания исторической природы негативных последствий системного кризиса капиталистической мир-экономики.

Ключевые слова: социальная система, капиталистическая мир-система, утопистика, Модерн, системный кризис, капиталистическая экспансия, советский реальный социализм, нация-государство, государство-велфэр, корпорация-государство, глобализация, финансовая система, гуманитарный научный комплекс.

Abstract. In the article within the framework of the theory of social systems and on the basis of the analysis of contemporary sources is based the urgency of scientific search for purposes of understanding historical nature of the negative consequences of the system crisis of capitalist World-Economic.

Keywords: social system, capitalist World-System, Utopistics, Modern, system crisis, capitalist expansion, Soviet real socialism, nation-state, state-welfer, corporation-state, globalization, financial system, humanitarian scientific complex.

В отличие от совсем еще недавних либерально-фундаменталистских трактовок «конца истории», научная мысль в наши дни концентрирует внимание на явлениях системного характера, типичных для нынешней мировой экономики. Это не случайно, ибо сами реалии переломной эпохи (а в переломном ее характере сомнений

не остается) понуждают по-новому осмысливать как предшествующие этапы развития, так и сегодняшние перспективы, отыскивать новые смыслы в стремительно изменяющемся мире, причем изменяющемся быстрее, чем это улавливает современная наука. В этой связи представляется уместным сопоставить позицию И. Валлерстайна, известного американского экономисторика, относительно исторических судеб *капиталистической мир-системы* (КМС) с выводами ряда отечественных аналитиков. Речь, в частности, пойдет о некоторых принципиальных итоговых обобщениях, содержащихся в историологической версии концепции современного капитализма, разрабатываемой российским историком и кризисологом А.И. Фурсовым, чья работа «Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью» [1] вызвала заинтересованный отклик в среде научной общественности. Однако сравнительный анализ двух трактовок прошлого, настоящего и будущего КМС мы все же начнем с рассмотрения валлерстайновской версии истории капитализма, опирающейся на традиции историков школы «Анналов».

На фоне других весьма обширных трудов, посвященных различным аспектам *мир-системного анализа* (МСА), сравнительно небольшая книга И. Валлерстайна «Утопистика, или Исторический выбор XXI века» (*Utopistics, Or Historical Choices of the Twenty-first Century*. — New Press of New York, 1998) выглядит, на первый взгляд, повторением уже известных положений истории капиталистической мир-системы, разрабатываемых учеными Центра Фернана Броделя. Вместе с тем выделение в структуре «Утопистики» трех временных срезов, охватывающих собой знание о прошлом, настоящем и будущем капиталистической цивилизации, позволяет считать работу американского ученого не простым повторением его прежних идей, но их своеобразной рубежной суммацией, завершающейся проектом научной утопии [2, 270].

В первой главе книги под названием «Провалы мечтаний, или Потерянный рай?» (*The Failures of the Dreams, or Paradise Lost?*) Валлерстайн дает краткий очерк истории КМС, начиная со времени ее возникновения. Следует отметить, что концепция рождения КМС Валлерстайна, несмотря на приписываемые ей марксистские корни, существенным образом отличается от классической теории генезиса капитализма. С общеметодологической точки зрения это отличие выливается в технику рассмотрения эпизодического, циклического, структурного, длительного и трансформирующегося аспектов пространственно-временного предела [3]. Согласно общим положениям теории МСА Валлерстайна, в период между 800 и 1500 гг. в различных географических зонах Земли существовало множество исторических систем трех

разновидностей (мини-системы, мир-империи, мир-экономики). Мировая империя была самой «сильной» формой этой эпохи, поскольку всякий раз, когда она расширялась, то разрушала и/или поглощала мини-системы и мир-экономики. В свою очередь, мир-экономики (исторические образования, существовавшие за счет торговли и обмена) в IX — XIV вв. были «слабой» формой системной организации, никогда не живущей долго [4, 129; 5, 317 — 318]. Конъюнктурно возникшая в начале «долгого XVI столетия» (1450 — 1650) в приатлантической части Европы локальная мир-экономика также должна была раствориться в континентальной мир-империи Габсбургов. Однако благодаря уникальному набору одновременно возникших событий эта локальная мир-экономика не просто выживает, но сама начинает распространяться по всему свету, становясь фундаментом для развития капиталистического способа производства. Причины европейской капиталистической трансформации связаны, по мнению Валлерстайна, не с внутренними условиями развития европейских структур, которые, будучи частью другой мир-системы, сами по себе никуда не эволюционировали, а объясняются, скорее всего, внешними геополитическими и геоэкономическими сдвигами, неожиданным образом приведшими к исторически «краткосрочному» ослаблению европейской мир-империи Габсбургов. Таким образом, И. Валлерстайн принципиальным образом отвергает все «цивилизационистские» объяснения возникновения «европейского чуда» (исключительность, «эксепционализм» европейской культуры, уникальные особенности экономических и/или политических европейских структур, имманентность развития европейского феодализма в направлении к капитализму и т. д.), которые, по его мнению, являются откровенно телеологичными [6, 66 — 67]. Все последующие сдвиги, связанные с внешней экспансией КМС, способствовали ее превращению в единственную глобальную мировую систему, в которой выделяются три системных уровня: ядро, полупериферия и периферия.

С точки зрения подобной конфигурации новая история как история развития капиталистической мир-системы включает в себя следующие основные этапы.

1. XVI — XVII вв. В этот период Голландия, Англия и Северная Франция образуют ядро системы. В состав полупериферии входит Средиземноморская Европа (Испания, Португалия, Италия, Южная Франция). Периферия состоит из Восточной Европы и Латинской Америки.

2. Середина XVII — вторая половина XVIII в. В это время в полупериферию перемещается Север США, Пруссия и Швеция, в перифе-

рию — Юг США и Карибский регион. Большинство стран мира находится за пределами МКС, образуя ее внешнюю зону.

3. Конец XVIII — начало XX в. Возникает устойчивое ядро из США, Великобритании, Франции, Германии. Полупериферия формируется из государств Восточной и Южной Европы, России, Японии и некоторых стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, Уругвая). Периферия — из колониальных и полуколониальных государств Азии, Африки и Латинской Америки [7, 561 — 619].

Что же касается истории КМС, изложенной Валлерстайном в «Утопистике», то основное внимание здесь обращено на процессы, происходящие внутри системы и определившие ее социальный облик. По мнению Валлерстайна, КМС — одно из самых несправедливых обществ в истории. В этом обществе, с одной стороны, существует значительное количество очень богатых людей, а с другой стороны, здесь же находится большое число очень бедных слоев населения, живущих хуже, чем кто-либо ранее [8]. В то же время, как считает автор «Утопистики», пятисотлетняя история существования КМС пока демонстрировала лишь слабость антисистемных движений, направленных на ее разрушение. Причина такой слабости была связана с возможностями КМС использовать геоэкономический потенциал Земли, разрешая внутренние противоречия за счет расширения границ систем. Тем самым антисистемные движения до определенного времени лишь укрепляли КМС.

Вторая глава «Утопистики», названная Валлерстайном «Трудный переходный период, или Ад на земле?» («The Difficult Transition, or Hell on Earth?»), посвящена рассмотрению особенностей кризиса современной КМС. Описание кризиса, подробности которого Валлерстайн дает в работе «Анализ мировых систем», содержит в себе шесть тезисов-позиций. 1. Пространство исторической системы меняется. 2. Каждая историческая система имеет определенную продолжительность жизни. 3. В каждой системе существуют противоречия. 4. Эти противоречия подрывают систему. 5. Когда противоречия достигают определенного уровня интенсивности, они свидетельствуют о вступлении системы в кризис, ведущий к ее распаду. В исторической системе, существующей 500 лет и более, такой переходный период может продолжаться больше 100 лет. 6. Неизбежность гибели системы оставляет открытым вопрос о том, что будет дальше [6, 109 — 110].

Последовательно применяя отмеченные общие пункты МСА к особенностям КМС, Валлерстайн делает следующие выводы. Современная КМС за 500 лет своего существования постоянно, хотя и прерывисто, расширялась, пока к концу XIX в. не смогла включить в свое разделение труда все географические зоны Земли. Сегодня нет госу-

дарств, которые не являлись бы частью межгосударственной системы КМС. Основное экономическое противоречие КМС заложено в двойственной природе агента накопления капитала, который в краткосрочном плане должен сокращать издержки производства, а в среднесрочном — повышать их. И то, и другое стимулирует рост антисистемных движений. Таким образом, в долгосрочной исторической перспективе КМС сама породила основные кризисные факторы, ведущие к разрушению системы [6, 114 — 115]. Другим объективным фактором, оказавшим влияние на особенности протекания современного системного кризиса, стало, по мнению Валлерстайна, вступление КМС в третий вековой тренд «долгого столетия» и очередную (А³) фазу большого экономического цикла.

Определяя состояние модернистской КМС как состояние фазового коллапса и долговременного системного кризиса, Валлерстайн указывает на возрастание социальных рисков, связанных с неустойчивостью системы, функционирующей в условиях переходного периода [9]. Коллапсирующая КМС резко увеличивает возможности для роста социальных и экологических проблем, возрастания насилия и военной агрессии.

В самом общем виде особенности современной КМС в переходный пятидесятилетний период сводятся к следующим тенденциям: 1) неустойчивое геэкономическое и геополитическое равновесие США, Японии, Европы; 2) усиление экономического разрыва между «Севером» и «Югом»; 3) стабилизация численности населения в ядре КМС и его рост на периферии; 4) ухудшение положения среднего класса; 5) ограничение экологических возможностей КМС; 6) снижение абсолютного и относительного объемов прибыли; 7) усиление антисистемных движений на «Юге»; 8) кризис либеральной модели развития КМС [6, 347 — 401].

По поводу места современной России в мировой капиталистической системе Валлерстайн неоднократно высказывался в своих статьях и интервью. Если резюмировать суть сказанного американским экономистом по этому вопросу, то вывод будет таков. Россия как полупериферийная часть современной КМС не может полностью закрыться от ее экономических потрясений. В ближайший 20 — 30 лет относительный экономический вес страны в мире существенно не изменится. Но Россия, как и большинство среднеразвитых государств, может улучшить свое положение, усилив себя политически [10].

Пятидесятилетний кризисный цикл современной КМС может, по мнению американского исследователя, завершиться переходом в «нечто иное». Однако каков будет этот новый исторический результат в значительной степени зависит от выбора направлений развития кол-

лапсирующей системы. Возрастающей роли исторического выбора в условиях переходного периода и необходимости его рационализации посвящена третья глава «Утопистики», носящая название «Существо рационального мира, или Может быть снова Рай?» («A Substantively Rational World, or Can Paradise be regained?»). Значение термина «утопистика» в его сравнении с «утопией» Т. Мора Валлерстайн дает лишь во введении книги и в дальнейшем больше не обращается к семантике слова.

Как следует из объяснений ученого, утопистика является оценкой альтернативных возможностей исторических систем: это трезвые, рациональные и реалистичные оценки возможностей социальных систем стать тем, чем они могут быть в качестве зон, открытых для свободного человеческого творчества [11, 3 — 4]. Таким образом, утопистика, по мнению Валлерстайна, позволяет достоверно выявить исторически неизбежный, хотя и альтернативный образ будущего мира. Важнейший показатель будущего мироустройства связан с возможностью сохранения условий для поступательного развития человечества. Как считает Валлерстайн, прогресс в очень большой степени является вероятностью, но в то же время он не предопределен. Именно поэтому Валлерстайн не исключает регрессивный путь социальных изменений, который в его утопистике представлен двумя дистопийными сценариями трансформации КМС: в новую тоталитарную мировую систему или совокупность локальных систем, отвергающих принципы равенства и демократии. Для осуществления прогрессивного сценария, напротив, необходимо создать общественный миропорядок, основанный на принципах социального равенства и демократии и учитывающий наличие множества культурных моделей, выработанных человечеством. Однако для создания такого общественного порядка требуются совершенно новые институциональные структуры, формы которых сейчас предсказать невозможно. Важную роль здесь должны, по мнению Валлерстайна, сыграть социальные науки, оторванные сегодня от практики прогрессивных общественных движений и находящиеся в состоянии кризиса [12, 329 — 331].

Теперь об упомянутой выше работе А. Фурсова, представляющей своеобразную квинтэссенцию целого цикла его историософских исследований, выступлений и интервью (см. [13 — 17]). В анализе исторического пути европейско-атлантической цивилизации А. Фурсов, как и И. Валлерстайн, исходит из определения мировой капсистемы в качестве глобальной структурированной целостности, охватывающей ныне все континенты Земли. Что же касается ответа на вопрос о времени существования современного капитализма, то, по мнению А. Фурсова, это Современность (Модерн) — третья эпоха, в конце кото-

рой мы живем, после Античности и Средневековья. В развитии капитализма Фурсов также выделяет отдельные эпохи, последняя из которых проводится автором до хронологической черты 1979 — 1991 гг. Подобно мир-системникам, в истории мировой капиталистической системы А. Фурсов выделяет коррелирующие с циклами накопления три гегемонии в мировой политике: голландскую (XVII в.), британскую (XIX в.) и американскую (с 1945 г. и до ее затухания сегодня). При этом СССР (Советский коммунизм) автор рассматривает как «реальный русский Модерн», конец которого совпал, и не мог не совпасть, по А. Фурсову, с концом Современности, т. е. Модерна в целом. Главной причиной данного совпадения был тот же Советский коммунизм в виде СССР — внеположный капитализму «системный антикапитализм», заставлявший капитализм, деформируя собственную природу, развиваться «по антикапиталистической логике».

К числу наиболее заметных проявлений последней, прежде всего, относятся: перераспределительные процессы в пользу среднего класса и «рабочей аристократии», а также создание велфэрного государства как системы пропагандируемой и гарантированной буржуазной нормы потребления. Однако эти и другие социально ориентированные процессы планомерно и масштабно осуществлялись до тех пор, пока с ослаблением СССР и началом очередной понижительной волны большого кондратьевского цикла (примерно с 1970-х гг.) хозяева мировой капиталистической системы, сгруппировавшись в корпорократию, не предприняли (под демократической, естественно, вывеской защиты прав и свобод человека) социальное контрнаступление. Тем самым капитализм, и в этом заключается его историческая уникальность, долгое время вынужден был сосуществовать одновременно с реальным геополитическим конкурентом в лице СССР, получая от него, как это ни парадоксально, косвенную поддержку в виде действующего примера разнообразных социальных программ. Указанное обстоятельство стабилизировало капитализм, продлевая его историческое существование как единства капиталистического и некапиталистического, понуждало рядиться в квазисоциалистические одежды (в этом смысле А. Фурсов сравнивает природу позднего капитализма с массой «двойной звезды», в которой «изживание» некапиталистического сегмента и постоянная борьба с ним диалектически приводят к гибели всей системы).

С исчезновением СССР, следовательно, открывался путь и к системной гибели капитализма, поскольку устранялось одно из главных препятствий для безграничной экспансии транснационального капитала и «пожирания» им себя самого. Тем более что появился и соответствующий инструмент — корпорации-государства, которые, формируясь на клановой или откровенно криминальной основе, антагонистич-

ны нации-государству с его обязательными социальными функциями, а также всем общественным институтам эпохи Модерна, включая гражданское общество.

Мир как иерархия корпораций нового типа с их устремлением к денационализации и десоциализации не может не порождать грядущих конфликтов и наиболее адекватен идущим сегодня процессам глобализации. Устранив «системный антикапитализм» в «холодной» войне и, по сути, подавив возможность борьбы периферийных обществ за лучшее положение в мировой системе, глобализация решила тем самым среднесрочные, как их называет А. Фурсов, проблемы данной системы, но породила неразрешимые долгосрочные проблемы, толкающие капитализм к краю пропасти, ибо глобализация как торжество корпорократии есть в то же время и торжество «мировой закулисы», бесконтрольность финансовых воротил, «вырождение политики в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса». Словом, капитализм конца эпохи Модерна обратился к тому, против чего выступал в своей молодости, а фактический «демонтаж» мировой капиталистической системы вольно или невольно стал осуществляться самой же ее верхушкой. Условной датой такого демонтажа А. Фурсов предлагает считать 1975 г. (после доклада «Кризис демократии» С. Хантингтона, М. Крозье и Д. Ватануки по заказу небезызвестной Трехсторонней комиссии, «закулисы» нового типа), а «точку бифуркации», т. е. «мира между прошлым и будущим», в котором сходятся характерные тенденции развития мировой капиталистической системы эпохи Модерна (1789 — 1991) ориентировочно относит к 1975 — 2025 гг. Так в самых общих чертах выглядит историологическая оценка системного кризиса капитализма, представленная в концепции А. Фурсова, оценка, актуализирующая главный вопрос исследований подобного рода: а что дальше, какой из сценариев будущего следует принять за реальную перспективу? Кто предложит новый проект, и насколько сейчас правомерно возлагать все надежды на «возвращение масс» [18]?

Как можно видеть даже из самого поверхностного обзора отмеченных выше работ И. Валлерстайна и А. Фурсова, оба автора, используя собственные системы аргументации, подводят читателя к мысли о выработанности капитализма как системы и конечности того мирового порядка, который имеем сегодня, о необходимости встретить неоднозначное «завтра» интеллектуально и нравственно вооруженными, не заплутавшими в безответственном гедонизме. Согласимся с А. Фурсовым, когда в качестве отрицательного примера он приводит «синдром Сидония-Аполинария» — римлянина, который в канун разрушения Рима варварами тем не менее рисовал в своих письмах друзьям благостные картины жизни в родном отечестве. Согласимся и с

И. Валлерстайном, когда тот возлагает на весь комплекс социально-гуманитарных наук задачу выработки нового знания, адекватного современной картине «переломной эпохи», ревизуя или переосмысливая по необходимости успевшие устареть идеи и методологические подходы [19, 7 — 10].

В России подобную цель, как представляется, правомерно ставит сложившийся коллектив авторов, группирующихся вокруг альманаха «Философия хозяйства», пожелаем им на этом пути успешного дискуссионного поиска. Данный поиск, как никогда, востребован самим временем. Возможно, все мы лишь в самом начале пути, подобно герою Д. Баниониса из великолепного кинофильма А. Тарковского «Солярис» по провидческой повести С. Лемма: сквозь стекло трансценденции и неполного знания мы словно всматриваемся в грядущее, надеясь найти в нем, как в доме детства, утраченную гармонию и ответ на рефлексию. Что же касается современных футурологических изысканий, осуществленных в жанре научной утопии (возвращаемся опять к утопистике И. Валлерстайна), то они, на наш взгляд, лишь способствуют пониманию многообразия путей обретения истины (которая, как известно, конкретна). А закончить наш краткий обзор мы хотели бы характерной для этого случая цитатой: «Нетрудно предвидеть, — пишет профессор Ю.М. Осипов, — упреки в новом утопизме. Но, во-первых, без ориентирующих утопий ведь никуда, а во-вторых, жизнь должна разворачиваться именно в этих, или им подобных, утопических направлениях, осваивая *новые алгоритмы бытия*, а если мир этого не поймет или не сможет реально идти к дороге жизни, то катастрофы, принимающие, увы, глобальный характер, ему будут в этом споспешествовать» [20, 247].

Литература

1. *Фурсов А.И.* «Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью» // <http://www.nash-sovremennik.ru>.
2. *Wallerstein I.* *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms.* Cambridge, 1991.
3. *Валлерстайн И.* Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы // <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/period/index.htm>.
4. *Семенов Ю.И.* *Философия истории: от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции.* М., 1999.
5. *Wallerstein I.* *World-Systems Analysis // Social Theory Today / A. Giddens, J.H. Turner (eds.)* Cambridge, 1987.

6. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб., 2001.
7. *Wallerstein I.* The West, Capitalism, and the Modern World-System. // Review. 1992. Vol. XV. No. 4.
8. *Dator J.* A Review of Immanuel Wallerstein, *UTOPISTICS*. 1999. No. 7 // www.futures.hawaii.edu/dator/reviews/utopistics.
9. *Валлерстайн И.* Система переживает коллапс // Эксперт. 2001. № 28 (288) // www.expert.ru/printissues/expert/2001/28/.
10. *Валлерстайн И.* Мир подошел к точке, когда нужно выбрать новый путь // Время новостей. 2005. 8 июня // www.archipelag.ru/authors/ovcharova/?library.
11. *Wallerstein I.* Utopistics, Or Historical Choices of the Twenty-first Century. N. Y., 1998.
12. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004.
13. *Фурсов А. И.* Публикации // ru.wikipedia.org/wiki.
14. *Фурсов А.И.* Русский интеллектуальный клуб // www.rikmosgu.ru/about/members.
15. *Фурсов А.* Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) // www.intelros.ru.
16. *Фурсов А.И.* Прощальный поклон капитализма // www.apn.ru.
17. *Фурсов А.И.* Сетка социальных наук трещит по швам // www.dynacon.ru/content/articles.
18. *Казинцев А.И.* Возвращение масс. Комплекс публицистических материалов // Наш современник. 2006 — 2009 г.
19. *Валлерстайн И.* «Система знания тоже оказалась в кризисе...» // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5.
20. *Осинов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Подходы философии хозяйства в передовой зарубежной хозяйственной и правовой практике

Аннотация. Анализ практики институционального проектирования стран переходного типа показал, что определяющим способом его реализации, как и развития норм права является распространение копий первичных (передовых) институциональных решений стран мировой хозяйственной метрополии. Для производства первичных институцио-

нальных решений технологическая метрополия использует подходы философии хозяйства. Чтобы восстановить институциональную независимость и обеспечить институциональное первенство, необходимо пересмотреть систему категорий права с позиции метода философии хозяйства.

Ключевые слова. Мир хозяйства, институциональное проектирование хозяйственного (экономического и внеэкономического) мира, мировая хозяйственная метрополия, первичное (передовое) институциональное решение, вторичное институциональное решение (копия), распространение по миру копий первичных институциональных решений, всеобъемлющее институциональное решение, мета-предприятие, институциональная самостоятельность, институциональное первенство (суверенитет).

Abstract. Analysis of institutional projecting used by the countries of transition has opened that the main way to develop national legislative and institutional systems is copying of advanced institutional decisions produced in the world institutional empire. To return institutional independence and primacy should be applied approaches of economical philosophy.

Keywords. Economic and out-economic world, Institutional projecting of economic and out-economic world, World economic and out-economic empire, Advanced (prime) institutional decision, Secondary (copy) institutional decision, coherence institutional decision, Intellectual Property Rights as a system of producing advanced (prime) institutional decisions and their dissemination across the world, extended enterprise (meta-enterprise), institutional independence (primacy).

Подход философии хозяйства (в отличие от либерального или технократического) производит категорию стоимости как продукт отнюдь не функционирования фактора труда, или фактора капитала, или фактора технологии, или взаимодействия этих факторов, но как продукт совокупной финансово-хозяйственной системы и ее *институционального проектирования*. Это дает возможность хозяйственной (а не чисто экономической!) оценки и проектирования всех элементов (звеньев) строения хозяйственной единицы и систем их взаимодействия вовне. При этом становится органичной потребность в координации всей системы институтов и в нахождении *соединительного институционального решения* во избежание разбалансированности взаимодействующих институтов, формирующих инфраструктуру¹⁵. Требуются про-

---

¹⁵ Таким примером разбалансированности может быть нестыковка кадров (соответствующих специальностей и квалификации) и потребностей техносферы.

двинутые и прогностически выверенные *системные институциональные решения и их наиболее оперативное воплощение в нормах права.*

Конкурентные преимущества стран сегодня во многом определяются этой способностью стран находить лучшие системные институциональные решения и обеспечивать их наиболее оперативное воплощение в праве, законодательстве.

При этом, если в западных странах передовые институциональные решения находятся на базе компаративистики и технократизма, то философия хозяйства обеспечивает видение *развернутой иерархии хозяйственного и внехозяйственного миров.* Ее потенциал несравненно богаче и ждет своего воплощения.

На наш взгляд, с точки зрения парадигмы философии хозяйства в должном осмыслении нуждается новая роль интеллектуальной собственности в системе хозяйственных отношений.

В технологически развитых странах мира интеллектуальная собственность уже стала системообразующим элементом.

Если обратиться к тому же Закону США об инновациях (US National Innovation Act of 2005), то в нем основной хозяйственной единицей, вокруг которой выстраивается система целенаправленной государственной поддержки по созданию должного режима благоприятствования и соответствующей институциональной и физической инфраструктуры, является *метапредприятие.*

Метапредприятие (дословно — расширенное производственное предприятие *extended production enterprise*) объединяет в одну цепочку производственные единицы, занятые созданием идеи, образа продукта или услуги (промышленного дизайна), разработкой концепции развития и распространения продукта или услуги, ресурсообеспечением производства, созданием сети дистрибьюции, обслуживания и утилизации. Вся эта цепочка связана воедино при помощи *информационных технологий.* Метапредприятие возникает в результате коммерциализации того или иного объекта ИС, будь то патент на научное открытие или изобретение, или полезную модель, или бизнес-метод, или компьютерную технологию. Иначе говоря, формообразующим ядром предприятий инновационного типа становится объект интеллектуальной собственности.

Итак, конструкция метапредприятия дает возможность хозяйственной (а не чисто экономической) оценки и проектирования всех элемен-

тов (звеньев) строения хозяйственной единицы и систем их взаимодействия вовне¹⁶.

Конструкция метапредприятия дает возможность размещать его подразделения в любой точке земного шара и осуществлять аутсорсинговые (заказные, давальческие) схемы выкачивания интеллектуальных и материальных ресурсов из других стран, формируя при этом законченный и защищенный правом интеллектуальной собственности продукт.

В рамках конструкции метапредприятия становится понятной приоритетная значимость патентной защиты информационных технологий, которая, кстати, становится ареной острой конкурентной борьбы. Патенты на информационные технологии (компьютерные программы, программное обеспечение, базы данных и бизнес-методы) в настоящее время имеют США и Япония. Принятие соответствующего законодательства (Директивы о патентах на компьютерные технологии) в Евросоюзе было сорвано при помощи вето новых стран-членов. Однако они патентуются в составе единых технологий, и доля патентов на компьютерные технологии в ЕС составляет более 10% общего их числа.

В частности, такими аутсорсинговыми подразделениями, или звеньями, для американских метапредприятий могут быть, и на сегодняшний день таковыми и являются, парки высоких (информационных) технологий, в том числе созданные в Белоруссии и России.

Вред аутсорсинга для стран технологической периферии, какими являются Россия, Белоруссии и другие страны трансформационной экономики, заключается в следующем:

- мы продаем свой интеллектуальный продукт за бесценок; доходы от применения патентных схем защиты на порядок выше доходов выполнения от дачных заказов;
- этот интеллектуальный продукт работает не на экономику своей страны и не служит созданию нового технологического уклада в своей стране, а на экономику стран технологической метрополии, закрепляя их монопольное положение мы льгутируем контингент парков высоких (информационных) технологий за счет бюджетов своих стран;
- мы покупаем их продукт по монополюно высокой цене;
- мы усугубляем свою отсталость и подчиненное (зависимое от метрополии) положение.

Подход к структурированию метапредприятия дает возможность конструирования разумной государственной поддержки, которая мо-

---

¹⁶ При этом микроуровень рассматривается как макроуровень, а макроуровень наиболее полно сочетается с микроуровнем. На этом строится грамотная система разумной государственной поддержки хозяйствующих субъектов.

жет быть осуществлена, если исходную хозяйственную единицу понимать и идентифицировать не изолированно, автономно, частно, единично, а системно, с учетом трансформации и сущности предприятия, и среды, и встроенности в среду, и нового (макро-) качества финансово-технологическо-информационной составляющей экономического процесса.

Действительно, вокруг метапредприятия как носителя высоких технологий и инноваций, как уже было сказано, выстраивается система мер государственной поддержки — организационная и физическая инфраструктура, которая охватывает бюджетную, налоговую, амортизационную, кредитную политику, политику в области образования и переквалификации кадров, развития необходимых звеньев инфраструктуры. «Увенчана» эта система верховным органом государственной власти по управлению инновациями. В качестве примера можно привести Президентский совет по инновациям США, созданный в 2005 г. Его задачей является координация деятельности в области политики образования, промышленного развития, инноваций, бюджета и финансов, занятости. Он должен тщательно прогнозировать и обеспечивать потребности в кадрах новых специальностей и квалификации, необходимых для развивающегося сектора высоких технологий, производства и коммерческого использования новых научных результатов и фундаментальных технологических открытий. В частности, в США приоритетными объявлены математическое образование и мультидисциплинарные специальности в области информационных технологий, биоинформатики, компьютерной химии.

Как это ни парадоксально, но в категории метапредприятия был реализован метафизический расширительный институциональный подход к построению категорий, свойственный *философии хозяйства*. Объяснение кроется в том, что современная хозяйственная система постиндустриального общества объективно вышла за узкие рамки экономического детерминизма и узко-либеральной атомистики. Поэтому уже и методологический аппарат институциональной экономики даже на технократическом уровне может улавливать эти новые данности.

При этом если в западных странах передовые институциональные решения находятся на базе методов компаративистики и технократизма, то философия хозяйства обеспечивает видение развернутой иерархии хозяйственного и внехозяйственного миров. Ее потенциал несравненно богаче и ждет своего воплощения — прежде всего в законодательстве России и ее ближайших союзников.

Однако именно потому, что к подходам философии хозяйства в родном отечестве (и отечествах) пока не прислушиваются, пока лучшее институциональное решение — и в части региональной хозяйст-

венной политики — найдено пока в США или Финляндии. Это системное и по сути социоэкономическое (а не чисто экономическое) решение, когда в качестве основных методов регионального развития и региональной политики предлагается развитие передовых (продвинутых) инновационных кластеров, т. е. комплекса научных учреждений и наукоемких предприятий и научно-производственной и социально-жилищной инфраструктуры. Такой подход выгодно отличается от, скажем, того же нашего курса на ни к чему не привязанное жилищное строительство в мегаполисах или новых поселениях, которые затем не заполняются и не дают желаемого ни социального, ни хозяйственного эффекта.

Именно вследствие этой зияющей теоретической и идейной брешы, мы, отстающие, можем производить только теоретически и идеологически ущербные конструкции типа догоняющего развития, модернизации и т. п. Тогда как в условия ярко выраженной ориентации технологической метрополии на технологическую гегемонию — первенство, достигаемое через сосредоточение инвестиций, таланта и инфраструктуры (физической, организационной, менеджеральной), наиболее адекватной национальной мобилизующей идеей мог бы стать курс на, по-крайней мере, отвоение *технологического суверенитета*. Но для этого надо услышать голос философии хозяйства.

Новая, системообразующая, роль интеллектуальной собственности совершенно не может возникнуть и поддерживаться через призму категории *рабочая сила*, которую философия хозяйства изначально критиковала как узко-экономическую, соответствующую разве что начальной стадии развития индустриального общества (раннего капитализма и раннего социализма). Но, как ни странно, эта категория продолжает сохраняться в праве развивающихся и переходных стран. В то время как в США, стране-лидере мировой технологической метрополии, в частности, в Законе об инновациях, используют категории «человек» и «талант».

Категории «человек» и «талант» предполагают возможность осуществления заложенного в них творческого и производительного потенциалов на благо общества или социума. В законодательстве же России, Белоруссии и других стран СНГ, несмотря на всеобщие рыночные реформы и объявленную рыночную ориентацию, область права создателя объектов интеллектуальной собственности продолжает оставаться дореформенной и даже ранне-индустриальной. Работник научно-исследовательского или образовательного учреждения, автор служебного изобретения, будучи лишь рабочей силой, совершенно не имеет возможности повлиять на процесс реализации в производстве его интеллектуального продукта. Несмотря на всеобщий провозгла-

шенный курс на ценность личной и частной собственности, свойственной свободной рыночной системе, работник в странах, вышедших из системы административного социализма, по-прежнему продолжает оставаться в ее тисках. Он по-прежнему не имеет никаких имущественных прав на результаты использования в производстве его интеллектуального продукта. В большинстве же стран технологической метрополии автор изобретения или иного интеллектуального результата интеллектуальной деятельности имеет гарантированное законом право на часть дохода организации, в которой он работает, от реализации этого результата. В Германии, по Закону о служебных изобретениях (*Gesetz über Arbeitnehmererfindungen vom 25. Juli 1957*), например, доля автора составляет треть дохода университета или НИИ, полученного ими в результате реализации этого служебного изобретения или иного интеллектуального результата. Треть дохода принадлежит учреждению, в котором работает автор и треть — государству либо спонсору. Таким образом, создается трехсторонняя система заинтересованности и ответственности в производстве интеллектуальных продуктов и их промышленном использовании.

Далее, в сфере кредитов в технологически передовых странах развивается новый кредитный продукт — кредиты под залог объектов интеллектуальной собственности, который дает импульс к развитию и финансовой поддержке таланта. Если перефразировать известное выражение Маркса, то кредит под права интеллектуальной собственности — форма продвижения таланта.

Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод о необходимости инвентаризации всего законодательства России, Белоруссии и других стран СНГ на предмет их соответствия подходам философии хозяйства и выработки согласованных предложений по их совершенствованию. К этой работе целесообразно привлечь потенциал недавно созданной Академии философии хозяйства. Ведь очевидно, что пренебрегая этим, наши страны обречены на отставание и отсроченный и отрывочный реимпорт идей философии хозяйства, в определенной мере заимствованных западной институциональной политической экономией.

Е.В. КОСОВ

Этатизм и либерализм — тормоз и газ

Капитан дал команду «Пли!».

Аркадио едва успел выпятить грудь и вскинуть голову, не понимая, откуда льет горячая струя, обжигающая ляжки.

— Гады! — крикнул он, — Да здравствует либеральная партия!

Г.Г. Маркес. Сто лет одиночества

Аннотация. В России на смену идеологии «социализма-коммунизма» постепенно приходит идеология этатизма, связанная с сакральностью государства, с всесторонним укреплением «властной вертикали». Либерализм — это идеология ценности ненасильственных связей в обществе. Цель либерализма — обеспечение людям (всем слоям общества, а не абстрактному «народу») нормального взаимодействия и достойного уровня комфортного и безопасного существования. Основой либеральной экономики является «средний класс» — независимый слой активных предприимчивых людей.

Ключевые слова: либерализм, этатизм, социализм, национал-социализм, государственное управление, экономический кризис, коррупция.

Abstract. The «socialism-communism» in Russian is being replaced gradually by ideology of etatism, related to sacrality of state, with all-round consolidation of «chain of command». Liberalism is an ideology of value of nonviolent communications in a society. The liberalism purpose is ensuring for people (for all social classes, not abstract «people») of normal interaction and worthy level of comfortable and safe existence. A basis of liberal economy is «middle class» that is an independent stratum of active enterprising people.

Keywords: liberalism, etatism, socialism, national socialism, state governing, economic crisis, corruption.

Весь XX в. на планете прошел под знаменами соблазнительных лозунгов социализма-коммунизма. Советский Союз и страны так называемой «народной демократии» пытались строить интернациональный социализм по Марксу — Ленину — Троцкому — для всех, для всего мира. Тогда как Германия подала всему миру свой пример строитель-

ства социализма, т. е. национал-социализма по Гитлеру — только для «своих». В обоих случаях красивая идея обоих социализмов на практике превратилась в тотальную власть чиновников во главе с вождем, управляющих всей жизнью общества и огосударственным общественным производством.

Практика социализма, как под пятиконечной звездой интернационализма, так и под свастикой национал-социализма, к концу XX в. привела к тому, что на всех континентах социалистическая идеология потерпела сокрушительное поражение. Остались лишь ее упертые приверженцы в Северной Корее, на Кубе, в Китае (на словах).

Крах, которым закончились социалистические эксперименты, привел в замешательство даже самых фанатичных сторонников социализма-коммунизма. Но не надолго! Битому нейдет, на смену приходит идеология *этатизма*, связанная с сакральностью государства, с всесторонним укреплением «властной вертикали». Россия как преемница СССР опять становится страной, где государство подобно Левиафану¹⁷ является символом неодолимой мощи, где чиновничество всех мастей — «наше всё»!

Чтобы скрыть паразитический характер своего класса, чиновники (и интеллектуалы, состоящие у них на службе) распространяют предрассудки о высокой эффективности тотального государственного управления. Хотя в действительности речь идет только об их собственных интересах. Более того, всячески пытаются оправдывать привилегии чиновников и пышность убранства бюрократических «храмов». Так формируется новое рабство — перед государством-благодетелем. В красивую, но несъедобную социалистическую упаковку стали заворачивать державные идеи те политические партии, которые больше всего озабочены вовсе не идеалами социальной справедливости, а сохранением привилегий государственной бюрократии. После непродолжительной растерянности социалисты-этатисты стали агитировать за укрепление государственности властной вертикали.

Пресловутый «шведский социализм», так почитаемый в российских интеллектуальных кругах, не более, чем миф. На самом деле это обычная либеральная экономическая политика, которая неизбежно дает эффективный результат, если ее грамотно применять. Однако до сих пор сознательно распространяется предрассудок о социализме как об

---

¹⁷ «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» — книга английского философа XVII в. Томаса Гоббса, который заимствовал из Ветхого Завета легенду о Левиафане, чудовище в человеческом образе — синониме жестокого государства, пожирающего своих подданных. В одной руке у Левиафана — карающий меч, в другой — пастырский посох.

идеальном социально-ориентированном государстве. Хотя западная социал-демократия уже давно мимикрировала (под своим старым названием) в подлинный либерализм. Если на первом месте стоит свобода личности — это либерализм, если главное цель — интересы государства (не общества, а именно государства!) — это социализм как разновидность этатизма.

Лидер британских лейбористов (по сути, социалистов) Тони Блэр и германский социал-демократ Герхард Шредер на рубеже веков опубликовали совместный «Социал-демократический манифест». Однако главный пафос и 90% текста этого документа посвящены... критике социализма и тех социал-демократов, которые «сверх меры заботятся о росте зарплаты и пособий», «подавляют предпринимательский дух и индивидуальную ответственность», а также «перекладывают на государство иждивенческие ожидания». Слово в слово либеральная программа действий!

«Общеизвестно, что либералы создают лучшие условия для развития экономики страны. Социалисты (лейбористы) ратуют за улучшение ситуации в социальной сфере, а попросту “проедают” то, что создали либералы, ибо много есть завистников отобрать то, что наработало либеральное общество». Эта цитата взята из книги Ю.М. Лужкова «Развитие капитализма в России. 100 лет спустя», причем автора никак нельзя заподозрить ни в симпатиях к либерализму, ни к конкретным либералам.

На самом деле державники-этатисты уводят общественное сознание от анализа главной иллюзии русской истории — от несбыточной надежды на «хорошее государство». В России еще со времен царизма жива вера в то, что концентрация власти в одних руках обеспечивает эффективное руководство. Очередной миф! Концентрация власти чаще всего приводит не к сильному государству, а к крайне жестокой и неэффективной диктатуре, при которой людям только и остается, что уповать на здравомыслие самодержца-диктатора и его милосердие. С помощью диктатуры страной могут править и полные ничтожества, которые свою несостоятельность скрывают путем ограничения свобод и введения единомыслия. Жесткая централизация власти и подавление оппозиции, как показывает исторический опыт, дают немедленный эффект, но весьма кратковременный. В конечном итоге централизация власти неизбежно приводит к взрыву всей политической системы¹⁸.

---

¹⁸ История учит нас: оказывается, диктаторы бывают хорошие и плохие. «Плохой диктатор» использует власть для своего обогащения и удовольствий. Чаще всего, после смерти «плохого диктатора» начинается бардак, или на смену приходит новый диктатор, только внешне другой — на смену лысому прихо-

По сути, современный выбор государственного устройства в постиндустриальную эпоху не так уж богат. Фактически он сводится к альтернативе:

- или этатизм (в разновидностях социализма-коммунизма), как идеология постоянного усиления государственности;
- или либерализм, как тенденция укрепления тех социально-экономических институтов государства, которые обеспечивают этой самой «личности» материальный достаток и независимость.

Конечно, в этой двуполосности есть свои оттенки и промежуточные состояния, в том числе «национальный социализм» и «национальный либерализм». С этими названиями в России не так все просто: тех, кто проповедует идеи национал-социализма, презрительно именуют «фашистами», а на тех, кто придерживается либеральных взглядов, приклеивают ярлыки «анархистов», «масонов» и презрительно шельмуют их «либероидами». Конечно же, это не так. Загляните в словарь В.И. Даля, найдите слово «либерал» и увидите, что *«либерал тот, кто желает свободы для народа и самоуправления на местах»*. Сказано коротко и ясно! И не надо ничего придумывать про либералов!

Более того, либерализм предполагает именно сильное государство, которое может твердой рукой обеспечивать необходимый либеральный порядок. Не надо думать, что либерализм — это синоним мягкотелости и политкорректности, а усиление государственности вовсе не означает, что «государства» должно быть везде много. Это слабое (рыхлое) государство вынуждено лезть во все дырки со своими законами и эмиссарами, и оттого такая власть всем мешает.

Яркий пример в сравнении эффективности этатизма и либерализма — Северная Корея и Южная Корея, этнически однородные государства. Если нищее и голодное большинство населения Северной Кореи — результат проводимой изоляционистской политики «национал-социализма» (точнее «национал-коммунизма» с идеями «Чухчхе»), то Южную Корею (несмотря на явное ограничение политических свобод) следует безоговорочно отнести к странам либеральной экономики. Разрыв в развитии этих стран потрясающий: если жители Северной

дит кучерявый, на смену толстому — худой. «Хороший диктатор» использует свою власть для установления главенства закона, для защиты свобод — предпринимательства, самоуправления на местах, гражданских прав населения. «Хорошая диктатура» обычно — вещь временная, и обязательно кончается демократией. Такая трансформация диктатуры в демократию обычно случается еще при жизни «хорошего диктатора», который добровольно слагает с себя авторитарную власть. Примеров тьма — в Испании, в Чили, в Южной Корее, в Сингапуре, в Малайзии.

Кореи постоянно голодают, то в Южной Корее за двадцать последних лет валовой национальный продукт увеличился в 200 раз! Мы в России это ощущаем, когда ездим на южнокорейских автомобилях, смотрим передачи по южнокорейским телевизорам и покупаем самую разную южнокорейскую электронику.

У нас в России есть свои примеры эффективности либеральной политики. Во время Гражданской войны на освобожденных от большевиков территориях мгновенно (в три дня) сам собой ликвидировался голод, устроенный продотрядами и гонениями советской власти на «спекулянтов». Причем Белая армия, впрочем, как чехословацкий корпус или махновцы, не предпринимала в продовольственном вопросе решительно ничего. Просто никто из них не препятствовал свободной торговле, и этого было достаточно, чтобы в городах немедленно появлялись продукты питания. Точно так же — правительство Егора Гайдара мгновенно (в три недели) ликвидировало тот жуткий дефицит продовольствия, который мучил советских людей семь десятилетий (за исключением периода нэпа). Просто оно разрешило свободную торговлю.

С ходу распознать приверженцев этатизма (социализма) и либерализма весьма сложно. Все политики используют одни и те же затасканные шаблоны о демократии, о социальных гарантиях государства, народных (или национальных) интересах, возрождении нации, ее богатстве и процветании. Более того, сторонники этатизма обычно величают себя здравомыслящими «консерваторами», которые стоят за строгий порядок в обществе и сильную верховную власть. Если либерализм — это философия свободы и достоинства человека, то социализм (а тем более коммунизм) — идея государственного рабства, прикрываемая безудержной пафосной демагогией. Всем ясно, что свобода — это трудная, но счастливая жизнь, а рабство — легкая, но позорная.

В то же время либерализм не обещает людям ничего конкретного, в этом слабость либерализма как идеологии. Либерализм — это, прежде всего, верховенство ценности ненасильственных связей в обществе. Фактически цель либерализма — обеспечение людям (всем слоям общества, а не абстрактному «народу») нормального взаимодействия и достойного уровня комфортного и безопасного существования — как материального, так и духовного. Либералы призывают всех людей честно трудиться, и сами подают в этом пример. Тогда как среди этатистов (социалистов-коммунистов) большинство — бездельники и просто проходимцы, только и мечтающие о начальственных должностях (и причитающихся им пайках) при укреплении милой им государственности.

В начале 1990-х гг. в России были сделаны робкие шаги на либеральном пути. Однако следует признать, что экономические реформы в России в 1990-е гг. были вовсе не либеральными, а просто безграмотными, и проводили их аферисты и пустоболты. После того, что натворили и наболтали в России «либералы первой волны» и главный официальный «либерал» Жириновский, сейчас демонстрировать приверженность либерализму — сущее донкихотство.

Разумеется, никто в здравом уме не станет утверждать, что либерализм по своей природе — инструмент грабежа и мошенничества. Однако понятие либерализма настолько извращено, что зачастую подразумевается диаметрально противоположный смысл подлинному его значению. Извращение идей либерализма идет с такой наглостью, а выворачивание на изнанку слов и понятий происходит с таким нахальством, что уже нет никакой возможности для нормальных дискуссий. Появились такие интеллектуальные ловкачи, которые умеют словесно искажать любую действительность с помощью смысловых подмен и уловок. Тем самым здравый смысл подвергается осмеянию и глумлению.

Но быть в меньшинстве не означает быть неправым. К мнению большинства надо относиться спокойно и даже настороженно. Что, разве не было в нашей истории примеров, когда мнение большинства и их поступки были аморальны? Не следует забывать, что весь прогресс человечества достигается в результате инициатив незначительного меньшинства.

Известно, что в стране опасно начинать коренные реформы, но еще опаснее прекращать начатые реформы. Так было с либеральными реформами 1990-х, не прошло и года, как на смену либералам Гайдара пришел «красный директор» Черномырдин. Экзотических либеральных «птичек», запевших было в России, очень быстро переклевали слегка подрастерявшиеся поначалу, но по-прежнему весьма хищные ястребы державной (этатической) окраски.

Известно, что свобода в жизнь общества приходит «вдруг и вся» (как это, например, произошло в августе 1991 г.), а вот теряется свобода как-то незаметно, отваливаясь по маленькому кусочку. Свобода — она как воздух — его не замечаешь, когда дышится легко. Однако стоит лишь ощутить недостаток свободы («воздуха»), как все остальное в жизни становится не важным.

Тяжелый государственный пресс подкрадывается к людям исподволь, шагком за шагом. И вот, вдруг, уже не может быть речи о демократической сменяемости власти, уже невозможна выборность губернаторов и мэров. На пути легализации политических партий и общественных движений, неподконтрольных Кремлю, установлены непре-

одолимые бюрократические «рогатки» — прямо-таки противотанковые ежи! И уж ничто не должно давать оснований для сомнений в правоте «первого лица». А если кто сомневается, не одобряет или, не дай Бог, критикует — тогда он «враг народа» со всеми вытекающими последствиями.

Отечественные социалисты-этатисты под предлогом улучшения системы здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития сельского хозяйства, культуры, стимулирования рождаемости — да мало ли для чего еще — постоянно требуют увеличивать налоги и подати для увеличения поступлений в госбюджет. А кто против — тот «враг народа»! А кто чаще всего против увеличения налогов? Либерал! Ату либерала! И невдомек этатисту, что пенсионная система должна базироваться на негосударственных пенсионных фондах, здравоохранение может существовать на добровольном страховании, сельское хозяйство должно быть самоокупаемым, а обязательное страхование автомобилей конкурентным.

За последние годы антилиберальные настроения в России только усилились. Всем стало ясно, кто рулит экономикой: удар по Ходорковскому сразу дал всем понять, «кто в доме хозяин». Частный капитал сейчас предпочитает «улетать» за рубеж, а не инвестироваться в техническую модернизацию отечественного производства. Основные производственные фонды за последние двадцать лет безнадежно устарели и изношены, участились техногенные катастрофы. А по телевизору все твердят: «Россия поднимается с колен!». Основная масса «россиян» смирилась с возвращением путинского неосоветизма. Отечественная российская (бывшая советская) элита уже не способна воспрепятствовать неосоветизму, так как сама неизлечимо больна марксизмом-ленинизмом.

Этатизм в экономике — это постоянное усиление бюрократизации и ущемление предпринимательства. Всем давно известно, что предпринимательство под контролем бюрократии не бывает эффективным. Из-за интересов номенклатурных чиновников государство, якобы с благой целью, вмешивается в рыночные отношения, вводит все новые и новые формы регулирования и контроля, преследует бизнес, устанавливает все более весомые налоги для пополнения государственного бюджета. Но самое удивительное то, что многие люди («россияне») просто жаждут, чтобы государство вмешивалось во все стороны жизни общества — в экономику, в здравоохранение, в образование, в спорт, культуру, в семейные отношения. От таких рассуждений до Госплана, Госснаба и Госстроя рукой подать, а это уже возврат ко всей советской системе (не только к советскому гимну!).

Экономический кризис, свидетелями которого мы являемся с недавних пор, стал поводом злорадного торжества социалистов-этатистов: наконец-то, сторонники либерализма как поборники свободного рынка, посрамлены! Все этатисты бросились перечитывать «Капитал» Карла Маркса. На самом деле, поводов для ликования у них не так уж и много. Да, во времена кризисов затихают похвалы «невидимой руке свободного рынка», хотя сам рынок никуда не уходит, а только трансформируется.

Всемирный финансовый кризис разразился оттого, что кредиты стали сверхдоступными. Система кредитования производства и потребления (по рекомендации Джона Кейнса) действительно привела к благоденствию, но и запустила механизм самоуничтожения экономики. Миром стали править не реальные капиталисты-производители, финансовые спекулянты, которые «берут кредиты, чтобы кредитовать кредиты». Банки, инвестиционные фонды, страховые компании стали финансовыми пузырями, набитыми кредитными «деньгами». Над реальной стоимостью ВВП выросла финансовая «пена» в виде ценных «бумажек», которая во много раз превышает реальное общественное производство. Эти «бумажки» и являются предметом финансовых спекуляций. Так доступный кредит стал финансовым оружием массового поражения, ведь кредит (в отличие от накоплений) — это сегодняшнее проедание своего «завтра»¹⁹.

Глобальный кризис требует вовсе не постоянного усиления роли государства (этатизма), а пересмотра сложившихся представлений об эффективном устройстве экономического механизма. Уже ни Смит, ни Маркс, ни Кейнс, ни Фридман не могут объяснить, как надо выходить из сложившегося современного кризисного положения. Нужны новые идеи. Иначе говоря, нужен новый Коперник-экономист, который объяснил бы всем истинное движение денег по экономическим орбитам.

Государство вмешивается в экономику не от хорошей жизни. Оно может и должно лечить экономические недуги, но кардинально развивать общественное производство — отнюдь! Технологическое и экономическое развитие общества обеспечивает свободное предпринимательство. Государственные корпорации можно рассматривать лишь в качестве временного инструмента выхода из кризиса и стабилизации, а вовсе не как самоцель.

---

¹⁹ США, составляя 5% населения мира, производят около 20% мирового продукта, однако потребляют около 40% всех мировых товаров и услуг. Это происходит за счет кредита. Каждый американец 25% своего текущего дохода тратит на покрытие ранее взятых кредитов. Это — в среднем!

Этатизм и либерализм в экономике — как две необходимые педали в управлении автомобилем. Либерализм — газ, нажал на педаль газа — и автомобиль получил ускорение. Этатизм — тормоз: если автомобиль так разогнался, что возникает угроза сорваться в пропасть (в кризис), то следует притормозить, т. е. умерить чрезмерную предпринимательскую активность и свободу рынка. Но если все время держать ногу на тормозе (усиливать налоги, увеличивать отчисления в госбюджет, давить предпринимательскую инициативу), то автомобиль не то что не поедет, а даже не тронется с места. В чем мы убедились за долгие годы советской власти, постоянно державшей ногу на тормозе в управлении экономикой.

Ни безудержный радикальный либерализм (дави на газ!), ни тотальный этатизм (тормози!) не могут привести к процветанию общественного производства. Мы должны думать не об отдельном совершенствовании педали газа или тормозной системы, а о совершенствовании всей системы управления автомобилем (государством, экономикой) в целом. В этом суть конвергенции двух социально-экономических систем — капитализма и социализма.

Существует ряд конкретных показателей, отмечающих шелуху демагогии и позволяющих провести четкую границу при анализе государственного экономического устройства: чего там больше — этатизма (социализма) или либерализма (капитализма)? Одним из таких показателей является соотношение — какую долю валового национального дохода, произведенного всем обществом, государство забирает в свое распоряжение через консолидированный государственный бюджет. Велика эта доля, значит, в обществе много «социализма». Если уменьшается доля отчислений от национального дохода в госбюджет, то это означает, что общество вступает на либеральный путь развития экономики.

В странах Юго-Восточной Азии (Индия, Тайланд, Малайзия) бюджетизируется всего около 15% произведенного национального дохода, все остальное остается в распоряжении бизнеса и домашних хозяйств. В США, в Японии, в Южной Корее, в странах Латинской Америки бюджетизируется не более 30% национального дохода. В странах Западной Европы — около 40%, в Скандинавских странах — до 60%. В России, по разным оценкам (официальным и неофициальным), в бюджет изымается до 50% валового национального дохода. С учетом того, что в России реально функционирует масштабная «теневая» экономика, неподвластная государству, фактически этот показатель даже ниже. Однако не следует обольщаться таким «либерализмом», все равно этатизм в России берет свое. С недавних пор в России образуется огромный Стабилизационный фонд, который хоть и считается внебюджет-

ным, но фактически тот же госбюджет, только стратегический, на много лет вперед. Стабфонд, как и госбюджет, тоже полностью подконтролен исполнительной власти.

Еще одним важным показателем, позволяющим отличать социализм (этатизм) от либерализма, является укрепление в обществе «среднего класса». Там, где «средний класс» (малый и средний бизнес) создает не менее двух третей национального продукта, можно с уверенностью сказать, что эта страна вступила на путь либеральной экономики. Например, в Индии, которая сейчас демонстрирует сверхвысокие темпы развития бескризисной экономики, 80% национального продукта создается на малых и средних предприятиях. Экономике тех стран, где национальный продукт создается, в основном, трудом наемных работников (неважно, кто их нанимает — «частник-капиталист» или «родное государство»), никак нельзя назвать либеральной.

Сейчас в России все талдычат о «среднем классе». А что это такое? Разве «средний класс» — это «люди с приличными зарплатами», хорошо одетые «русские яппи», менеджеры среднего звена и успешные адвокаты? Если все сводить к сумме заработка, то, глядишь, у нас к «среднему классу» будут причислены и все чиновники-взяточники. «Средним классом» человека делает не высокая зарплата, не доступное казнокрадство и взяточничество, а экономическая независимость человека (семьи). «Средний класс» — это те, кто самостоятельно *зарабатывают* свой доход, а не «получают» приличную зарплату. «Средний класс» — это экономически независимый слой активных предприимчивых людей. Как с удовлетворением отмечал русский политик П.А. Столыпин в начале XX в., «уже народился русский крестьянин, которому банк ссуду дает». Лишь какие-то пятьдесят лет — от ликвидации крепостничества до вступления в Первую мировую войну — Россия жила под воздействием идей либерализма. Эти золотые полвека (особенно Столыпинские реформы) привели Россию к успехам во всех областях — в экономике, в бурном росте населения, в дальнейшем расширении империи, в литературе и искусстве.

В постсоветской России на заре либеральных реформ две трети населения горячо хотели стать предпринимателями. По прошествии двадцати лет псевдо-либеральных реформ желания заниматься этой самой «лакомой» предпринимательской деятельностью заметно поубавилось. Только в первое десятилетие XXI в. количество предпринимателей сократилось более, чем в три раза. Это вовсе не означает, что предприниматели все умерли с голоду. Одни ушли в «тень», кого-то «заказали», другие стали чиновниками — ушли на госслужбу, третьи бросили прессуемый государством бизнес и стали наемными работниками. А самые известные предприниматели, чьи имена у всех на слуху, или

эмигрировали в более благоприятный климат, или топчут суровую зону.

На самом деле нынешняя система власти, несмотря на псевдолиберальные лозунги, занимается тем, что создает все новые и новые министерства, департаменты, сливает и разливает их под новыми названиями. Если в СССР численность бюрократов всех мастей составляла 12 млн на 300 млн жителей, то в сегодняшней России на 144 млн приходится 18 млн госслужащих. Среди них и простые чиновники, и те, что в погонах — армия, флот, МВД, «погранцы», милиция, Минюст, Прокуратура, МЧС, ФСБ, ФСО, ФАПСИ и СВР. Это уже мировой рекорд «государственных людей» на одну простую российскую душу населения! Только Китай впереди нас. Бездельников больше, чем пахарей! Кто же будет работать и удваивать-утраивать-удесятерять экономику?

Чиновничество только для того и существует, чтобы повсюду опускать придуманные ими запретительные шлагбаумы — от полосатого жезла «гаишника» до федеральных законов. Приподнимать шлагбаумы чиновники готовы только за взятки. Коррупция, словно раковая опухоль, растет в государственном организме и в конце концов убивает его, если своевременно не удалить эту злокачественное новообразование. Когда чиновники публично выступают против коррупции, то всем становится смешно, это все равно, что «пчелы против меда»²⁰.

Жесткой государственности, в том числе и семидесятилетнего коммунистического разлива, Россия нахлебалась предостаточно. Не пора ли по примеру других наций и государств, добившихся существенных успехов не только в экономике, но и в политической жизни, попробовать встать на либеральный путь? Нашим российским «державникам» социалистической окраски следует серьезно задуматься: стоило ли низвергать КПСС и разрушать великую страну, чтобы заново сотворить кумира, создать новую привилегированную партию власти и наплодить армаду чиновников?

---

²⁰ Н.В. Гоголь в одном из писем: «Если к жулику приставить сторожа, будет два жулика. Если за тем сторожем приставить еще одно сторожа, будет три жулика. Количество сторожей ведет к увеличению жуликов, но не к улучшению порядка».

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Цивилизация гармонии и нравственности как цель модернизации. Мобилизационный потенциал России

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы нравственности, гармонии, соотношения принципов социальной свободы и справедливости в развитии современной цивилизации.

Утверждается, что финансово-экономический, социальный и культурно-духовный кризисы имеют общие мировоззренческие корни и являются элементами текущего системного кризиса атлантической культуры в новом глобальном мире. Рассматривается новая теория системного оптимума адаптации и развития человека, которая базируется на принципах системного анализа и междисциплинарной интеграции антропологических подходов.

Ключевые слова: гармония, нравственность, кризис атлантической культуры, теория системного оптимума, цивилизационная идентичность.

Abstract. In the article the problems of morals, harmony, parity of principles of social freedom and justice in development of a modern civilization are being touched.

The author asserts that financial-economic, social and cultural-spiritual crises have the same world outlook roots and are elements of current system crisis of the Atlantic culture in the new global world. The new theory of a system optimum of adaptation and development of a human being is being considered. The theory is based on principles of the system analysis and interdisciplinary integration of anthropological approaches.

Keywords: harmony, morals, crisis of the Atlantic culture, the theory of a system optimum, civilizational identity.

Добросовестный анализ основных процессов развития современной цивилизации неизбежно приводит исследователя к выдвижению гипотезы о *глобальном кризисе современной культуры*, который должен рассматриваться в его целостном многообразии, — в общемировом и историческом контексте. Его трактуют как кризис мира, общества и человека (см.: [1, 2]).

При всем многообразии проявлений текущего глобального кризиса его сутью является отчетливо наблюдаемый с конца XX в. кризис атлантической культуры и ее производной — капиталистической цивили-

лизации, являвшейся в последние десятилетия мировым лидером в политической и экономической сфере, цивилизации, где все духовное, возвышенное и отдаленное отвергается как неопределяемое и несущественное, где материальные ценности и деньги как их символ являются главными мотивами социального поведения [1, 15 — 30].

В этой вульгарно-материалистической, либерально-демократической цивилизации *принцип социальной свободы* ставится выше *принципа справедливости*. В ней закономерно формируется светское общество, где принцип отхода от религиозного и перехода к рациональному мировоззрению доводится до крайности, до степени бездуховности, ибо нерелигиозные (рациональные) основания духовности полностью отрицаются. В итоге цивилизация формируется как социальная сущность, лишенная серьезных нравственных оснований, живущая сиюминутными интересами. Мировоззрением масс становятся вульгаризированные принципы Ветхого Завета. Провозглашение индивидуализма высшим принципом социальной жизни в соответствии с платоновским принципом порчи идеального при воплощении превращается в столь хорошо известный современной России тотальный и системный эгоизм. Бездуховность и безнравственность неизбежно приводят к превращению принципа свободы в фетиш — в независимость индивида и общества от среды обитания, утрату обратной связи с ней и неизбежную расплату за нарушение базовых законов природы.

Для данного уровня развития цивилизации в материальной культуре характерна ситуация насыщения (и даже пресыщения) материальных потребностей населения в условиях постиндустриального производства и безостановочного научно-технического прогресса. В духовной же культуре происходит смена эпохи Модерна, переход к Постмодерну. Суть замены связана, прежде всего, с радикальной переоценкой смыслов и ценностей развития, отменой всяческих эстетических и нравственных табу, упразднением границ между понятиями высокого и низкого, прекрасного и безобразного, попыткой «свободного» принятия бытия «таким, как оно есть», т. е. без нравственной и духовной оценки, без соотнесения происходящего с каким-либо идеалом.

Это событие сделало искусство как форму рефлексии социального бытия предельно «свободным», наполнило его «фрагментами» реальной жизни. Такая расщепленность художественного, а затем и общественного сознания, наполненность его иллюзорными и галлюцинаторно-виртуальными сущностями стали напоминать *расщепленное сознание больного шизофренией, «свободного» от соотнесения с окружающим миром, не способное ни на какую реальную, целенаправленную и ответственную перед социумом деятельность.*

Таким образом, наблюдаемые финансово-экономический, социальный и культурно-духовный кризисы имеют общий мировоззренческий корень и являются элементами текущего системного кризиса атлантической культуры в новом глобальном мире. Системной ошибкой «свободного общества» является *возведение требования свободы в абсолют*, в свободу от учета свойств и целей окружающих, от дальних смыслов и, в конце концов, от Бога. Логическое продолжение этого принципа давно исследовано, но до сих пор плохо воспринято массовым сознанием, оно неминуемо приводит к «принципу Раскольникова» — свободы на совершение убийства и самоубийства не только для индивида, но и для человечества.

Так ложно, догматически понятый и гипертрофированный в своем значении принцип свободы в культуре духовной продемонстрировал свою болезненную и потому разрушающую силу во всех сферах социальной жизни, сделав выход из кризиса однозначно направленным в сторону катастрофы.

Современная экономика — одна из наиболее явных сфер кризиса; сегодня она имеет предельно выраженный финансовый характер, превращаясь в «финансомику» [1]. Причина этой трансформации в том, что финансовая сфера тоже стала излишне «свободной», т. е. *безответственной перед обществом*, почти независимой от экономики. Экономика, в свою очередь, «освободилась» от объективно предназначенной ей цели — хозяйства, воспроизводства человеческого фактора. В результате глобальный мир, слепо веривший в истинность догм так называемого свободного мира, пережил весьма болезненные, но отрезвляющие события. Сформировался «невыплачиваемый долг» США, ведущей страны атлантической цивилизации, длительное время печатавшей необеспеченные деньги и выпускавшей столь же необеспеченные сверхдериваты ценных бумаг, во всем мире принимавшиеся как знаки истинных, а не ложных ценностей. Ответливыми стали бюджетные кризисы стран европейской зоны атлантической культуры. В глобальной экономике, политике, смыслах развития человечества проявляется нарастающий хаос.

Философская и социально-психологическая интерпретация этих событий однозначна. Хаос нарастает в те эпохи, когда общественное сознание утрачивает ясное восприятие Логоса, когда исчезают долгосрочные смыслы, в те времена, когда обесцениваются высшие законы жизни человека и общества, когда пустая *свобода индивида от мира* дезинтегрирует социум под напором инфернальной силы эгоизма, уничтожая и индивида, и запрещенное законами бытия сообщество безнравственных и бездуховных эгоистов, живущих интересами и смыслами одного дня [3].

Столетие назад российским экономистом, философом и богословом С.Н. Булгаковым было показано, что общество, ставящее экономику выше хозяйства, общество безнравственное и бездуховное, обречено на гибель. «Кроме экономических, хозяйственных проблем существуют совершенно отличающиеся от них духовные проблемы. Их нельзя пренебрежительно назвать надстройкой, потому что именно они составляют суть и ядро нашей жизни. И если в этой сфере не происходит глобальных изменений, никакие хозяйственные перемены не могут помочь. Без возрождения духа, возрождение социальное и хозяйственное невозможно».

Духовная составляющая жизни всегда берет свое начало в культуре данного общества. Н.А. Бердяев подчеркивал: «Натура и культура — два стержня, на коих красуются все достоинства», он указывал, таким образом, на связь качеств, проистекающих из антропогенного, искусственного аспекта культуры, с данными человеку от природы свойствами.

Культура инерционна и консервативна, она придает смысл поступкам каждого члена социальной группы. Культура уравнивает, балансирует инновационную составляющую цивилизации, гармонизируя факторы стабильности и изменчивости в процессах адаптации-развития. Многие нововведения не приживаются только потому, что противоречат культурным нормам и ценностям освоенными людьми.

С точки зрения современной психологической науки культура формирует важную часть процесса адаптации и развития человека, его социального взаимодействия и творческого процесса, который является отличительной характеристикой человеческого рода, ибо *культура включает в себя коллективно (социально) произведенную человеком часть окружающей его среды*.

В минувшем столетии атлантической цивилизации, стержнем которой являлась протестантская культура, противостояла цивилизация российская, основанная на принципах православия. Почти столетие она выглядела как цивилизация социализма [4].

В XX столетии православно-социалистическая цивилизация отличалась от атлантической высокой духовностью. По существу, это была цивилизация скрытой, неосознаваемой религиозности (с редуциацией христианского учения до уровня марксизма и большевизма), соборности (редуцированной до уровня коллективизма), ориентации не на индивидуальные, а на социальные и дальние цели, преобладания в социальной организации требования справедливости (редуцированного до принципа уравнительного распределения благ).

XX столетие вошло в историю как период напряженной борьбы двух противоположных подходов в социально-экономической органи-

зации жизни общества — капитализма и социализма. Время выявило их основные недостатки. Каждая из моделей страдала несбалансированностью и односторонностью. Если первая модель, вследствие избыточного внимания к интересам индивида теряет общественный и долгосрочный интерес, формирует атмосферу эгоизма, безнравственности и вседозволенности, то вторая также закономерно, вследствие фактического игнорирования индивидуальности, преувеличения роли общественного и долгосрочного мотивов социального поведения, формирует общество аскезы и ханжества и в тотальной борьбе с эгоизмом подавляет инициативу и ответственность индивида, лишает общество стимулов к развитию.

На пороге XXI столетия обе цивилизации показали свою принципиальную негармоничность, несоответствие двух ведущих культур мира новому времени. При этом атлантическая цивилизация показала большую бездуховность, а по существу и безбожность, чем советская, так как сделала своим кумиром материальное, сиюминутное, свободное от мира, постмодернистское, больное...

К. Гэлбрейт, Р. Арон, П. Сорокин, А. Сахаров и др. считали указанные противоречия устранимыми на путях конвергенции противоположных подходов, синтеза в единое целое лучших сторон каждой из моделей. Подобный ход событий соответствует описанным нами принципам фрактальности, системности и оптимума в развитии социальных систем [5, 255 — 278].

Особенностью современного этапа развития гуманитарных и естественных наук, исследующих способность действующих институтов культуры отвечать на глобальные вызовы времени, является скачок, произошедший в познании законов гармонии отношений личности и социума. Эта перемена произошла под влиянием нового взгляда, базирующегося на принципах системности анализа и междисциплинарной интеграции подходов в реализации частных программ, направленных на преодоление культурного кризиса.

С 1980 г. нами разрабатывается *теория системного оптимума адаптации и развития человека* (ТСОАР, ТОР), базирующаяся на принципах системного анализа и междисциплинарной интеграции антропологических подходов. Ее основные положения опубликованы, защищены рядом диссертационных работ, патентами, прошли многолетнюю проверку в социальной, педагогической и медицинской практике (см.: [6 — 8]).

Базовые принципы ТОР могут быть представлены следующим образом:

- процессы адаптации и развития человека возможны только во взаимодействии с постоянно изменяющейся средой;

- основным источником напряжений, ощущаемых как проблемы, конфликты и опасность для существования человека и социума, является взаимодействие сущностей не достигшее уровня гармонии;
- для человека и социума основным законом взаимодействия является стремление к достижению гармонии, соответствия характеристикам среды в процессах адаптации и развития;
- познание является ведущим способом адаптации и развития для человека;
- познание законов адаптации и развития человека, социума требует учета единства наблюдаемого человеком мира;
- единство мира в научном познании проявляется фрактальностью, единством принципов организации, подобием всех уровней организации наблюдаемого мира — физического, химического, биологического, психического, социального, метафизического;
- ведущим фрактальным свойством систем любого уровня является полярная симметрия, бинарность;
- бинарность структуры для устойчивых и развивающихся (гармоничных) систем проявляется вначале борьбой, а затем единством противоположностей, основанном на принципе баланса и «золотого сечения»;
- ведущим динамическим фрактальным свойством адаптации и развития сущностей является спирально-волновой характер движения к гармоничному состоянию;
- единый процесс адаптации-развития отражает суть бытия.

Предложенный теоретический подход подчеркивает предельно высокое значение цивилизационной идентичности общества как консервативно-охранительного свойства культуры. Общество, развивающееся без учета собственной культурной традиции, напоминает локомотив, движущийся без тормозов. *Развитие, игнорирующее культурную традицию, чаще всего приходит не к «созиданию светлого будущего», а к социальному взрыву, пустому разрушению ранее созданного.*

С учетом этого важно отметить принципиальные особенности православной культуры в сравнении с культурами, основанными на иных религиозных учениях. Русский религиозный аскетизм есть не отвержение мира, а четкое видение небесной правды и красоты. Мистическая основа православия — учение о Софии, видение будущего, совершенного, преображенного мира, интуиция целостности как человеческого и божественного (догмат о двойной природе Христа), так и природного и божественного, одухотворенная плоть и воплощенный дух, «Богоматерия». Поэтому важнейшие храмы в православии посвящались Софии.

Софиологические смыслы, онтологизм и космизм традиционны для русской ментальности в философии, науке и художественном творчестве [9, 270]. Д.С. Мережковский писал: «Для православия Христос, по Божественности своей — Логос, по человечеству своему — София». Святой Софии Константинопольской он посвящал следующие слова: «Когдаходишьвнутрихрамаивидишьеговесьсразу... — душахочеткрыльев. Ничегокромесветлого, безмерноогромного, небуподробногосвода... Онпокрывает, соединяет, согласует, просветляетвсе» [10, 81]. Связывая истины православия с эллинскими истоками, о киевской Святой Софии Г.П. Федотов говорил: «Здесь земля легко и радостно возносится к небу в движении четырех столпов, и свод небесный спускается ей навстречу, любовно объёмля крылами парусов своих. Здесь все полно завершённым покоем достигнутой мерой, *свободой в законе*, бесконечностью замкнутой в круг» [11, 63 — 64]. С.Н. Булгаковым Вечная София в соответствии с православной традицией понималась как сочетание христианской идеи обожения мира, видения божественной правды, мира в Боге и эллинской мечты о гармонии, запечатленной в высшей красоте, соответствии частей целому. Он утверждал, что *одна из общих особенностей русской, в том числе религиозной, философии заключается в том, что ей свойственна «мучительная потребность» найти смысл жизни, понять цель и оправдать существование человека* [12].

Мировоззрение современного образованного человека значительно более противоречиво. Одновременно имеют место как непрерывность и даже возрастание духовных исканий, так и падение религиозных чувств в массах.

Н.А. Бердяев в своих размышлениях блестяще зафиксировал объективный общечеловеческий закон поиска религиозной основы духовности — «Религии различны, но религиозность всеобща!». Но столь же объективно возрастание возможностей человечества в рациональном объяснении и предсказании мира в ходе научно-технического прогресса. На протяжении всей истории человечество двигалось в сторону материалистического осознания мира, пытаясь дать научное объяснение всему, в том числе и человеку, человечеству, миру, т. е. Космосу, созданному Логосом из Хаоса. Менее всего доступен рациональному объяснению именно Логос.

Опыт, накопленный человечеством, отражен в истории религий, которая показывает закономерную трансформацию метафизических представлений человечества по мере возрастания его могущества в преобразовании материального мира. Отвечая на вопросы о смысле жизни, о роли человека, о силах, управляющих миром, человечество, начиная с наивных духовных традиций малых племен, тотемизма,

политеизма, приходит к монотеизму, а затем к идее богочеловечества. В христианстве впервые в истории единство человечества с Богом достигается рождением Сына Божьего от земной женщины. На пороге XX столетия представители русской православной философии (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, В.В. Розанов, А.С. Хомяков и др.) совершают новую метафизическую революцию, предлагая осуществить дальнейшее сближения Бога и Человека, предлагая идею Богочеловечества.

Учение С.Н. Булгакова основывается на идее единства Бога и человечества, которое существует в виде Богочеловеческого единства. Мир есть «тварная София», которая отличается от Божественной Софии иного рода бытием, бытием в становлении. Среди основных идей учения — представление о том, что история осуществляется на путях человеческого творчества; внутренняя сила этого творчества содержится в «тварной Софии», заложенной в человеческом существе. Человек при создании потенциально уже богочеловек, но раскрывается его богочеловечество тогда, когда человеческое творчество соединяется с благодатью, «София Тварная» соединяется с «Софией Божественной». София же есть душа мира и его первообраз, собрание идей или «божественных замыслов», отвечающих каждой из вещей и явлений мира, она «просвечивает» в мире «как разум, как красота, как хозяйство и культура».

Однако состоялась не предложенная философами метафизическая революция, а задуманная экономистами революция социальная. Свою роль вновь сыграла «порча идей в миру»; на этом этапе православная российская цивилизация пошла не по пути Богочеловечества, а по более простому пути — Человекобожия, большевизма.

Наступает момент, когда теоретические разработки XIX и XX вв. уже не могут дать ответов на вопросы, касающиеся свойств мира XXI столетия. Новые ответы на давно сформулированные исследователями вопросы и на ряд новых позволяет дать ТОР.

Выше упоминался один из базовых принципов новой теории — принцип фрактальности, единства, подобия организации всех уровней наблюдаемого мира — физического, химического, биологического, психического, социального, метафизического.

Такая единая организация наблюдается как в микромире, так и в макромире, в космосе, включающем макрокосмос и микрокосмос (человека). Во всех этих системах, на всех этих уровнях целое не сводится к сумме частей и определяет их природу и поведение частей (принцип гештальта). Целое в своем бытии всегда опирается на ряд незыблемых констант.

Так в микрофизике целое, атом, определяет природу и образ поведения частиц атома. Константа h , константа целого, связывает орбитальный радиус, орбитальную скорость и время обращения электрона.

В современной физике и метафизике признается определяющее значение четырех констант (проявлений закона, не изменяющихся в величинах и правилах) — константы скорости света, гравитационной постоянной, константы кванта действия Планка и электрического элементарного кванта. Значение этих констант состоит в том, что они стоят друг к другу в отношении, решающем для мировых явлений, они связывают измерения в четырехмерном континууме.

Мы уже упоминали, что в трудах русских православных философов (Г.П. Федотов) фиксируется мысль о движении четырех столпов киевской Святой Софии, которые знаменуют радостное вознесение земли к небу и движении ей навстречу небесного свода, которое завершается покоем, достигнутой мерой, свободой в законе, бесконечностью, замкнутой в круг, гармонией.

ТОР предлагает новую фрактальную, трехуровневую спиральную модель мотивационной сферы человека, воспроизводящую основу его адаптационных свойств, которая включает четыре константы, базовые биологические, социальные и метафизические потребности (свойства адаптации) — дифференциации, идентификации, экспансии, познания [11; 13].

Теория подчеркивает природную предопределенность указанных свойств адаптации человека. Их действие определяется силой исходной неполноценности индивида, которая может быть преодолена лишь в поиске, на основе воли, достигнув *гармоничного соединения* с необходимым ресурсом, находящимся вовне, в мире, в окружающей среде. Итогом такого состоявшегося гармоничного соединения, происходящего как систематическое явление, а не как случай, эпизод, является переживание физического, нравственного или духовного счастья, «открытие», осознание закономерности, т. е. познание.

Предложенная модель свойств появления и сохранения сущностей, взаимодействующих с окружающей средой, отражает содержание адаптационных отношений не только для человека, но и для любых открытых, в том числе и небологических систем, т. е. имеет всеобщий, универсальный характер.

Три уровня адаптации, взаимодействия индивида со средой отражают три уровня его сущности. *Сиюминутную* сущность, т. е. индивидуальную, основанную на «естественном» биологическом эгоизме. Сущность *перспективную*, групповую, основанную на групповом эгоизме. Этот уровень организации отражает интересы принадлежности индивида к группам — семейной и родовой, производственной, соци-

альной, национальной, религиозной и др. общностей. *Вечную* сущность, основанную на интуитивном отказе от эгоизма индивидуального и группового как недостаточно гармоничных, разрушающих способах взаимодействия с гармоничным миром. Отражает неограниченные осознаваемым временем интересы человека и человечества как субъектов деятельности «тварной Софии», как инструмента Божественного проекта, промысла. *Это метафизическая сущность, человек как часть Богочеловечества.* Метафизическая сущность индивида проявляется в последовательной реализации потребности выделиться из животного мира, задавшись вопросом о смысле жизни человека и человечества; далее — в идентификации и интеграции своего мировоззрения с одной из философских или религиозных систем, затем в духовной экспансии, усовершенствовании этих систем в соответствии с требованиями своего времени и ситуации (или создании новой метафизической системы) и в завершение — в познании смысла собственного существования и существования человечества, достижении просветленности, гармонии с миром и Богом, принятие Промысла (Большого Проекта) как смысла своего существования, достижения высшей духовности.

Для первого уровня свойств (потребностей) — это знаки гедонистического удовлетворения (признак того, что биологическая природа лояльна к человеку, нашедшему гармонию с нею, и не имеет оснований наказывать человека за нарушение ее законов). Для второго — это отсутствие нравственного страдания, нравственное благополучие (достигнутая гармония с социальной средой, согласие с ее законами). Для третьего уровня — отсутствие духовного страдания (удовлетворена «духовная жажда», вечность, Бог не наказывают идущего по «истинному пути» человека непредвиденными страданиями физическими и социальными).

Таким образом, истина для современного человека — это то, что С.Н. Булгаков называл «Софией Тварной», стремящейся к соединению с «Софией Божественной», с Идеалом. Деятельный идеализм, практическое стремление к реализации идеала совершенно необходимы для того, чтобы непрекаемо утвердить нравственные и общественные идеалы. Поэтому идеализм не мирит с действительностью, а зовет к борьбе с ней, во имя абсолютного идеала.

С позиции ТОР у человека религиозность неизбежно произрастает из подсознательного ощущения того, что его реальная сложность не нужна для короткого века индивидуального существования, что в его жизни кроме обычных задач живого существа (потребностей первой группы) существуют и сверхзадачи — задача рода, народа, человечества (потребности второй группы), а также мега- и метазадачи — уча-

ствие в продолжающемся Творении Мира, деятельность на уровне Богочеловечества (потребности третьей группы).

Возникновение коллективного и исторического (социального, культурного) мышления у человека привело к формированию уникального в живом мире свойства — *виртуальной психики, второй сигнальной системы, относительно свободной от сиюминутной, непосредственно ощущаемой реальности*. Вслед за четырьмя первичными, животными свойствами психики — восприятием, памятью, оценкой адаптации (эмоциями), волей (энергетическим обеспечением движения к ресурсу, удовлетворяющему потребность), возникли четыре вторичные, социальные свойства психики — социальное восприятие на основе конвенциональных знаков реальности, социальная память норм (культура и нравственность), социальная оценка адаптации (мышление), социальная воля (стремление к интегральному удовлетворению потребностей индивида и социума на длительных и бесконечных отрезках времени).

ТОР обозначает основные уровни и свойства движения сущности, в том числе личности и социума, к предназначенной цели; прежде всего, она дает вехи и знаки, указывающие путь в будущее, к смыслам, которые не могут быть постигнуты немедленно.

Определяя вехи движения человека и социума в будущее как промежуточные цели, как знаки, указывающие путь, как *несвободу от мира*, как ограничение, как рамки допустимого, соотношения планов человека с *законами и смыслами* Космоса, ТСОАР определяет важность знаков *космической гармонии* как камертонов, признаков соответствия, близости реального движения в будущее к смыслам истинного пути, резонанса поведения и истинной цели.

Прогнозируя соотношение влияния ведущих мировых культур на глобальное человечество в XXI столетии, необходимо учитывать не только материальное (экономическое) могущество стран, носителей этой культуры, но и особенности их социальной традиции. Отсутствие традиций глобальной экспансии, свойственной китайской и индийской культурам, современный невысокий уровень материального могущества исламской культуры, а также изложенные выше аргументы позволяют предположить, что идея трансформации Москвы в «Третий Рим» в новом тысячелетии имеет под собой не только мистические, но и рациональные основания. Направление перестроения нашего общества мы предлагаем определить принципом: *в России бытие есть принятие ответственности и призвание к гармонии*.

Действие законов бинарности и усложнения сущностей в развитии позволяет прогнозировать, что и в дальнейшем глобальное социально-экономическое устройство не сможет быть однообразным, но потребу-

ет разработки его неконфронтационной, дуальной, системной и гармоничной модели. Сегодня начинается интенсивный процесс поиска и формулирования социальной идеи XXI в. По нашему мнению, *в новом столетии таким двигателем развития будет идея гармонии.*

Модель гармоничного развития индивида и социума графически показана на рис. 1.

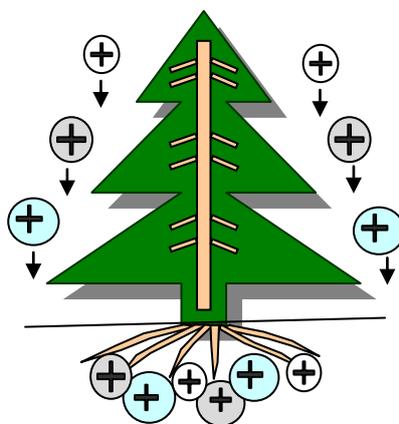

Рис. 1. Уровни адаптации и развития индивида и социальных общностей, или «Древо жизни»

Данный рисунок иллюстрирует механизм получения необходимых человеку ресурсов (удовлетворения потребностей) из внешней среды. На каждом из трех уровней, ярусов «Древа жизни» (материальном, социальном, духовном) действуют четыре константы взаимодействия части и целого. Удовлетворение потребностей означает ценность индивида для биологической, социальной или метафизической среды, свидетельствует о «любви» к нему. «Любовь» (знак «+») через ствол «Древа жизни» (соответствующий в ТОР самооценке человека или социума) накапливается в корнях, делает человека или социум сильным, растущим, имеющим перспективу существования. Отсутствие «любви» (знак «—») приводит к дисгармонии адаптации и развития, с угрозой гибели индивида или социума. Лишь познание и принятие законов бытия, Логоса ограничивают разрушающий Хаос, иллюзорную свободу человека и общества. Любовь — награда за принятие в сердце Закона, Логоса.

Проблема постижения любви в ТОР рассматривается как задача оптимального преодоления естественной исходной неполноценности

человека в комплементарном и гармоничном *со-единении*, *со-борности* с другим человеком, с человечеством, с целым, с миром.

На индивидуальном уровне практика показала эффективность технологий, разработанных на основе теории. В ТОР страдание признается как эпизодическая необходимость процесса познания, что приближает концепцию к идеям эвдемонизма, возможности достижения блага для наибольшего числа людей (Сократ, Эпикур, Спиноза, Лейбниц, Спенсер, А.Н. Косыгин и др.). Доступ к неосознаваемому (под- и над-сознанию), с точки зрения ТОР, является для человека XXI столетия естественным достижением и следствием развития современной антропологии.

Ветхозаветная эпоха, эпоха страха и примитивного эгоизма, насилия над слабыми, лжи и самообмана, эпоха коротких целей и смыслов исчерпывает себя, заканчивается. Сегодня становится возможным переход к *эпохе дальних и высоких смыслов, эпохе нравственности, духовности, любви*.

ТОР наряду с теоретическим анализом предлагает ряд социальных технологий, отвечающих на вызовы времени. Они позволяют предложить России и современному миру мобилизацию духовных и нравственных ресурсов для перехода к новой, гармоничной цивилизации. Максимы этой мобилизации могут быть сформулированы следующим образом.

Эволюция современного человечества детерминирована назревшим переходом от эгоистической, краткосрочной мотивации поведения, ориентированной на материальные потребности, к системной мотивации, включающей среднесрочные потребности (социально-хозяйственные, нравственные) и долгосрочные (духовные, метафизические).

2. В наибольшей степени оптимальному тренду развития человечества соответствует российская православно-социалистическая культурная традиция, способная в настоящее время сформировать общество «конвергенции», социально-экономической гармонии.

3. Оппозиция иных мировых культур трансформации России в «Третий Рим» малоперспективна.

4. Идеологические, социально-экономические, пропагандистские, управленческие и иные механизмы оптимальной социально-экономической трансформации России достаточно проработаны для первого этапа реформ.

5. Принципиальным условием успеха реформ является формирование патриотически ориентированной элиты страны, включающей духовенство, ученых, государственных деятелей, военных, предпри-

нимателей, и активная пропаганда традиций российской культуры — соборности, духовности, мессианского призвания.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неперемнная актуальность // Перестроение России: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2010.
2. *Океанский В.П., Океанская Ж.Л.* Россия в условиях мирового кризиса (концепция, горизонты и методология исследований) // Антикризисный потенциал традиции и проблемы имяславия: Сборник материалов научно-практической конференции / Под ред. В.П. Океанского. Иваново; Шуя, 2009.
3. *Шелкопьяс Е.В.* Перспектива лидерства России. Модель в рамках теории оптимума развития // Перестроение России: В 2 т. Т.1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2010.
4. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
5. *Шелкопьяс Е.В.* О формировании элиты «Третьего Рима» в новой политической реальности: взгляд с позиций теории системного оптимума развития // Национальная элита — судьба России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2009.
6. *Шелкопьяс Е.В.* Вехи и знаки движения России от догматических смыслов к смыслу гармонии // Антикризисный потенциал традиции и проблемы имяславия: Сборник материалов научно-практической конференции / Под ред. В.П. Океанского. Иваново; Шуя, 2009.
7. *Шелкопьяс Е.В.* Введение в психологию оптимума (цикл популярных лекций, лекция первая). Иваново, 2003.
8. *Шелкопьяс Е.В.* ПУП в рамках морали и закона. Программа самой благозвучной партии России — Партии умеренного прогресса. Иваново, 1998.
9. *Ильин И.А.* Гении России // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997.
10. *Мережковский Д.С.* Святая София // Большая Россия. Л., 1991.
11. *Федотов Г.П.* Три столицы // Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991.
12. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
13. *Трубецкой С.Н.* О Святой Софии, Премудрости Божией // Вопросы философии. 1995. № 9.

ИННОВАЦИИ

С.А. ДЯТЛОВ

Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации мировой экономики*

Аннотация. В статье исследуется обусловленный процессами глобализации качественно новый вид конкуренции — гиперконкуренция, или инновационная гиперконкуренция, т. е. управляемое гиперконкурентное развитие глобальных рынков. Утверждается, что в современных условиях происходит изменение методологических подходов к анализу конкурентоспособности.

Вводится новое понятие — глобальные инновационные гиперконкурентные компании, или корпорации, целью которых является продвижение и реализация гиперконкуренции, которая базируется на технологиях глобального инновационного лидерства.

Ключевые слова: гиперконкуренция, процесс глобализации, гиперконкурентные компании, доминантные инновации, инновационно-технологическое лидерство.

Abstract. In the article a by globalisation processes and qualitatively new type of competition — a hypercompetition, or an innovative hypercompetition, i.e. manageable hypercompetitive development of global markets, is being investigated. the author asserts that there in modern conditions changing of methodological approaches to the competitiveness analysis takes place.

A new concept — the global innovative hypercompetitive companies, or corporations which goal is promotion and realisation of hypercompetition that is based on technologies of global innovative leadership — is being introduced.

Keywords: hypercompetition, the process of globalization, hypercompetitive companies, dominant innovations, innovative-technological leadership.

Главным фактором победы в современной обостряющейся конкурентной борьбе являются опережающие доминантные инновации. Человек-инноватор является главным творческим субъектом создания

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 10-02-00375а «Трансформация национальной инновационной системы в условиях гиперконкурентного развития рынков».

опережающих доминантных инноваций, обеспечивающих успех в современной конкурентной борьбе. В условиях всемерного развития *информационно-коммуникационных технологий* (ИКТ), их тотального проникновения во все сферы жизни человеческого общества, масштабного развертывания глобализационных процессов и вовлечения в них большинства стран мира происходит трансформация мировой и национальных хозяйственных систем. Качественно меняются основные концепции, модели, методы, механизмы и формы регулирования экономики и конкурентной борьбы на глобальном, национальном и межрегиональном уровнях. Следует выделить важнейшие глобальные общеэкономические, институциональные, коммуникационные и организационно-управленческие факторы, влияющие на трансформацию национальных и мировой систем хозяйствования на современном этапе — этапе глобальной информационно-сетевой экономики.

Во-первых, глобализация системы мирохозяйственных связей, мировых сырьевых, товарных и финансово-валютных и фондовых рынков, рынка высококвалифицированной рабочей силы и др. Во-вторых, информационно-коммуникационная глобализация, осуществляемая на базе передовых ИКТ и обеспечивающая свободный доступ к мировым информационным, научным и образовательным ресурсам. В-третьих, виртуализация обмена информацией и деятельности отдельных граждан, общественных организаций, компаний, правительственных органов большинства государств мира. В-четвертых, стирание внешних территориальных границ отдельных государств и регионов, которые становятся виртуально проницаемыми, а также проницаемыми становятся и национальные финансовые и налоговые системы. В-пятых, формирование различных виртуально-сетевых правительственных (например, электронное правительство) и неправительственных институтов, социальных сетей, самоорганизующихся сетевых гражданских и бизнес-сообществ. В-шестых, резкое возрастание роли информации как главного фактора производства и роли интеллектуальной собственности. В-седьмых, резкое расширение возможностей получения доходов, связанных с инновационным предпринимательством, электронной деятельностью и бизнесом в сети Интернет. В-восьмых, развитие электронных, дистанционных форм занятости (электронное рабочее место, электронный офис, электронное предприятие, оффшорное программирование). В-девятых, возникновение электронных форм регулирования экономической и общественной деятельности, а также электронных форм управления и взаимодействия государства с населением. В-десятых, резкое усиление конкурентной борьбы между отдельными странами и корпорациями, победа в которой требует посто-

янных опережающих инноваций с целью поддержки постоянного технологического и информационного лидерства на глобальных рынках.

Все эти особенности характеризуют процесс управляемого программируемого перехода всех стран мира к глобальной информационно-сетевой экономике, к *шестому, инфо-космо-нано-биотехнологическому укладу*, что обусловлено разработкой и внедрением к 2020 — 2030 гг. новых прорывных интегрально-сетевых технологий (в том числе на основе новых комбинаций космо-нано-, био- и инфотехнологий), тотально охватывающих все сферы и все уровни социально-политической и финансово-экономической жизни человеческого общества, а также формированием качественно нового глобального экономического порядка.

В XXI в., на наш взгляд, следует говорить о возникновении качественно нового вида конкуренции — гиперконкуренции, или *инновационной гиперконкуренции*, т. е. управляемом гиперконкурентном развитии глобальных рынков в условиях использования опережающих *доминантных инноваций*, обуславливающих интеграцию в глобальные структуры и включающих новые передовые методы программируемого, управляемого воздействия на цели, мотивы, интересы, потребности и экономическое поведение людей (партнеров, потенциальных конкурентов, потребителей и др.) с целью получения запрограммированных выгод и эффектов.

В условиях всеохватывающей глобализации национальные государства, с одной стороны, во все большей степени, все более разнообразно и жестко конкурируют между собой за новые научные знания, за право контроля и регулирования ресурсов, информационных и финансовых потоков, за долю на мировых рынках, за собственность на интеллектуальный и информационный капиталы, за право контролировать и управлять экономическими процессами, что во многом определяет их статусное лидерство и высокую конкурентоспособность на мировых рынках. С другой стороны, формируются новые *глобальные (наднациональные) институты и центры управления*, координации и контроля национальных, межрегионально-блоковых и мировой экономики в целом. Качественно меняются, становятся более гибкими, активными и тотальными основные концепции, модели, методы, механизмы и формы регулирования экономики и конкурентной борьбы на глобальном, национальном, межрегиональном, отраслевом и локальном уровнях.

В условиях трансформации и перехода к глобальной инновационно-информационно-сетевой экономике национальные правительства при проведении своей макроэкономической, внешнеторговой и социальной политики должны учитывать приоритеты и требования разви-

тия глобальных рынков, правила, требования и ограничения глобальной инновационной гиперконкуренции, рекомендации глобальных институтов регулирования и управления.

В современных условиях происходит *изменение методологических подходов к анализу конкурентоспособности*. Во-первых, если раньше международная и национальная конкурентоспособность исчислялась на базе в основном материальных и финансовых ресурсов, то сегодня она расширилась за счет учета информационных ресурсов, ИКТ и интеллектуального капитала. Во-вторых, конкурентоспособность следует рассматривать многоуровнево: конкурентоспособность отдельной компании или группы компаний, экономика отдельной страны (национальная конкурентоспособность), конкурентоспособность группы (объединений, блоков) стран, международная конкурентоспособность и глобальная инновационная гиперконкурентоспособность. В-третьих, при определении конкурентоспособности учитываются не только статика, но и экономическая динамика, структурные изменения в экономике, состояние интеллектуального капитала, развитость институтов, инновационность, статусность, брендовость, инновационность экономики и др.

В условиях глобальной информационно-сетевой экономики, развертывания системного финансово-экономического кризиса и резкого обострения конкурентной борьбы на мировых рынках возникает целый класс новых явлений и процессов, которые требуют нового научного осмысления и систематизации, концептуального теоретико-методологического исследования и обоснования их сущности, характеристики экономического содержания и форм проявления, а также разработки нового категориального аппарата и введения в научный оборот системы новых взаимосвязанных понятий. Основы такого подхода были предложены нами в ряде предыдущих работ [1 — 4].

Следует выделить *ряд особенностей, характеризующих изменение методологических подходов к анализу конкурентоспособности*. Экономика — это всегда управляемая система, в которой всегда есть соответствующие субъекты управления. Современная экономическая система имеет чрезвычайно сложную структурно-функциональную организацию, в которой отдельные подсистемы и элементы приобретают все более и более черты сложного интегрального целого, требующие создания системы глобально-интегрального управления, регулирования и контроля. Сегодня в условиях всеохватывающей глобализации, всемерного развития ИКТ и обострения конкурентной борьбы на мировых рынках главной характеристикой передовой экономики становится *глобальная конкурентоспособность*. Системными элементами глобальной конкурентоспособности являются *новые знания (компе-*

тенции), управляемость, динамизм, мобильность, инновационность, эффективность и гиперконкурентность, которые определяют глобализационные преимущества мировых стран-лидеров и технологически передовых транснациональных компаний [5, 37 — 40].

Понятие «гиперконкуренция» подробно исследовал Р. Авени. По его мнению, гиперконкуренция характеризуется «постоянно нарастающим соперничеством в форме быстро появляющихся товарных инноваций, сокращением времени НИОКР, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к обслуживанию покупательских потребностей». Р. Авени использует термин «гиперконкуренция» для описания отраслевой окружающей среды, характеризующейся интенсивными и быстрыми действиями конкурентов, когда соперники должны действовать молниеносно, чтобы получить рыночное превосходство и разрушить преимущества своих конкурентов [6, 57].

Важнейшим свойством глобальной инновационной стратегии и средством ее реализации является гиперконкуренция, которая по своим характеристикам в рамках терминологии Й. Шумпетера близка к понятию «креативной деструкции (*creative destruction*), или созидательному разрушению рынка», на национальном и глобальном уровнях.

Й. Шумпетер теорию «созидательного разрушения» изложил в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» [7, 81]. Согласно этой теории, экономическое развитие «вращается» около инноваций, «новые комбинации факторов» позволяют снижать производственные расходы. Прибыль получает тот, кто раньше других использует нововведения. Когда же нововведения достаточно распространены, то производственные затраты выравниваются и прибыль исчезает. Старые продукты и прежние формы организации вытесняются. Возникает процесс «созидательного разрушения». Процветание сменяется депрессией. Реализуются новые комбинации факторов (избыточные сбережения направляются в технологический прогресс), фирмы приспособляются к новым условиям. Основной импульс приходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров на новые рынки и новых форм экономической организации предприятия.

Инновации воздействуют на различные по продолжительности циклы. При этом сами нововведения являются своего рода основой экономического развития и носят циклический характер. Н.Д. Кондратьев в теории циклов экономической конъюнктуры (длинных волн) выявил связь экономической динамики с воздействием инновационно-технологических факторов. Наилучший вариант развития,

когда по прошествии определенного времени инновации стимулируют инвестиции. Инвестиции в инновации стимулируют спрос на новую технологию. Это позволяет промышленности выдвигать новые требования к технологиям, стремиться к расширению существующих рынков сбыта, что способствует росту ее конкурентоспособности. При усилении конкуренции инвестиции возрастают, а при увеличении неустойчивости темпов технологических изменений и динамики спроса уменьшаются. Технологические инновации вызывают новый экономический цикл. Ускорение инновационного цикла стимулирует конкуренцию и экономический рост.

Радикальные и эволюционные инновации оказывают различное воздействие на экономическое развитие. Первые сдвигают границу технических знаний (технологические инновации) или расширяют гамму продуктов или услуг (продуктовые инновации). Вторые касаются внедрения на предприятии нового оборудования и компонентов, созданных вне предприятия, или улучшения продуктов, существующих на рынке. Радикальные инновации позволяют существенно повысить общую производительность факторов производства на уровне предприятия. Радикальные инновации характерны для предприятий, фирм, корпораций, которые осуществляют самостоятельные исследования, практикуют технологический мониторинг конкурентов, используют знания, защищенные патентами, и имеют партнерские отношения с исследовательскими лабораториями и университетами, в том числе зарубежными. Эволюционные инновации играют двойную роль: они повышают производительность предприятий, которые их осуществляют и вместе с тем, распространяясь в сфере производства, способствуют внедрению других модернизационных, дополнительных инноваций [8, 143].

Как отмечается в работах американских исследователей Б. Оллреда и К. Стеенсма, воздействие инноваций на конкурентоспособность и экономический рост является всеобщей закономерностью. Важную роль в этом процессе играют желание и готовность фирм к осуществлению инноваций при условии риска и неопределенности результатов. На инновационное поведение фирм влияют факторы инновационности на уровне фирмы (масштабы фирмы, структура капитала, уровень диверсификации), на уровне отрасли (темпы технологических изменений, колебания спроса, интенсивность конкуренции), на уровне экономики страны. Возрастание динамичности и глобального характера конкуренции требует более глубокого понимания факторов инновационности и поведения фирм [9, 385].

Уровень неопределенности будущих результатов и высокие риски подавляют инновации. Конкуренция и ожидаемые выгоды их стиму-

лируют. В отличие от отраслей, имеющих черты монополии или олигополии, отрасли, испытывающие возрастание конкуренции и сокращение жизненного цикла продукции, требуют своевременных и эффективных инноваций. Эти факторы наиболее сильно проявляются в глобальных отраслях, действуя в которых фирмы решают задачи глобальной интеграции и организации международных операций в целях достижения эффективности и ведения конкурентной борьбы на глобальном уровне.

Значительный вклад в исследование факторов инновационности и экономического роста принадлежит известному американскому экономисту У.Дж. Баумолю. Он провел исследование, имевшее целью интегрировать предпринимательскую деятельность в модель функционирования рыночной экономики с помощью выделения особой роли конкуренции, создаваемой новыми предприятиями, входящими в отрасль. Им сделан вывод о том, что создание условий и стимулирование появления новых инновационных фирм с помощью снижения барьеров для вхождения в рынок, может служить действенным инструментом антимонопольной политики и развития конкуренции. Баумоль исследовал инновационный потенциал и темпы роста рыночной экономики, где поставил под сомнение постулат либеральной экономической теории, согласно которому ценовая конкуренция является основным двигателем экономического роста, и подчеркнул сильный эффект, возникающий в результате сочетания предпринимательских, прорывных и текущих систематических инноваций, прежде всего в крупных фирмах олигополистических отраслей [10].

По мнению Баумоля, в капиталистической экономике основным средством обеспечения конкурентоспособности ведущих фирм становится не цена, а продуктовая инновация, и именно эта характеристика развития превратила экономику свободного рынка в успешный механизм роста. В процессе воспроизводства инноваций важное значение имеют заимствование и копирование фирмами-имитаторами, которые вносят улучшения, связанные с адаптацией к местным условиям и потребностям рынка. Для того чтобы эффективно пользоваться этим источником, необходимо быть как эффективным новатором, так и эффективным имитатором [11, 5, 18].

Известный специалист в области менеджмента П. Друкер отмечал, что сегодня предпринимательство находит свое воплощение в новых формах, истоки которых лежат в быстрой эволюции современной технологии и современного управления, которое само превращается в новую технологию. По его мнению, новая технология — это не только новые материалы, электроника, биотехнология, но и новое предпри-

нимательское управление, оказывающее нередко большее влияние на прогресс, чем новые изобретения [12].

Гиперконкуренция характеризуется постоянно нарастающим соперничеством в форме быстро появляющихся технологических, управленческих и товарных инноваций, сокращением времени НИОКР, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к сервисному обслуживанию покупательских потребностей и предпочтений. *Гиперконкуренция* предполагает осуществление передовыми компаниями на основе научно-технологических и организационно-управленческих инноваций гибких, интенсивных и быстрых действий против конкурентов с целью получить рыночное превосходство и разрушить преимущества своих конкурентов.

Важнейшее место в современной глобальной экономике занимают крупнейшие транснациональные компании («Microsoft», «IBM», «Intel», «Sony» и др.). В условиях тотальной и всеобъемлющей глобализации возникает новый тип компаний, с новыми интегративными функциями, задачами и методами гиперконкурентной борьбы в глобальной экономике.

Гиперконкуренция обусловлена процессами глобализации и появлением на локальных, отраслевых, национальных и мировых рынках (как традиционных, так и виртуально-сетевых) качественно новых успешных конкурентов, которые получили название *гиперконкуренты* (*hypercompetitor*). По нашему мнению, гиперконкурентные компании (корпорации) предлагают инновационные товары, услуги, сервисы обслуживания и управления, характеризующиеся глобальной инновационностью. *Глобальная инновационность* характеризуется, прежде всего, предложением опережающих инновационных высококонкурентных товаров, услуг и сервисов с качественно новыми, во многом универсальными, полифункциональными функциями и потребительскими свойствами, на которые на мировых рынках предъявляется устойчивый спрос и которые получают статус глобальных новинок, брендов (дифференцированных по видам и маркам), формирующими и расширяющими новые ниши на глобальных рынках и формирующими и развивающими новые потребности и предпочтения потребителей большинства стран мира.

В этом смысле более точно суть анализируемых процессов, происходящих в современной глобальной экономике, отражает вводимое нами новое понятие «*глобальная инновационная гиперконкуренция*». Глобальная инновационная гиперконкуренция представляет собой динамичный всеохватывающий процесс инновационного (информационно-идеологического, научно-образовательного, сервисно-технологического, организационно-управленческого) соперничества

на глобальных рынках между ведущими высокотехнологичными компаниями-лидерами, представляющими, как правило, наиболее развитые страны мира.

В связи с этим мы вводим новое понятие «*глобальные инновационные гиперконкурентные компании, или корпорации*» (ГИГК). Здесь речь идет не просто о крупных традиционных промышленных корпорациях. Следует иметь в виду, что в современной глобальной информационно-инновационной экономике все большая доля бизнеса ГИГК осуществляется в глобальной сети Интернет. Например, одной из ведущих компаний мира с многомиллиардной капитализацией является глобальная поисково-сервисная система Google, которая относится к классу и типу ГИГК.

ГИГК отличает интегративно-комплексный, всеохватывающий подход к инновациям. Главными свойствами ГИГК являются глобальность, инновационность (инновационное опережение), гиперконкурентность. Их отличает крупный размер, доминирование на рынке, высокая капитализация, матрично-сетевая гибкая структурно-функциональная организация и эффективный интерактивный менеджмент. Следует подчеркнуть особо, что ГИГК принципиально отличаются от крупных традиционных компаний (например, сырьевых), чья деятельность базируется на традиционных ресурсах и традиционных (инновационно запаздывающих) методах маркетинга, менеджмента и конкурентной борьбы. Именно ведущие мировые ГИГК обеспечивают *высокий динамизм, инновационность, гиперконкурентность, ступенчатость и лидерство* на глобальных (все больше глобализирующих) мировых, национальных, региональных и локальных рынках.

На наш взгляд, следует различать понятия «*инновационное опережение (опережающие инновации)*» и «*инновационное запаздывание (запаздывающие инновации)*». Первое понятие выражает важнейшее свойство и функцию ведущих ГИГК-мировых лидеров, а второе понятие — традиционных компаний, находящихся в роли догоняющих, имитирующих и использующих посредством покупки лицензий у ГИГК и копирования их передовых инновационных разработок.

Лидерство ГИГК, наряду с опережающими инновациями, обеспечивается сетевой интеграцией бизнеса, технологической конвергенцией и сетевой организационно-управленческой координацией деятельности своих горизонтальных и вертикальных структур и партнеров. При этом ГИГК преодолевают ограничения, границы и барьеры национальных правительств, институтов и конкурентов. Проникая, таким образом, на национальные, региональные и локальные рынки, ГИГК одновременно глобализирует данные рынки и вовлекает в гло-

бализационные процессы соответствующие национальные, региональные и локальные институты регулирования.

Важнейшей функцией ГИГК является их способность созидательно разрушать (конкурентно трансформировать) национальные, региональные, моно- и олигополистические рынки. Глобальная инновационная гиперконкуренция созидательно разрушает и целенаправленно трансформирует ее как по параметрам инновационности, так и по параметрам цены, качества, сервисности и прибыльности. ГИГК за счет опережающих инноваций разрабатывают новые *глобальные брендовые товары, продвигают и реализуют их* на мировых (национальных, региональных, локальных) традиционных и виртуально-сетевых рынках, формируя, захватывая и расширяя на них соответствующие брендовые товарные, услуго-сервисные, финансовые и маркетингово-управленческие ниши.

ГИГК отличает *комплексный и всеохватывающий подход к инновациям*. ГИГК аккумулируют, отбирают, патентно фиксируют и закрепляют за собой различные новые идеи, концепции, технологии, товары, дизайны, сервисы, аутсорсинг, компетентности, методы управления. ГИГК осуществляют разработку, производство и продвижение пользующихся устойчивым повышенным спросом на мировых рынках новых знаний, технологий, сервисов, продуктов, новых лидерских опережающих методов конкурентной борьбы и менеджмента с целью обеспечения глобальной инновационной гиперконкурентности.

Следует ввести еще одно новое понятие — *«доминантная инновация»* — и связанное с ним понятие *«полифункциональная инновация»*. Из всей совокупности аккумулированных новшеств выбирается *доминантная инновация, которая отвечает признакам глобальной, опережающей, долговременной гиперконкурентной инновационности*. Именно такая опережающая доминантная инновация, на которую целенаправленно формируется устойчивый эффективный спрос, становится центром концентрации усилий, объектом интенсивных вложений, активно финансируется на стадии НИОКР, осваивается, производится, активно продвигается на глобальные рынки с целью обеспечения комплексных глобализационных гиперконкурентных преимуществ ГИГК.

В отличие от традиционных товаров доминантные, полифункциональные инновационные товары характеризуются целым рядом свойств. Они обладают в силу своей новизны инновационной брендовостью, опережающей уникальностью и относительной ограниченностью; полифункциональностью, универсальностью и интегрированностью (в одном товаре объединены несколько передовых технологий, например планшеты Apple iPad, предоставляющие потребителям не-

скольким интегративно взаимосвязанным интерактивным услуг); устойчивым повышенным спросом; способствуют конкуренции и оптимизации производства и управления; стимулируют экономическую активность производителей и потребителей; способствуют повышению эффективности использования ресурсов, способствуют росту качества интеллектуального капитала, наукоемкости продукции и капитализации предприятия, повышают эффективность производства и общую производительность. Полифункциональная сервисно-продуктовая инновация имеет общую, особую и специфическую потребительскую ценность, цену и прибыльность.

Именно глобальные гиперконкурентные инновационные корпорации предопределяют глобализационные преимущества мировых лидеров (США, ЕС, Японии) в современных условиях. Именно передовые ГИГК способны обеспечить привлечение крупных инвестиций в конкурентные инновационные проекты, успешную реализацию целевых финансовых стратегий. Реализация этих стратегий обеспечивается как привлечением средств на фондовых и кредитных рынках, так и посредством слияний и поглощений, осуществляемых крупнейшими компаниями мира, а также посредством поддержки не только национальными государствами, но и, прежде всего, глобальными наднациональными управленческими и финансовыми структурами, которые заинтересованы в обеспечении высокого динамизма мировой экономики посредством стимулирования глобальной гиперконкуренции на мировых рынках.

Главными функциями и задачами передовых ГИГК являются создание, продвижение и реализация *гиперконкуренции (hypercompetition)*, или *глобальной инновационной гиперконкуренции*, которая базируется на передовых информационных научно-образовательных, ресурсно-технологических, финансово-экономических и организационно-управленческих инновациях, в конечном итоге — на технологиях глобального инновационного лидерства. Это предполагает постепенный переход от традиционной характерной для индустриальной эпохи ценовой конкуренции к конкуренции информационно-сетевой эпохи, базирующейся на гиперконкуренции новых знаний и продуктов, сетевых эффектов, качества, брендов и компетентностей. Лидирующие позиции на мировых рынках сегодня обеспечиваются использованием ИКТ, интеграции, интеллектуального капитала, креативных способностей работников и менеджмента компаний. Следует выделить такие важные свойства гиперконкуренции, как инновационная *креативность специалистов — носителей информационно-интеллектуального капитала и лидерство менеджмента ГИГК*.

Акции ГИГК представлены в листинге главных фондовых центров мира (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Гонконг, Токио) и, как правило, высоко котируются и во многом определяют состояние ведущих фондовых индексов мира. Ведущие ГИГК за счет опережающих инноваций и выхода с инновационными товарами на рынки способны привлекать внимание международных инвесторов к своим акциям, а также за счет роста котировок акций, интеграции бизнеса, слияний и поглощений значительно увеличивать свою капитализацию.

Современный мировой рынок ставит на первое место в вопросах конкуренции инновационные технологии, товары и услуги, пользующиеся глобальным устойчивым повышенным спросом (например, сегодня — это биотехнологии, нанотехнологии, технологии объемного 3D-видеоформата). Именно такие пользующиеся устойчивым повышенным спросом на мировых рынках новые знания, новые лидерские (опережающие) методы конкурентной борьбы и менеджмента, инновационные технологии и товары являются важнейшими факторами *глобальной инновационной гиперконкуренции*.

Инновационная гиперконкуренция чрезвычайно изменчива, динамична и мобильна, так как никакое конкурентное преимущество, включая статусно-брендовое и инновационно-технологическое, не может существовать вечно, со временем оно нивелируется, теряет силу. Поэтому компании, реализующие *стратегию глобального инновационного лидерства*, должны активно и постоянно инвестировать в новые разработки, в квалифицированных специалистов, в менеджмент, осуществлять захват и удержание инновационных ниш на мировых рынках, участвовать в международных технологических трансферах инноваций, чтобы оставаться *глобальным статусно-технологическим лидером*. Это под силу только наиболее крупным передовым корпорациям — глобальным лидерам, т. е. ГИГК.

Современный опыт функционирования ГИГК показывает: чтобы захватывать и сохранять рыночное лидерство компании необходимо не только использовать конкурентные преимущества, интеграцию бизнеса, технологическую имитацию, рекомбинирование компетентностей, но и превращать слабые стороны в сильные, что обычно осуществляется на основе инновационного обновления, технологического и статусного доминирования, а также активного использования гибких интерактивных методов конкурентной борьбы, базирующихся на принципах опережения и программирования (управленческого манипулирования) экономического поведения потенциальных конкурентов. Корпорация-гиперконкурент должна быстро усваивать новые знания, технологии, передовые методы конкурентной борьбы, компетентности и менеджмента, нести значительные расходы на агрессивно-

опережающую конкуренцию *по критерию «инновационность — затраты — цена — качество»*, преодолевать национальные границы и протекционные барьеры при быстром выходе на мировые рынки и захвате их значительной доли, гибко вовлекать в сферу своих интересов потенциально полезных партнеров.

Важнейшим условием инновационной гиперконкуренции является достижение оптимального соотношения по критерию *«инновационность — затраты — цена — качество»* и *«гиперконкурентный интегральный эффект»*. При этом последний имеет как линейную, так и нелинейную (распределенно-сетевую) составляющие, а также носит долговременный характер. Важную роль играет такое новое (вводимое нами) понятие, как *«интегральная (распределенная в пространстве и во времени) конкурентная ценность»*. Точка интегральной конкурентной ценности должна соответствовать тому предельному значению критерия *«инновационность — затраты — цена — качество»*, которое потенциально достижимо при наилучшем в данный момент и нацеленном на опережающую конкурентоспособность в будущем уровне инновационности, снижающихся затратах и растущих со временем многовидовых распределенных выгод, в условиях благоприятного (активно стимулирующего) состояния инвестиционного климата, институциональной среды и рыночной инфраструктуры.

Для передовых ГИГК наиболее подходящей стратегией в данном случае является *стратегия агрессивного инновационно-технологического лидерства, или стратегия глобальной инновационной гиперконкурентности*, важнейшими элементами которой являются методы активной гиперконкурентной борьбы и инновационно-управленческого опережения. В этом смысле мы вводим новое понятие — *«опережающая инновационная гиперконкурентность»*. По мнению Р. Авени, «правила гиперконкуренции столь противоречивы с точки зрения превалирующей логики стратегического мышления, что большинство людей не может принять их. Этот факт, сам по себе, содержит важнейшее преимущество гиперконкурента» [6, 59].

В этом смысле передовые ГИГК — это компании — лидеры в мировой экономике, одновременно ее базисные элементы, несущие конструкции, креативные двигатели, инновационные импульсы и решающие факторы высокого динамизма и устойчивого развития глобальной экономики.

Важнейшим условием глобальной инновационной гиперконкуренции является *своевременный или опережающий выход ГИГК на мировые рынки с новым знанием, интеллектуальной инновацией менеджмента, технологически передовым инновационным товаром*, что предполагает использование опережающих методов грамотного мар-

кетинга, менеджмента и перспективное позиционирование на мировых рынках. *Целевыми характеристиками и основными показателями глобальной инновационной гиперконкуренции* выступают глобализационное статусное и технологическое лидерство, захват и удержание значительной доли мирового рынка, формирование и поддержание устойчивого повышенного спроса на производимую данной компанией инновационную продукцию, глобализационное закрепление и защита прав и границ интеллектуальной собственности, инновационности, брендов, товарных знаков и статуса ГИГК, рассматриваемых как индикаторы экономической силы, мощи и ролевой статусности глобальной компании на мировых рынках.

Ценность бренда и статусности глобальной компании заключается в спецификации и защите прав интеллектуальной собственности, коммерциализации и капитализации инновационно-научных идей, патентов, изобретений и их адекватной оценки мировыми рынками, а также признание мирового лидерского статуса ГИГК большинством потребителей и конкурентов. В значительной мере институционально-лидерский инновационно-конкурентный статус ГИГК обеспечивается поддержкой не только национальных институтов государственного управления, но и *глобальных (наднациональных) институтов и центров управления*. В этих условиях ГИГК получают и присваивают *глобализационную интеллектуально-статусную ренту*, которая имеет информационную природу.

В результате реализации стратегии глобальной инновационной гиперконкуренции ГИГК получает определенное время *инновационную гиперконкурентную прибыль, статусно-брендовую и информационно-инновационную ренту*.

Мы считаем логичным ввести новое понятие — *«защитная многослойная гиперконкурентная среда»*. Современные передовые ГИГК в условиях обострения конкурентной борьбы на мировых рынках формируют защитную многослойную гиперконкурентную средую оболочку, которая служит целям закрепления и сохранения достигнутых глобализационных конкурентных преимуществ, защиты ведущих конкурентных позиций ГИГК от атак конкурентов.

В данной защитной многослойной гиперконкурентной оболочке ГИГК получают возможность на определенное время оградить себя от атак других конкурентов и обеспечить концентрацию ресурсов и сил на разработке и продвижении *доминантной, опережающей глобальной гиперконкурентной инновации*. В то время, когда конкуренты с трудом, расточая силы и теряя время на преодоление гиперконкурентной оболочки ГИГК, вторгаются на уже освоенные данной ГИГК старые рынки, ГИГК осуществляет эффективную стратегию концентрации

сил и ресурсов по освоению новой инновационной технологии, формированию и захвату максимально большого сегмента глобального рынка нового товара, услуги или сервиса, отвечающих признакам глобальной гиперконкурентной инновации, что обеспечивает данной ГИГК конкурентное лидерство и получение в обозримом будущем инновационной гиперконкурентной прибыли, статусно-брендовой и информационно-инновационной ренты.

В условиях гиперконкуренции непрерывно появляются новые конкурентные преимущества, которые уничтожают или нейтрализуют конкурентные преимущества противника, ломая традиционный рыночный статус-кво и создавая неравновесное состояние рынков, что способствует их созидательным изменениям и трансформациям. В условиях современной гиперконкуренции определенное конкурентное преимущество временно, преходяще. Поэтому сегодня ГИГК с помощью *наиболее передовых методов опережающей конкурентной борьбы*, креативного менеджмента, программирования и манипуляционного управления экономическим поведением потенциальных конкурентов, потребителей и партнеров, вынуждены постоянно создавать, воспроизводить и обновлять конкурентные преимущества на основе новых знаний и на новой инновационно-технологической базе.

В глобальной информационной экономике ГИГК получают различные информационно-сетевые эффекты. *Информационно-сетевые мультипликационные эффекты* — это эффекты от инноваций, это синергично-сетевые (интегральные) эффекты, выражающиеся в различных формах. Данные эффекты могут быть получены в результате использования передовых инноваций, применения передовых методов опережающего программирования и манипуляционного управления экономическим поведением конкурентов и потребителей, с помощью *гиперконкурентного креативного маркетинга, менеджмента, логики и контроллинга*.

В современной информационно-сетевой экономике инновационного типа возникает информационная рента. *Информационная рента (информационно-инновационная рента)* — это важнейшая категория глобальной информационной экономики, которая может быть определена как производимая на базе нового научного знания (инноваций, ИКТ), получаемая и присваиваемая гиперконкурентным собственником капитализируемых новых знаний, информационных ресурсов и технологий, передовых информационно-опережающих методов конкурентной борьбы и креативно-лидерского менеджмента интегральная (распределенная во времени и пространстве, денежная и неденежная) выгода (прибыль, эффект), которая получена в результате капитализации (разработки, внедрения, накопления, тиражирования и реализа-

ции) нововведений на всех уровнях и во всех сферах глобальной экономики. Информационно-инновационная рента, имеющая информационно-сетевую природу, — это долговременный дополнительный интегральный эффект, получаемый от владения и использования информационно-интеллектуального капитала (нематериальных активов), капитализируемых инноваций. Информационная рента в структуре цены реализуемого инновационного продукта (услуги) составляет довольно значительную долю получаемой собственником прибыли [13, 273 — 274].

Следует отметить, что информационно-инновационная рента может составлять часть инновационной гиперконкурентной прибыли, но не сводится только к ней, поскольку включает в себя также и интегральную, распределенную во времени и пространстве, денежную и неденежную выгоду, получаемую на основе использования интеллектуальной собственности, опережающих инноваций и присваиваемая собственником-инноватором.

Механизм образования информационно-инновационной ренты не является традиционным, линейным, а представляет из себя совокупность интегральных взаимосвязанных полифункционально-сетевых эффектов. Основой присвоения информационно-инновационных ренты являются формирование, реализация и воспроизводство статусно-брендовых, полифункционально-сетевых, интерактивных прав на новые знания, информацию, интеллектуальную, статусно-брендовую собственность и полифункциональные сервисно-продуктовые инновации инноватором-собственником. Механизм реализации такой собственности связан с интерактивным установлением прав и интересов инноватора-собственника и предполагает обеспечение их институционально-законодательной защиты.

В результате инноваций повышается эффективность использования факторов производства, под воздействием ИКТ начинает действовать закон возрастающей отдачи. Если в индустриально-рыночной экономике действует закон убывающей предельной производительности (доходности), то в информационно-сетевой экономике начинает действовать *закон возрастающей предельной производительности*. Действие этого закона обусловлено целым рядом факторов: инновациями, ростом общей производительности, интеграцией бизнеса, возникновением сетевых мультипликационных эффектов и др.

В рамках развиваемой нами концепции мы обосновываем положение о том, что *современный кризис — это системный гуманитарно-управленческий, финансово-экономический кризис*, в рамках которого следует говорить о кризисе старой парадигмы развития, о кризисе генотипа глобальной индустриально-рыночной системы, о качественном

структурно-циклическом трансформационном кризисе мирового хозяйства, о кризисе самой модели (типа) мировой экономики, кризисе старых институтов, структур, механизмов регулирования и методов управления. В основе данного кризиса лежит комплекс глубинных противоречий, присущих ныне действующей энтропийной индустриально-рыночной модели глобальной финансово-экономической системы. Неустойчивость, разбалансированность, неуправляемость последней в настоящее время резко возросли. Недавние потрясения на глобальных сырьевых, фондовых и финансово-валютных рынках мира и России есть проявление системного кризиса индустриально-рыночной модели хозяйствования как таковой. Они сигнализируют о признаках осуществляющегося глобального системного кризиса (тотально охватывающего все уровни мирового хозяйства и включающего в себя несколько этапов, видов, волн), связанного с глобальной трансформацией индустриального общества с экономикой рыночного стихийно самоорганизующегося типа в новую высокоорганизованную форму информационного общества с информационно-сетевой экономикой преимущественно инновационно-синергичного целенаправленно программируемого (управляемого) типа.

Современный кризис обусловлен глобальной трансформацией индустриального общества с экономикой индустриально-рыночного типа в новую высокоорганизованную форму информационного общества с информационной экономикой инновационно-гиперконкурентного типа. Современную эпоху можно назвать эпохой постепенной трансформации и перехода общества от традиционной индустриально-рыночной системы хозяйствования к новой высоко организованной системе хозяйствования, основой которой является *информационно-инновационный способ производства новых научных знаний, информационных продуктов, сервисов и услуг*. Этот переход носит глобальный характер и затрагивает основополагающие принципы системной организации мировой системы хозяйства и большинства стран мира. Он характеризуется тем, что эпоха стихийного исторического развития человеческого общества закончилась и наступает эпоха его глобализационного программируемого, целенаправленного развития.

Целевая доминанта и структурно-функциональная организация институциональной матрицы мировой экономики обуславливает характер ее системной трансформации, формы и направления глобального, государственного, рыночного и общественного регулирования и выработки действенных механизмов противодействия кризисным явлениям и обеспечения динамизма и устойчивого развития глобальной экономики [4; 14; 15; 16].

В условиях перехода к глобальной информационно-инновационной экономике и развития острейшего глобального финансово-экономического кризиса возникает целый ряд диспропорций и дисфункций старых механизмов регулирования и управления на нано-, микро-, региональном, национальном и глобальном уровнях. В рамках развиваемой нами концепции мы обосновываем положение о том, что сегодня как в мире в целом, так и в России и других странах возникли *институциональные пустоты и управленческие ловушки*, которые характеризуются тем, что в современных условиях старые институты и механизмы межгосударственного, государственного и рыночного регулирования становятся неэффективными, а новые институты и механизмы глобального регулирования и управления, адекватные информационно-сетевой эпохе, еще не созданы или только формируются.

В связи с этим для передовых ГИГК главной стратегией является стратегия агрессивного инновационно-технологического лидерства, или стратегия глобальной инновационной гиперконкурентности, важнейшими элементами которой являются методы активной гиперконкурентной борьбы и инновационно-управленческого опережения.

Сегодня, в XXI в., в условиях тотальной глобализации и гиперконкурентного развития мировых рынков, необходимо теоретико-методологически обосновать и обеспечить постепенный переход к новой идеологии, концепции, модели развития, которая может быть определена как *информационно-сетевая экономика с инновационно-гиперконкурентной доминантой развития*, основанной на новых знаниях, ИКТ, методах активной гиперконкурентной борьбы и инновационно-управленческого опережения, базисными элементами которой являются глобальные инновационные гиперконкурентные компании.

Литература

1. Дятлов С.А. Глобальная инновационная гиперконкуренция: стратегия, механизм, показатели // Стратегия и инструменты управления экономикой: материалы третьей международной научно-практической конференции. СПб., 2010.
2. Инновационная гиперконкурентность в глобальной экономике // Социально-экономические проблемы формирования инновационной экономики России. В. Новгород, 2010.
3. Инновационная гиперконкурентность в мировой экономике // Материалы X Международных Лихачевских научных чтений. СПб., 2010.
4. Дятлов С.А. Типология мирового финансово-экономического кризиса и целевая доминанта инновационной антикризисной полити-

ки. Конспект доклада на Первом российском экономическом конгрессе, Москва, МГУ, 7 — 12 декабря 2009 г. // <http://www.econorus.org/cprogram.phtml?vid=tconf&sid=7&ssid=241&rid=242>;

5. Дятлов С.А., Фейгин Г.Ф. Глобализационные преимущества и дефициты национальной экономики // Евразийская интеграция. 2008. № 4.

6. *Aveni R.* Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering. N. Y., 1994.

7. *Schumpeter J.* Capitalism, socialism and democracy. N. Y., 1942.

8. *Encaoua D., Foray I., Hatchuel A., Mairesse J.* Les enjeux économiques de l'innovation: Bilan du programme CNRS // Rev. d'économie polit. P., 2004. N. 2.

9. *Allred B., Steensma K.* The influence of industry and home country characteristics on firms' pursuit of innovation // Management international rev. Wiesbaden, 2005. Vol. 45. N. 4.

10. *Baumol W.J.* The free-market innovation machine: analyzing the growth miracle of capitalism. Princeton, 2002.

11. *Baumol W.J., Eliasson G., Henrekson M.* An Entrepreneurial economist on the economics of entrepreneurship // Small business economics. Dordrecht etc., 2004. Vol. 23. N. 1.

12. *Drucker P.F.* Innovation and entrepreneurship: Practice and principles. N. Y., 1985.

13. Дятлов С.А. Интеллектуально-информационный капитал: сущность, оценка, конкурентоспособность // Государство и рынок: новое качество взаимодействия в информационно-сетевой экономике / Под. ред. С.А. Дятлова, Д.Ю. Миропольского, В.А. Плотникова. Т. 2. СПб., 2007.

14. Причины и характер мирового финансового кризиса // Национальная экономика в условиях глобализации: бизнес и общество в противостоянии кризису. СПб., 2009.

15. Типология и макропараметры глобального финансово-экономического кризиса // Интеллектуальные технологии в экономике и управлении. Сборник научных трудов. СПб., 2009.

16. Дятлов С.А., Селищева Т.А. Регулирование экономики в условиях перехода к инновационному развитию // Системный характер глобального финансово-экономического кризиса. СПб., 2009.

У.Ж. АЛИЕВ

К общей теории и типологии инноваций

Новшества помогают открыть будущее, традиции помогают пережить трудные времена.

Восточная мудрость

Аннотация. В статье автор уточняет и дополняет предметное и проблемное поле общей теории и типологии инноваций.

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, типология инноваций, уровни глубины инноваций, факторы эффективности инновации, инновационная культура.

Abstract. In article the author specifies and supplements subject and problem field of the general theory and typology of the innovation.

Keywords: an innovation, innovative activity, typology of innovations, levels of depth of innovations, factors of efficiency of an innovation, innovative culture.

Говоря о теории инноваций, следует, прежде всего, определить понятийно-категориальный аппарат, с помощью которого и исследуется, и познается «феномен инновации». В этой связи *базовым* понятием является термин *инновация* (нововведение), и от него отпочковывается множество *производных* понятий: новация, инновационная деятельность, инновационный процесс, инновационная система, инновационная политика, инновационная культура, инновативность, эффективность инновации и т. д.

Авторство термина «инновация», как правило, приписывают Й.А. Шумпетеру («Теория экономического развития», 1912 г.). Но если под «инновацией» понимать новшество, «нововведение» (именно в этом смысле понимал инновацию сам Й.А. Шумпетер), то о таком «новшестве» довольно подробно писал еще К. Маркс в I томе «Капитала». Здесь «новшество», «нововведение» им рассматривается как специфический капиталистический способ и метод производства *избыточной прибавочной стоимости* (сверхприбыли), которая впоследствии по мере распространения этого «новшества» от «пионера» технического прогресса и усовершенствованной организации производства к другим предпринимателям (капиталистам) превращается в обычную относительную прибавочную стоимость.

Вначале (1912) под инновацией Й.А. Шумпетер понимал новшество в области технологии производства и/или управления им. Позже (1939) он инновацию представил как новую комбинацию факторов в

производстве (включая предпринимательство), которая позволяет изменить существующее положение дел.

В современной литературе встречаются самые различные дефиниции «инновации». Российский исследователь Ю.В. Беляева приводит эти определения, справедливо указав, что они так или иначе отражают определения инновации, принятые группой национальных экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), известной под названием «Руководство Фраскати», а также «Руководство Осло».

Более тщательный анализ этих определений инновации позволяет сделать вывод о том, что часть исследователей придерживается «процессного» «деятельностного», а часть — «объектного», т. е. «результатного» подхода к дефинированию инновации. К первым, например, относятся такие исследователи, как Я. Кук, П. Майерс, Б. Твисс, Д. Уилд, а ко вторым — В.Г. Медынский, С.В. Ильдеменов, П.В. Завлин, А.К. Казанцев, Л.Э. Мендели. Но есть у них нечто общее — это то, что если первые, акцентируя внимание на «процесс», не абстрагируются от «результата», то вторые, наоборот, акцентируя внимание на «результатах», рассматривают их как продукт процесса инновации.

Но есть третья позиция, которая четко разграничивает понятия «инновационный процесс» и собственно «инновация». Согласно этой позиции, инновационный процесс состоит из: а) новации — новые идеи, знания; б) собственно инновации — введение новации в практику, т. е. нововведение; в) распространение (диффузия) инновации. Такой трактовки инновации придерживаются «Руководство Фраскати», «Руководство Осло», Ю.В. Беляева, В.В. Чекмарев [1, 101 — 106; 2, 28 — 39] и др.

Не вдаваясь в детали, под инновацией я понимаю следующее. *Инновация — это ответ человека и сообществ на реальные проблемы (проблемные ситуации), выражающийся в новом подходе (теория, концепция, принципы, метод, модель и т. д.) к ее решению.* Отсюда тезис-утверждение: «Нет проблем — нет инновации» (по принципу «вызовы — ответы»). Далее, исходя из того, что инновация как деятельность, т. е. инновационная деятельность, представляет собой целостность с внутренними поэтапными формами выражения. Положив в основу анализа теорию становления, а именно: абстрактные предпосылки становления (АПС), действительные предпосылки становления (ДПС), сам процесс становления (СПС) и объект как ставшее явление (ОСЯ), получим следующее. Инновационная деятельность на этапе АПС получает выражение в инновации-потенциале, на этапе ДПС — в инновации-актуале, на

этапе СПС — в инновации-капитале, на этапе ОСЯ — в инновации-результате, или инновации-продукте (более подробно см. табл. 1).

Таблица 1

Инновационная деятельность

Критерии этапизации	Этапы			
	1 этап	2 этап	3 этап	4 этап
<p>Теория становления:</p> <ul style="list-style-type: none"> • АПС • ДПС • СПС • ОСЯ 	<p><i>Инновация-потенциал</i> (абстрактные предпосылки реализации инновации):</p> <ul style="list-style-type: none"> • идеи • мысли • концепции • теории <p><i>Потенциальная инновация</i></p>	<p><i>Инновация-актуал</i> (действительные предпосылки реализации инновации):</p> <ul style="list-style-type: none"> • законы • программы • проекты • модели • чертежи • схемы <p><i>Актуальная инновация</i></p>	<p><i>Инновация-капитал</i> (сам процесс реализации инновации)</p> <p><i>Инновация-процесс, или процессуальная инновация</i></p>	<p><i>Инновация-результат</i> (инновация как ставший феномен), или <i>инновация-продукт</i></p> <p><i>Результатная, или продуктная, инновация</i></p>

Таблица 2

Типология инноваций по критерию характера и направленности

Критерии типологии	Классификация			
	Агрессивный тип	Умеренный тип	Адаптивный тип	Социальный тип
По критерию характера и целевой направленности инновации	Инновации агрессивного переустройственного толка (американский тип)	Инновации умеренного, т. е. в основном социально-экологического направления (европейский тип)	Инновации, адаптированные к этно-менталитету стран (азиатский тип: Китай, Индия, Япония и др. страны АТР)	Инновации, основанные на религиозно-духовных ценностях (исламский тип)

Один из важных аспектов теории инноваций — это проведение научно-обоснованной типологии (классификации) инноваций. В литературе даются различные классификации инновации по различным критериальным основаниям. П.Н. Завлин и А.В. Васильев проводят классификацию инновации по семи, В.В. Горшков и Е.А. Кретьева — по двум, Э.А. Уткин, Г.И. Морозова, Н.И. Морозова — по трем, С.Д. Ильенкова — по пяти, И.Т. Балабанов — по трем, О.П. Молчанова — по трем, Ю.В. Беляева — по пяти критериальным (признаковым) основаниям [1, 106, 122 — 131].

Таблица 3

Типология инноваций по критерию причинной обусловленности

Критерии типологии	Классификация		
	Внутренняя ПОИ	Внешняя ПОИ	Симбиозная ПОИ
По критерию причинной обусловленности инновации (ПОИ)	Неудовлетворенность системы сложившимся внутренним состоянием самой системы и желание его изменить	Изменение и усложнение общественных потребностей и конкурентной среды	Повышение требований по экологичности производства, безопасности продукции, удовлетворению потребностей всех членов общества

Следует отметить наличие большого разнообразия в деле типологии инновации, что предполагает более системный подход к данному вопросу. Ниже мною дана типология инноваций по четырем критериальным основаниям: 1) по критерию характера и направленности инновации — агрессивный, умеренный, адаптивный, социальный типы инноваций (табл. 2); 2) по критерию причинной обусловленности инновации — внутренняя причинная обусловленность инновации, внешняя причинная обусловленность инновации, синтетическая причинная обусловленность инновации (табл. 3); 3) по критерию источников инновации — личностный, прогресс науки и техники, «социальный заказ общества» (табл. 4); 4) по критерию инвариантно-интегральной структуры национальной экономической системы, т. е. объектной направленности инновации — географический, этнологический, экологиче-

ский, технологический, организационный, информационный, институциональный, управленческий, собственный (табл. 5).

Таблица 4

Типология инноваций по критерию источников

Критерии типологии	Классификация		
	Личностный	Прогресс науки и техники	Социальный «заказ общества»
По критерию источников инновации	Особая любо-знательность и тяга отдельных людей к наблюдению, размышлению и принятию новых решений проблем в определенной области	Внутренняя логика развития самой науки и техники, дающая «пищу для размышления» и развития инновации научно-техническими сообществами и людьми делового мира	«Заказ» общественных, государственных, частных структур на инновации

Следует отметить, что в литературе по данному критерию отмечают лишь пять направлений инноваций: технологический, организационный, институциональный, управленческий и так называемый продуктовый. Сразу заметно, во-первых, этот перечень не в полной мере охватывает все основные направления инновации, указанные мною выше, и, во-вторых, «продуктовые инновации» по своему статусу не вписываются в данный критерий типологии инновации, а является *конечным результатом*.

Таблица 5

**Типология инноваций по критерию структуры
экономической системы**

Критерии типологии	Структурные элементы НЭС									Σ продуктовая инновация
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
По критерию инвариантно-интегральной структуры национальной экономической системы (НЭС)	ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ	ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ	ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ	ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ	ИНФОРМАЦИОННЫЙ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ	УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ	СОБСТВЕННИЧЕСКИЙ	
	<ul style="list-style-type: none"> ● Начально-продуктовая инновация ● Промежуточно-продуктовая инновация ● Конечно-продуктовая инновация 									

Из типологии инноваций, согласно табл. 3, важным является раскрытие структуры внутренних факторов инновации, которые сводятся к следующим основным положениям: желание «быть первым»; увеличение дохода (в том числе прибыли); снижение издержек; повышение производительности труда; сокращение жизненного цикла изделий; открытие и захват новых рынков; повышение имиджа инноватора; экспансия по переустройству мира; желание господствовать над миром.

Для получения социально-значимых результатов от инновационной деятельности следует выяснить предварительно два вопроса: а) вопрос

об уровне глубины инновации (нововведения); б) вопрос о системе факторов и критериев эффективности инновации.

Говоря о первом вопросе, в литературе приводятся восемь уровней глубины нововведений, а именно:

1) инновации первого порядка — регенерирование (восстановление) первоначальных свойств системы, сохранение и обновление ее существующих функций;

2) инновации второго порядка — изменение количественных свойств системы;

3) инновации третьего порядка — перегруппировка составных частей системы с целью улучшения ее функционирования;

4) инновации четвертого порядка — адаптивные изменения элементов производственной системы с целью приспособления друг к другу;

5) инновации пятого порядка — новый вариант, простейшее качественное изменение, выходящее за рамки простых адаптивных изменений (первоначальные признаки системы не меняются, но происходит некоторое улучшение их полезных свойств);

6) инновации шестого порядка — новое поколение (меняются все или большинство свойств системы, но структурная концепция сохраняется);

7) инновации седьмого порядка — новый вид (качественное изменение первоначальных свойств системы, первоначальной концепции без изменения функционального принципа);

8) инновации восьмого порядка — новый род (высшее изменение в функциональных свойствах системы и ее части, которое меняет ее функциональный принцип) [1, 94 — 95].

Эти уровни позволяют инноваторам определить, к какому уровню глубины инновации относятся их нововведения, от чего зависит система материального и морального вознаграждения авторов инноваций.

Говоря о втором вопросе, приведу факторы эффективности инновации по *пяти* основополагающим параметрам. Они таковы: направленность инновационной политики на трех уровнях (государственная, региональная, корпоративная); состояние институциональной среды инновации (формальные и неформальные институты); острота инновационной конкуренции в сочетании с антимонопольным регулированием; наличие/отсутствие единого государственного учета инновации (результаты интеллектуальной деятельности, результаты научно-технической деятельности, результаты инновационной деятельности; уровень инновационной культуры (табл. 6).

Таблица 6

Факторы эффективности инноваций

Инновационная политика	Институциональная среда инноваций	Инновационная конкуренция	Единый государственный учет	Инновационная культура
<ul style="list-style-type: none"> • Государственная • Региональная • Корпоративная 	<ul style="list-style-type: none"> • Законодательно-правовые (формальные) нормы • Неформальные нормы: <ul style="list-style-type: none"> • традиции • обычаи • привычки и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • Свободная инновационная конкуренция • Ограничение естественных монополий • Борьба с искусственными монополиями 	<ul style="list-style-type: none"> • РИД • РИТД • РИЭ 	<ul style="list-style-type: none"> • Модель Г. Тернквиста • Модель А. Андерсона Модель У. Алиева

Предлагаю более подробно рассмотреть фактор инновационной культуры. Среди специалистов распространены две модели инновационной культуры: а) модель Г. Тернквиста; б) модель А. Андерсона. Российским исследователем М.С. Очковской [3, 420] представлено состояние инновационной культуры в России по вышеуказанным моделям (табл. 7).

Следует отметить, что как модель Г. Тернквиста, так и модель А. Андерсона страдают, на мой взгляд, отсутствием системности и нечеткостью формулировки основных параметров их моделей. В табл. 8 мною дана собственная модель состояния инновационной культуры России и Казахстана методом сравнительного анализа по семи параметрам (во всех моделях обозначения знак «+» означает наличие, знак «-» — отсутствие указанного параметра).

Таблица 7

Состояние инновационной культуры России (к 2008 г.)

Модель Г. Тернквиста		Модель А. Андерсона	
Информация, распространяемая между людьми	+ / –	Надежная, слегка регулируемая финансовая система	–
Знания, хранящиеся в живой памяти или в записях	+	Подлинные основополагающие знания и способности	+
Умение действовать так, как того требует окружающая среда	+ / –	Дисбаланс между испытываемой потребностью и реальными возможностями	+ / –
Творческий потенциал, создание чего-то нового на основании этих трех видов деятельности	+	Разноплановая в культурном отношении община	+
		Хорошая система коммуникации	+ / –

Наконец, предлагаю рассмотреть основные критерии (признаки, свойства) инновации (инновационности), которые сводятся к *четырем* основным положениям: а) уровень глубины (степень) новизны того, что выдается за инновацию; б) практическая реализуемость инновации вообще; в) экономическая (в том числе коммерческая) реализуемость; г) экологическая и социальная значимость (целесообразность).

Итак, основные *выводы* из всего вышесказанного.

1. Необходимость дальнейшей разработки общей теории инновации.
2. Структурирование и четкое дефинирование понятийно-категориального аппарата теории инновации (тезаурус).
3. Осуществление научной типологии инновации по различным критериальным основаниям и определение инвариантно-интегративной структуры инновации.
4. Разработка научно обоснованной национальной инновационной политики (модели), системы критериев и показателей эффективности

инновационной деятельности (экономической, экологической, социальной и синтетическо-синергетической).

5. Создание соответствующей институциональной и состязательной среды и эффективного механизма реализации инновации и ее диффузии во времени и пространстве.

Таблица 8

**Состояние инновационной культуры по модели У.Ж. Алиева
(к 2010 г.)**

Параметры инновационной культуры	Россия	Казахстан
Наличие инновационного знания	++/-	+/- -
Доступность инновационной информации для потребителя	+/-	+/- -
Институциональная среда инновации	+/-	+/- -
Удельный вес наукоемкой продукции в экспорте	+/- -	---
Удельный вес инновационно-активных предприятий	+/- -	---
Творческий потенциал по созданию чего-либо нового на основе вышеуказанных параметров	+	+/-
Умение реализовать творческий потенциал инновации	+/-	+/- -

Литература

1. *Беляева Ю.В.* Инновационная конкуренция. Кострома, 2008.
2. *Чекмарев В.В., Беляева Ю.В.* Исследование закономерностей развития экономического потенциала и инновационной активности образовательных систем. Кострома, 2008.

3. Экономическая теория в XXI веке — 4 (11): Институты экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. М., 2006.

К.Р. БАЯНОВ

Концептуальные основания прогнозирования социоприродной динамики

Аннотация. Выявление и учет концептуальных оснований прогнозирования социоприродной динамики имеют решающее значение для поиска путей выхода на плато жизнестойкого развития.

Ключевые слова: прогнозирование, социоприродная динамика, нелинейность.

Abstract. Revealing and the account of the conceptual bases of forecasting of social-natural dynamics have crucial importance for search of ways out of plateau of vigorous development.

Keywords: forecasting, social-natural dynamics, nonlinearity.

Для концептуализации оснований прогнозирования социальных и природных процессов эвристическое значение имели работы мыслителей XVII и XVIII вв. Г. Галилея, И. Ньютона, Р. Декарта и др. Начиная с их исследований, сформировалась классическая концепция истины, в основе которой лежал постулат о существовании абсолютно точного знания. Если средневековая теология связывала этот постулат с идеей Абсолюта, т. е. всемогущего и всеведущего Бога, то творцы классической гносеологии распространили этот принцип на естествознание. Этот принцип составил гносеологический фундамент механистической картины мира. С их точки зрения, в этом не было отступлений от христианской апологетики — ведь отныне речь шла о двух видах божественного откровения, один из которых записан в Библии, а другой находится в космической книге природы. Поэтому, исследуя закономерности, господствующие в мире природы, люди познают божественную волю.

Рубеж XVIII и XIX вв. послужил переломом, обосновавшим выход человеческого познания в новое пространство. Символом этого нового прорыва оказалась История. Вера в Прогресс стала почти всеобщей — достаточно назвать имена Гегеля, Маркса, Дарвина. Точно такая же картина прослеживается и в других направлениях научного знания. В физике, например, это открытия в области термодинамики и электромагнетизма. В гуманитарных дисциплинах принцип историзма возро-

дил концепции всеобщего завершения. Сравнивая этот новый подход с классическими утопиями эпохи Возрождения, Фуко пишет: «Исполненное величия раздумье о конце Истории — это утопия причинного мышления, тогда как греза о первоначале — это утопия классифицирующего мышления» [1, 140].

В середине XIX столетия в России появляется уникальное направление философской мысли, впоследствии получившее название космического направления, или русского космизма. В широком смысле этого слова под космизмом вообще понимается целая область русской культуры, включающая не только философов и ученых, но и поэтов, музыкантов, художников.

Первая половина XX в. была ознаменована трансцендентным взлетом научного познания и одновременно мифотворчества, принявшим формат утопического социального модернизма. Происходят математизация идей космизма (Н. Бор, М. Планк, А. Эйнштейн и др.), формирование целостных концепций социального развития (В.И. Вернадский, Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин). Фундаментальные идеи достигнуты в области биологии: становление молекулярной биологии, расшифровка генетического кода, синтетическая теория эволюции и др. (Г. Корана, Ф. Крик, Дж. Уотсон). В то же время обостряется идеология драматического конца Истории (О. Шпенглер, А. Эддингтон).

Наиболее характерной приметой мировой истории конца XX в. стало нарастающее обострение глобального кризиса. Основные факторы, определяющие развитие этого кризиса, — нарушение устойчивости биосферы вследствие техногенного давления индустриальной цивилизации и неостановимо продолжающийся рост численности народонаселения Земли. Течение кризиса значительно осложняется рядом других факторов: деятельностью ТНК (транснациональных корпораций), приводящей к обострению поляризации мира богатства и мира нищеты; снятием противоречия между капиталом как функцией и капиталом как субстанцией на стадии перехода к информационному технологическому укладу; кризисом идеологии деонтологизированного субъективизма и др. Острота и многомерность современного глобального кризиса дают основание считать его самым тяжелым и самым опасным за всю историю человечества.

Наступила эпоха, когда возможность обрыва цепи последовательных циклов социальной эволюции человечества стала совершенно реальной. Сегодня у нас есть все основания утверждать: наступивший XXI в. может оказаться последним не только в истории вида *homo sapiens*, но и в истории биосферы Земли.

Вот поэтому определение концептуального каркаса научных принципов в рамках нелинейной динамики имеет решающее значение для задач прогнозирования социоприродных систем.

Принимая методологию неклассической прогностики, построение сценария социоприродного развития, мы считаем целесообразным начать с формализации теоретического каркаса выбранной модели. Этот каркас образует комплекс базовых постулатов, областью подтверждения которых служат эмпирические обобщения реальных социальных и природных процессов.

Согласно концепции Вернадского, выделившись из биосферы, ноосфера приобретает новое качество — ее ведущей функцией становится креативная, или творческая, научно-производственная деятельность. Креативная функция ноосферы направлена на поиск и освоение новых экологических ниш во всем многомерном пространстве ее существования и, следовательно, на решение двух взаимно противоположных задач — нарушения равновесия со средой и расширения границ гомеостаза. Сказанное позволяет следующим образом сформулировать первый постулат самодвижения ноосферы, рассматриваемой как теоретический конструкт: основная функция ноосферы состоит в креативной и адаптивно-адаптирующей деятельности в интересах расширения границ гомеостаза и интенсивного освоения новых экологических ниш. Назовем этот постулат *принципом креативности*.

Скорость адаптации биосферы к условиям, меняющимся вследствие техногенной деятельности человечества, все более отстает от скорости развития самой техносферы. Чтобы в результате этого рассогласования не происходило необратимых катастрофических изменений, необходимо придерживаться стратегии самосогласованной коэволюции социума с миром окружающей природы. Это основополагающее требование устойчивого самодвижения ноосферы, впервые сформулированное Вернадским, можно рассматривать как второй постулат эволюции ноосферы. Назовем его *принципом коэволюции*. Подобно антропосфере, ноосфера возникает как естественный этап эволюции биосферы, а потому нельзя рассматривать их развитие в отрыве друг от друга; в совокупности они образуют единую социоэкологическую систему.

Развитие научной мысли ведет к продвижению в практику все более эффективных и, соответственно, более сложных технологий. А это, в свою очередь, требует нового, все более высокого уровня обработки информации и регулирования самодвижения системы. В соответствии с известной из кибернетики теоремой Эшби, управляющая система по информационной сложности не должна уступать управляемой. Естественно предположить, что в соответствии с этим будет усложняться и

социальная стратификация ноосферы. Принимая это требование непрерывно нарастающей информационно-производственной и структурной сложности ноосферы в качестве третьего постулата ее эволюции, назовем его *принципом комплексивности* (сложность, усложнение).

Основная функция ноосферы — креативная — персонифицирована, она определяется, в первую очередь, мыслительной деятельностью творческих личностей. Необходимое условие реализации творческого потенциала личности — система представительной демократии, защита прав человека на собственность, в том числе интеллектуальную, на свободу совести и слова, на образование. Обобщая сказанное, сформулируем четвертый постулат эволюции ноосферы: вектор ее самодвижения проходит через зону согласования условий максимальной самореализации творческого потенциала каждого человека и интересов социума в целом. Этот постулат можно назвать *принципом гармонизации*.

Устойчивость биосферы обеспечивается принципами Ле Шателье-Брауна и Онсагера, действующими стихийно. Получив возможность свободного выбора эволюционного тренда, ноосфера одновременно лишается автоматической защиты со стороны этих естественных принципов. Поэтому для поддержания устойчивости ноосферного аттрактора и компенсации возникающих возмущений в систему его регулирования необходимо встроить элементы отрицательной реактивности. Для решения этой задачи удобно воспользоваться *принципом хрупкости хорошего*. Смысл его состоит в том, что любая система может считаться хорошей, если она удовлетворяет некоторому набору требований, но должна быть признана плохой, если не удовлетворяется хотя бы одно из них. Поэтому все хорошее, например, устойчивость, более хрупко и может быть значительно легче утрачено, чем то, что мы считаем плохим [3].

Изложенные принципы динамических систем позволяют сделать два вывода. Во-первых, становятся понятными причины неизбежных неудач любых абстрактно-теоретических программ выхода из кризиса, которые на поверку во всех случаях оказываются очередными утопиями. Во-вторых, основным требованием к альтернативным сценариям устойчивого развития является необходимость априорного анализа возможных типов неустойчивостей исследуемых социоприродных систем.

Принципиальная отличительная особенность развития социоприродных нелинейных систем — чередование периодов относительно монотонного самодвижения в режиме аттракции и зон бифуркации — катастрофического, скачкообразного изменения хода исторического

процесса. В зоне бифуркации паттерн эволюции утрачивает устойчивость по отношению к малым возмущениям, второстепенным, случайным факторам. А за порогом этой зоны лежит уже не один эволюционный паттерн, а целый спектр виртуальных альтернативных сценариев эволюции. Таким образом, в зоне бифуркации появляется возможность увидеть все поле будущих альтернатив, а не один единственный, быть может, предопределенный заранее исход.

Это открывает перед человеком новые возможности управления своей судьбой. Среди тех нелинейных факторов, сочетание которых ориентирует эволюционный процесс в направлении того или иного аттрактора, есть немало таких, которыми человек в состоянии управлять. В воздействии на эти факторы нет грубого насилия над природой, которое основательно усвоено традиционной технологией управления, вмешательство человека в точки бифуркации может носить триггерный характер воздействия на нелинейные процессы.

Ключевое значение при выборе стратегии воздействия на нелинейные факторы эволюционного процесса приобретают вопросы ценности знаний о роли этих факторов и о тех целях, которые ставит перед собой человек, выбирая ту или иную стратегию управления. Знание нелинейностей и зависящих от них эволюционных альтернатив позволяет выбрать среди них оптимальный исторический сценарий, после чего цель управляющих воздействий будет состоять в том, чтобы свести к минимуму риск выхода на все прочие аттракторы.

К зоне бифуркации примыкает виртуальное пространство альтернативных ветвей эволюции, будущее как бы предзадано. Можно эту мысль выразить и иначе: паттерны грядущего существуют до начала хода исторического процесса. И по какому бы из этих альтернативных паттернов ни пошел реальный исторический процесс, все, что ему не соответствует, будет отсекается, диссипативные процессы выполняют свою работу — в этом заключается свойство аттракции.

Будущее — это вовсе не то, что обязательно будет завтра. Будущее — это набор альтернативных вариантов. Знание этих вариантов открывает практическую возможность управляющих воздействий на вектор исторического процесса. Поскольку спектр альтернативных целей эволюции — виртуальных аттракторов — ясен тому, кто обладает таким знанием, — можно говорить, что будущее способно оказывать влияние на ход истории. Классическая эпистемология утверждает, что будущее определяется прошлым. Синергетика приводит к существенному уточнению этого взгляда: будущее само влияет на настоящее, а это в свою очередь значительно расширяет диапазон практических возможностей человека как исторического актора. Пути выхода к этим аттракторам дискретны, спектр перехода к ним не является сплошным.

Поэтому существуют лишь узкие коридоры движения к оптимальным ветвям эволюции. Свет из будущего, падающий на сегодняшний день сквозь туннель этого коридора, помогает выбрать оптимальную стратегию действий, меняет наше восприятие реальности.

И лидерами мирового эволюционного процесса в XXI в. станут не те, в чьем распоряжении самые крупные финансовые ресурсы, а обладатели нового фундаментального знания. А потому важнейшей задачей является умение предвидеть будущее фундаментальной науки.

Таким образом, определенный концептуальный каркас научных принципов (принцип креативности, принцип коэволюции, принцип комплексивности, принцип гармонизации, принцип хрупкости хорошего и др.) указывает, что эволюция социоприродной динамики осуществляется в соответствии с обозначенными принципами и их учет в моделировании социоприродной динамики является необходимым основанием для формирования желаемого будущего.

Литература

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
3. The Electrical Properties of Ice // Electrolytes. Oxf., 1962.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Особенности развития высоких технологий в современной России

Аннотация. В статье рассматриваются современные особенности социокультурной и производственных сфер: новый тип социокультурной системы ценностей — виртуальный, а также новые качества технологической сферы с высокой наукоемкостью и капиталоемкостью новых технологий.

Ключевые слова: высокие технологии, виртуальная составляющая, социокультурные ценности, инновации.

Abstract. In the article modern features of social-cultural and industrial spheres are being considered: namely a new type of social-cultural system of values, virtual, and also new qualities of technological sphere with high level of science intensity and of capital intensity of new technologies.

Keywords: high technologies, virtual component, social-cultural values, innovations.

Высокие технологии XX — XXI вв. представляют собой синтез социокультурной и производственной сфер. Поэтому, прежде всего, стоит остановиться на современных особенностях каждой из этих сфер.

На наш взгляд, развитие социокультурной составляющей претерпевает революционные изменения. На гребне третьей «тоффлеровской» волны зарождается новый тип социокультурной системы ценностей — *виртуальный*. С появления компьютерных технологий и, прежде всего, Интернета произошли изменения в глобальной системе ценностей, о которых Питирим Сорокин не мог писать, так как при его жизни этих технологий еще не было. В этом случае интегральная система ценностей — это уже синтез не только идеациональной и чувственной, но и виртуальной составляющей социокультурных ценностей.

Предпосылки возникновения виртуальной системы ценностей начали складываться еще со времени появления кино. Следующим этапом в этом направлении стало телевидение. Киноиндустрия создала возможность виртуализировать «грезы наяву». Экран стал неотъемлемым атрибутом нашего быта. С появлением «всемирной паутины» коммуникационные функции данного экрана перешли на новый уровень. Они охватили науку, образование, культуру, этику, даже религию. Складывается новая составляющая системы социокультурных ценностей, касающаяся ценностей виртуализированного мира. Это позволило перейти в науке в наномир и дало фундамент для возникновения нанотехнологий. Таким образом, первая особенность современного этапа развития высоких технологий — это их *существование в условиях становления виртуальной системы социокультурных ценностей*.

Что касается технологической сферы, то и она получила новые особенности.

Во-первых, это высокие наукоемкость и капиталоемкость новых технологий. Во-вторых, базисные инновации в современные высокие технологии имеют очень высокий затратный уровень, что предполагает господдержку данных инноваций. В-третьих, высокие технологии приносят тем больший эффект, чем большую сферу экономики они охватывают. Как любил повторять директор ЦАГИ профессор Г.И. Загайнов, уровень жизни в стране определяется наличием высоких технологий в базовых отраслях экономики. Поэтому внедрение таких технологий, как нанотехнологии, предполагает структурную перестройку всей экономики, а не только развитие данной технологии с помощью Роснано. Для этого, прежде всего, необходимы соответствующие кадры.

По оценке профессора Г.Г. Малинецкого, развертывание нанотехнологий в России предполагает наличие 30 тыс. соответствующих спе-

циалистов, в то время как в современной России только 2% населения понимает, что скрывается за термином «нанотехнологии». Поэтому, в четвертых, освоение новых технологий предполагает перестройку системы образования в стране. В выступлении Барака Обамы перед американской Академией наук намечены пути перестройки научно-образовательной системы США под новые технологии. Не стоит копировать американский опыт, но широкое внедрение высокотехнологичного сектора в России предполагает предварительную научно-образовательную перестройку в стране. И, наконец, в-пятых, высокие технологии предполагают особую производственную и маркетинговую политику. Требуется формирование особого имиджа высокотехнологичных компаний на мировом рынке, создание особой торговой марки. Конкуренция в данной сфере — это соперничество интеллектуальных заделов. Поэтому большое значение в нем имеют патентная защита новых технологий, лицензирование соглашений. Кроме того, необходимо постоянное поддержание высокого уровня новых разработок в высокотехнологичной компании.

Проблема качества продукции становится важнее проблем оплаты, так как торговля высокотехнологичной продукцией предполагает длительные технологические связи между поставщиком и потребителем, минуя посредников. Данная торговля предполагает высококачественный послепродажный сервис, высокий уровень логистического обслуживания, повышенное внимание к пользователю. Особую роль начинает играть ценовая политика, не допускающая политики низких цен. Расширение выпуска высокотехнологичной продукции предполагает постоянную экспансию на рынках продаж, наличие сети дистрибьюторов и собственных фирм по стране и за рубежом.

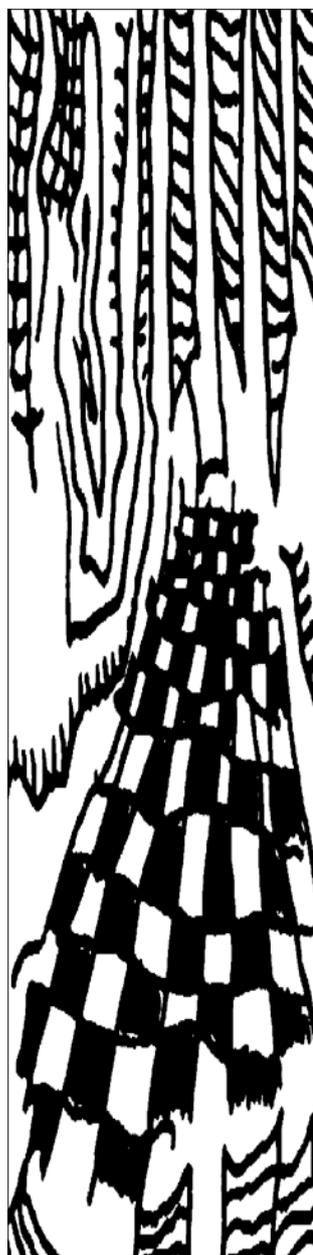
Таким образом, вторая черта современных высоких технологий — *необходимость перестройки инновационной, производственной и маркетинговой сфер экономики под задачи высоких технологий.*

Мы остановились на общих особенностях современного высокотехнологичного развития. Но в России оно имеет национальную особенность. Страна только выходит из пережитой ею в 1990-х гг. социальной катастрофы. Катастрофа предполагает наличие трех моментов в развитии страны — падение национального духа, морально-нравственную деградацию и нарушения в социально-экономическом развитии. Поэтому задача модернизации страны должна предусматривать прогресс по всем трем этим позициям. Высокие технологии способствуют преодолению всех трех негативных последствий социальной катастрофы в России. Поэтому курс на широкое освоение высоких технологий в стране — на данный момент оптимальный.

IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ТЕОРИЯ

В.И. КОРНЯКОВ

Высветить, понять и стреножить экономического монстра

Аннотация. В связи с идеями М.Л. Хазина рассмотрена катастрофическая «внутренняя дефицитность» современного общественного воспроизводства, ее последствия.

Ключевые слова: кризис, баланс, США, дефицитность, общественное воспроизводство, основной капитал, экстенсивный рост, стационарная модель.

Abstract. In the article in connection with ideas of M.L. Hazin the catastrophic «internal deficiency» of the social reproduction and its consequences are debated.

Keywords: crisis, balance, USA, deficiency, social reproduction, basic capital, extensive growth, static model.

Современный кризис как провал долгосрочных антикризисных укреплений. С 1825 г. до последнего десятилетия XX в. в мировом капитализме периодически, но устойчиво возникают нелепые ситуации чрезмерно произведенной продукции. Крестьянин такого не допускал: его продукт не исчезал из его видения. Но при капитализме продукт утратил такую привязанность с производителями-потребителями в том смысле, что стал необозрим, физически невидимыми. Сложился «денежный» выход из ситуации: денежное измерение объема производимого наделяется вторым качеством — качеством меры потребления, спроса — поэтому производство как будто бы всегда должно равняться потреблению (что произвел — то и потребил, — см. известные формулы теории общественного воспроизводства). Однако конечное денежное предложение в гонке за прибылью все-таки отрывалось от своего визави — потребления, потребительский спрос отставал, и кувалда экономического кризиса периодически «прибивала» отбившееся производство к потреблению, круша и то и другое.

И все-таки после грандиозного экономического кризиса 1929 г. на протяжении XX в. капитализм постепенно овладевал ситуацией, обретал контроль над соответствием производства потреблению, спросу. Производство ныне, в основном, ведется тогда и постольку, поскольку ему обеспечен денежный спрос. В системе этого контроля — государственные меры, особенно через закупку до половины конечной продукции (гарантированный государственный спрос), государственные

инвестиции и государственное планирование; меры сверхкорпораций (современных концернов), планирующих не только собственное производство, но и огромные массы сопряженных предприятий; новые экономические технологии производства и реализации продукции (современное позаказное производство концернов, логистика, маркетинг и пр.); меры ряда международных структур и т. д. И с 1980-х гг. привычные традиционные экономические кризисы перепроизводства как бы прекратились, исчезли. Производству вроде бы стало никак не оторваться от потребления, спроса: их «прижатость» многообразно контролировалось. Пути движения совокупного общественного продукта (СОП) вплоть до перехода конечной продукции в потребление были ограждены указанными мерами от перепроизводства, диспропорций. Неолибералы, неоклассики, монетаристы, рыночные фундаменталисты ликовали, превозносили мощь рынка, рыночной экономики, пинали поверженных, как им представлялось, оппонентов — от институционалистов до кейнсианцев и марксистов.

Дальнейшее известно. Именно благодаря якобы надежности, мощи, продуманности, проработанности выстроенных за десятки лет антикризисных бастионов внезапный, отметший эти бастионы, «хозяйский» приход кризиса (да еще масштаба, сродственного 1929 г.) породил такие ошеломленность, растерянность всего капиталистического мира, как если бы он свалился с того света. Полетели в корзину сотни просчитанных-выверенных сценариев экономического и социального развития.

Усилия по спасению от кризиса беспрецедентны. Для одних только США стоимость этих усилий в 2007 — 2010 гг. достигнет фантастических 10 трлн дол. Однако при столь громадных затратах, многообразии предпринимаемых мер и при мониторинге ситуации с помощью современной информатики сама эта ситуация остается странной, непонятной, гнетущей и угрожающей.

Сложность и загадочность кризиса. Проблема его второго пласта. Особая сложность нынешнего кризиса в том, что в нем, по видимому, имеется два пласта, два уровня. С первым пластом как будто бы понятно: традиционный, хотя пришел оттуда, откуда его не ждали. Он пришел не от производства (как обычно), а от потребления.

Это связано с происходящей ныне сменой главного потребительского товара рынка развитых стран. Всю вторую половину XX в. им был, конечно, автомобиль. Его сбыт обеспечивался отработанной системой потребительского кредита. Однако ныне обследования показывают высочайшую насыщенность сферы потребления этим товаром и весьма ограниченные возможности для поддержания сложившегося статуса автомобилестроения. Капитализму потребовался новый товар

№ 1. В последней трети XX в. им постепенно становится квартира, дом. Новый товар № 1 ввиду его дороговизны может заменить автомобиль только при еще большей опоре на потребительский кредит, в данном случае — на ипотеку. Но в этой сфере погоня за овладением новым громадным рынком породила серию грубейших ошибок, повлекших возникновение финансового кризиса, «пузырей» потребительского спроса, прорывы и взрывы этих «пузырей» с последовавшим сокращением потребления и «нагрянувшим» вследствие этого перепроизводством. И далее — уже по традиционному, давно известному сценарию, что диагностировано по всему миру.

Однако данное обстоятельство не лишило возникший кризис загадочности. Всплывает все больше шокирующих фактов, показывающих, что, в отличие от предшественников, наш кризис все-таки наступил не внезапно. Крупнейшие лопнувшие банки «жили во грехе» уже много лет, клещи задолженности сжимались неумолимо-неотвратимо годы и годы. Погружению банков в спекуляции явно что-то помогало, а то и направляло. Прочнейшие антикризисные редуты стояли вроде бы незыблемо, функционировали надежно, а многослойные неплатежи все глубже втягивались в экономику, разъедали ее, — и это в обстановке видимого, принимаемого на «ура» подъема. Назревает предположение, что суть проблемы не в самих спекуляциях, разнузданность которых стала притчей во языцех, а в чем-то ином, плохо видимом, мало различимом внутри спекулятивного бума, зашторенности финансовыми пузырями. Все-таки несерьезно предполагать общую утрату финансистами как профессионализма, так и хотя бы просто разумной осторожности. Что-то неидентифицируемое, непонятное целый ряд лет непреклонно-принудительно толкало массу финансистов к общепринято строго запретным полупреступным и преступным действиям. Как если бы спекуляции год от года безостановочно оставались для них единственной возможностью спастись.

И это нечто остается неизвестным. Казалось бы, сегодня в нашем информационном мире просчитать можно все. Но кризис не просчитан ни правительствами, ни известнейшими экономистами даже в старом традиционном понимании — как общий масштаб перепроизводства, т. е. как объем товарной массы, превысившей платежеспособный спрос. Почему? Этого элементарного вопроса никто даже не задает. А ведь яснее ясного: не зная, «сколько» у нас этого самого кризиса (перепроизводства), с ним даже невозможно успешно побороться. Вполне может получиться по Ф.И. Тютчеву: «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, / Хоть бой и не равен, борьба безнадежна».

Почему же нет хотя бы приближенных официальных расчетов, оценок «тела» кризиса? Таких, которые бы ориентировали и на «объе-

мы», и на «ассортимент» антикризисных мер. И которые сегодня столь настоятельно необходимы экономическим блокам захваченных кризисом государств. Конечно, по той несомненной причине, что специалисты не могут отыскать это самое «тело», доказательно идентифицировать пришельца. Полагаю, вмешивается совершенно неизвестный даже экономистам-специалистам второй пласт кризиса, сплетающийся с первым и создающий общее впечатление хаоса. Приходится признать: в обстановке неизвестности «материи» нашего кризиса нет научно отфиксированной определенности ни относительно глубины кризиса, ни по срокам его длительности. Это проявляется в самых разнообразных фактах. В их числе — анекдотическое посещение премьер-министром Латвии Валдисом Домбровскисом гадалки с целью выяснения перспектив выхода из кризиса. Или заявления российских руководителей о происходящем выходе из кризиса в условиях продолжающихся увольнений, остановок производства.

Однако, несмотря на молчанье научных центров, загадочный второй пласт кризиса все-таки замечен. Замечен загодя, за 7 — 8 лет до его прихода, что в мире экономической науки рядовым обыкновением не является. И не просто замечен, а оригинально объяснен (в его отличительных особенностях) и даже — это вообще для экономистов уникально — впервые заранее обчислен, измерен. Конечно же, это научное свершение уже само по себе заслуживает самого пристального внимания. Но исследования М.Л. Хазина важны также и тем, что «проламывают» путь в те глубинные «подземелья» экономики, куда экономистам удается проникать далеко не всегда.

В статье 2010 г. М.Л. Хазин итотжит один из основных выводов своих работ 2000-х гг. — о долговой природе кризиса. Достигнутый за предшествующие и 2000-е гг. уровень спроса не может быть обеспечен обычным функционированием экономики США, он «закрывается» и должен «закрываться» огромными заемными деньгами, которых в экономике нет. В указанной статье цифры отсутствуют, но 9 июля 2008 г. в г. Модена (Италия) М.Л. Хазин называл 5 — 6 трлн дол. Таких денег нет даже в США. «На сегодня исчерпан ресурс (долговой. — *В.К.*) двигателя... Починить его уже невозможно... Это — не рецессия, это — системный кризис» [1, 143].

Я бы поосторожничал с выводом о полной невозможности «починки» существующего механизма динамики американской (а с нею — и мировой) экономики. XX в. знает экономические «ремонтные» капиталистической экономики в весьма крупных масштабах. Так, в марте 1933 г. в радиообращении к американскому народу Ф.Д. Рузвельт сообщил о закрытии всех (всех!) банков страны, об их обследовании и возможностях последующего открытия. Это, думается, меры того же

порядка, что и упомянутые М.Л. Хазиним. Однако значение его исследований я вижу не только в столь редком для экономистов верном прогнозе первого кризиса XXI в., для меня особенно ценен в его книге 2002 г. «пролом» к основаниям нынешнего кризиса, над которым, возможно, он сам продолжает размышлять. Во всяком случае, в статье 2010 г. он его не повторил.

Главное открытие М.Л. Хазина. Научным «ядром» замечательного хазинского предсказания развернувшегося в 2007 г. кризиса мне видится проведенное Михаилом Леонидовичем исследование межотраслевого баланса экономики США за 1998 г. Был обнаружен дефект экономики фундаментального характера — тот, который в подобном масштабе до сих пор никогда не обнаруживался исследователями. Межотраслевой баланс как слепок реальной экономики до сего времени всегда и был именно балансом, равновесием итога функционирования межотраслевых связей. Оказалось, что это фундаментальное качество реальной экономики, как это ни странно звучит, утрачено. «Было обнаружено, что сектор “новой” экономики, в который были включены отрасли, связанные с информационной экономикой, а также оптовая и розничная торговля, занимая примерно 25% экономики США по потребляемым ресурсам, “выдает” обратно в экономику всего около 15%... Существенная часть экономики США существует лишь постольку, поскольку есть внеэкономическое, эмиссионное стимулирование спроса» [2].

Конечно, отдельные участки МОБ могут быть несбалансированными и в обстановке обычных процессов воспроизводства. Но М.Л. Хазиним исследована столь крупная часть экономики и такие ее отрасли, что предположение о несбалансированности, «дефицитности» одной только этой части МОБ при его общей сбалансированности в целом (за счет остальных 3/4) представляется весьма нереальным. Наиболее логичным видится вывод самого М.Л. Хазина о несбалансированности всего МОБ.

Итак, СОП (отраслевые валовые выпуски и конечная продукция) создан, он материален, образован той именно субстанцией, которая и должна в этом СОП наличествовать, но эта субстанция только частично получена от обычных материальных межотраслевых связей СОП, частично же... неизвестно откуда. В реальной экономике это может быть только долговое финансирование из источников, находящихся вовне по отношению к сфере производства СОП. Передовое современное производство стало возможным (по меньшей мере частично) лишь как производство в долг... Кому? А главное почему?

Примечательно, что рассматриваемое воспроизводственное нестроение связано с сектором так называемой новой экономики, кото-

рый в последние десятилетия развивался в США особенно бурно. На Западе давно знают национальное и всемирное значение быстроты создания новых динамичных отраслей, концерны и государство, торопясь и оставляя без внимания (для последующих «доделок») определенные трудности, объединяют здесь свои усилия и не жалеют их, вроде как «рвут на ходу подметки». И, наконец, поражают размеры выявленного явления. Поскольку «внутренне дефицитна» (так, по-видимому, можно говорить об этом феномене), согласно М.Л. Хазину, ни мало, ни много — четверть национальной экономики, то речь должна идти о сотнях миллиардов и даже о триллионах долларов специфического «внутреннего дефицита».

Возникает главный вопрос фундаментального теоретического и практического значения: этот «внутренний дефицит» производства вторичен по отношению к явлениям финансового кризиса, или же, напротив, первичен по отношению к ним? Если вторичен, то все эти процессы привычно-объяснимы. Если первичен — перед нами совершенно новая для науки проблема, требующая анализа и объяснения.

Проблемы, вытекающие из открытия М.Л. Хазина. Кризисы XIX — XX вв. были всего только «блинами», разлившимися через «сковороду» платежеспособного спроса. Все их фракции (в том числе получившиеся «комом») были субстанционально тождественны. Загадки силы и продолжительности этих кризисов, их течения-перерастания в депрессии-оживления возникали не от их внутренней трансцендентности, а всего лишь от того, что социум не видит собственного продукта (его образования и движения) так, как его видит крестьянин и при множестве частных собственников не может покрестьянски зримо-предметно распоряжаться им. Первый пласт нынешнего кризиса мало отличается от этой модели. Другое дело — второй его пласт, который, главным образом, и фигурирует в разработках М.Л. Хазина (первый пласт он даже не упоминает). Однако таких почти мистических феноменов, чтобы произведенный общественный продукт и был таковым (продукция новой экономики — реальность) и в то же время не был им, не заключал в себе своей же собственной субстанции — таких вроде бы фантастически-мистически загадочных проблем кризисы предшествующих столетий не знали.

Мне представляется, что постановки М.Л. Хазина о «внутренней дефицитности» МОБ 1998 г. — самый сильный аргумент в пользу его идеи о том, что первый кризис XXI в. — совершенно другой природы, нежели его исторические предшественники. Полагаю, правильным считать данный аргумент первичным по отношению ко всем другим. И если он действительно первичен, то огромный дефицит субстанции, требующейся для выпуска продукции, здесь сам является... внутрен-

ней пропорцией общественного производства. Современное воспроизводство стало органически несбалансированным. Крупные массы реально произведенного заключают в себе (в том числе на уровне промежуточного продукта, отраслевых валовых выпусков) субстанциональные пустоты, «пузыри», которые перекрыты инъекциями ресурсов, не содержащихся в том «обычном» спросе, который естественно создается движением нормальных межотраслевых отношений, отображаемых МОБ. Ибо «обычный» спрос продуцируется «материей» экономики, соответствует ей. А «пузыри» своего естественного спросового обеспечения не имеют. Однако без такового, как показано нынешним кризисом, ход общественного воспроизводства прерывается, экономика разваливается.

Все это звучит столь же непривычно, сколь и непонятно. Несомненно, экономической теории и практике нашего времени показанное М.Л. Хазиным нестроение общественного воспроизводства не было известно. Оно противоречит всему, о чем до сих пор писали теоретики, включая крупнейших экономистов, — вопиющее противоречие здравому смыслу. Всем известно: построение МОБ начинается с матриц отраслевых коэффициентов прямых затрат, они сплошь продуктоматериальны, и пересчеты в коэффициенты полных затрат, другие манипуляции никак не могут создать «внутренние дефициты», «пузыри», выявленные М.Л. Хазиным. Однако мне неизвестно, чтобы М.Л. Хазин, несмотря на эти кричащие противоречия с экономической теорией, отказался от выявленных им фактов («упрямая вещь»!). Он твердо отстаивает идею абсолютной новизны разразившегося кризиса, непригодности для его гашения ныне принимаемых правительствами антикризисных мер, негативно, крайне пессимистически относится к прогнозам более или менее скорого выхода США и других стран из кризисных клещей.

Я не думаю, что сами по себе публикации и выступления М.Л. Хазина быстро убедят общественность в его правоте. У него немало сторонников в аспекте неэффективности предпринимаемых правительствами антикризисных мер. «Сегодня однозначно можно утверждать: антикризисный план правительства провалился», — пишет, например, В.И. Кашин [3, 3]. Другое дело — обнажившиеся в итоге его исследований логико-теоретические проблемы, особенно связанные с «внутренней дефицитностью» МОБ.

В чем причины и каков механизм фиксации в «теле» материальной экономики пустот, «пузырей», если сами методология и методика расчета МОБ исключают их образование, существование в столь крупных масштабах, как это выявлено М.Л. Хазиным? Или более широко: как согласуются открытия М.Л. Хазина с теорией общественного воспроиз-

изводства, т. е. выводятся ли из нее открытые им воспроизводственные нестроения? В работах самого М.Л., несмотря на сделанные им важные исторические и теоретические пояснения, ответа на эти вопросы пока что не просматривается. Однако, по моему мнению, ответы все же имеются. Они связаны с нечасто попадающими в поле зрения исследователей изменениями в воспроизводстве основного капитала.

Принципиальные изменения в общественном воспроизводстве во второй половине XX в. Во второй половине XX в. исследователи зафиксировали смену в развитых странах (США, Европе, Японии) моделей воспроизводства основного капитала. Так, авторы одной из работ писали о смене динамической модели, при которой воспроизводство основного капитала осуществлялось, преимущественно, за счет нормы накопления, т. е. обращения части национального дохода на приобретение добавочных факторов производства, ее противоположностью — стационарной моделью, в соответствии с которой обновление основного капитала осуществляется за счет амортизационного фонда [4]. Это изменение, в общем, известно экономистам (хотя его научный анализ представляется неполным: так, никто не рассмотрел кричащего расхождения модели с фундаментальной зависимостью макроэкономической теории $S=I$). Но в столь общей постановке связь происшедших изменений с воспроизводственным эффектом «внутренней дефицитности» пока что достаточно четко не просматривается.

Исследуя в 1970 — 1980-х гг. свои (многokrатно опубликованные) схемы народнохозяйственного движения затрат и результатов, я столкнулся с неожиданными трудностями моделирования расширения производства. Причина оказалась в объективном существовании воспроизводственной зависимости, запрещающей (при некоторых условиях) экстенсивный экономический рост в соответствии с динамической моделью воспроизводства основного капитала. Несмотря на свою простоту, данная зависимость остается незамеченной специалистами в области теории воспроизводства. В последнее время в связи с замаячившей перспективой полумиллиардной всемирной безработицы и катастрофического противоборства в этой связи «первого» и «третьего» миров («Севера» и «Юга») я переопубликовывал некоторые итоги этих своих исследований в «Философии хозяйства» (2008, № 6) и в «Экономисте» (2008, № 7). Однако сегодня сцепление причин и следствий указанной воспроизводственной зависимости подводит также и к рассматриваемому «внутреннему дефициту» общественного воспроизводства.

Напоминаю отправной, исходный тезис. Накопление капитала может иметь место лишь тогда, когда годовая продукция капиталосоздающих отраслей превышает годовое потребление этой продукции на

цели восстановления израсходованного основного капитала: $K > A$. Только при этих обстоятельствах у социума есть ресурс для экстенсивного расширения производства (для обращения части национального дохода на цели накопления) $K - A$. Обеспечение уже этого неравенства в современной экономике весьма затруднено, а то и невозможно. Но главное все же не в этом первом неравенстве. Увеличение основного капитала требует расширения производства не только элементов основного капитала, но и сырья, материалов и других предметов труда, для чего требуется опять же основной капитал. Обобщая эту реальность, я представил второе, более сложное неравенство, совершенно недостижимое для современной передовой экономики. Оно таково, что в соответствующих странах инвестиции в новые производства впору сравнивать с самоубийством. Наконец, очевидно, что такое расширение производственного потенциала должно сопровождаться (для обеспечения потребностей дополнительных работников) и увеличением производства предметов потребления, что вновь требует соответствующего расширения основного капитала (третье неравенство). Иначе говоря, второе и третье неравенства заключают в себе требования к дальнейшему превышению значения K над величиной A . Параметр K должен быть не просто больше A , а больше очень значительно, даже кратно (на величину, рассчитываемую на основе второго и третьего неравенств).

Еще в первой половине XX в. развитые страны не встречали выраженных внутренних воспроизводственных препятствий к расширению своих производящих мощностей, не упирались в запреты, полагаемые указанными неравенствами. Однако ориентация мирового производства на прибыль в обстановке угнетения золотого стандарта, а затем и его отмены, оторвали движение цен от стоимости. Рост производительности труда как будто бы понижал стоимость товаров, но все более не только без соответственного уменьшения цен, но при их инфляционном повышении и то, и другое увеличивало прибыль. Функционирующий капитал воспроизводился во все более высоких ценах, ухудшалось отношение между продукцией капиталопроизводящих отраслей и растущей денежной оценкой функционирующего капитала. И вот в системе пропорций общественного производства в развитых странах самовыстроились новые регуляторы экстенсивно-интенсивного экономического роста, невидимые, но жесткие «ворота», сначала затруднявшие, а затем и запретившие экстенсивное расширение производственных мощностей. Никто из экономистов и государственных деятелей их, к сожалению, не разглядел, но они сами красноречиво заявляют о себе значимыми хозяйственными событиями, тенденциями, процессами.

Следствия появления и функционирования новых регуляторов интенсивно-экстенсивного роста. Интенсивный экономический рост через капитализацию амортизационного фонда не имеет никаких внутривоспроизводственных препятствий. Бизнес эмпирически знает, чувствует это и, как вода в половодье, естественно «течет» по неперегороженному «руслу» стационарной модели.

В США вынужденный поворот к стационарной модели произошел в 1950 — 1960-е гг. В Европе несколько позже. Это обеспечило указанным странам систематическое обновление производства и фронтальное, в масштабе всего хозяйства, движение к новым технологиям, повышение общественной производительности труда. Развитые капиталистические страны как бы «обошли» опасные, труднопроходимые «места» воспроизводства, не «вламывались» в них, и получили к концу столетия более эффективные экономики, нежели экономика СССР (хотя и не избежали других весьма серьезных проблем).

Функционирование новых регуляторов, запрещающих экстенсивно расширять производственный аппарат, обращать часть национального дохода в «чистые инвестиции», постепенно перевернуло всю проблему капиталовложений. Шаг за шагом создавалась общественная обстановка, в которой инвестиции, теперь реально ограниченные амортизационным фондом, а не сбережениями (как убеждают все учебники), и ввиду этого становящиеся «дефицитом», стали де-факто главным экономическим и социальным фокусом развития каждой страны. Повсюду возникли законодательства (включая межстрановые и международное) по поводу привлечения, обеспечения, осуществления, защиты инвестиций. Инвестиции, их редкость, погоня за ними, борьба за их привлечение и за обладание перемещаются в центр внутренней и международной политики. Создана и продолжает развиваться международная и страновая государственная и частная инфраструктура, занимающаяся этими вопросами. Первая половина XX в. не знала таких проблем в их современных постановках.

Новые регуляторы постепенно изменили и систему социальных отношений. В первой половине XX в. главными вопросами классовой борьбы, забастовочного движения были уровень заработной платы и содержательность, состав социальных обеспечения, помощи, защиты. А к 1980-м гг. на первое место вышла сохранность-стабильность занятости. Вместо новых «чистых» инвестиций как источников занятости трудящиеся стали сталкиваться с миграцией заводов и фабрик. «Управленцы в частном секторе, экспортируя целые фабрики, превратили упразднение рабочих мест в постоянную цель предпринимательства» [5]. Понятно, рабочие и служащие все чаще жертвовали даже

уровнем оплаты, социальными благами ради спасения своих рабочих мест от сокращения, ликвидации.

В СССР, как и в капиталистических странах, тоже теоретически не осознавали новые регуляторы, которые там в те же 1950 — 1960-е гг. начали «показывать зубы». Однако страна волевыми усилиями плановой системы принялась протаскивать-проламывать свою экономику через «ворота», «засовы» регуляторов. Последствия известны: рост экономики только через строительство новых предприятий, стагнация техники и технологий за пределами военной промышленности, поражение в экономическом соревновании с капитализмом и т. д.

Расчеты на основе моделей Д.А. Черникова показали, что в аспекте использования национального дохода для экономического роста в наиболее благоприятном положении страна находилась в 1960 г. Ситуация в стране соответствовала первому неравенству, однако требования второго и третьего уже крупно нарушались. Осуществление экономического роста на базе, главным образом, динамической модели завело страну в непролазные воспроизводственные дебри. В 1990 г., по моим расчетам, на единицу стоимости продукции капиталосоздающих отраслей приходилось 1,6 единиц стоимости основных фондов тех же отраслей. Это означает нарушение требований даже первого неравенства, теоретическую невозможность самого малого увеличения производственной мощности указанных отраслей.

Для экстенсивного расширения данных отраслей необходимо часть их же продукции направить в их основной капитал. Направить можно лишь продукцию, свободную от иных обязательств. Но таковой не может быть — ее не производят. Значит, для рассматриваемого расширения производства надо «запустить» в производство выпуск дополнительной продукции (тех же отраслей). Но...

Но под это увеличение по условиям СССР предварительно нужна была опять же продукция в виде средств труда, в 1,6 раза превышающая запланированное искомое увеличение. Почему? Да по той простой причине, что объективно существовало обязательное-непременное отношение между мощностью и продукцией 1,6. Чтобы появилось добавление (в виде соответствующей продукции) к мощности величиной в одну единицу, должно наличествовать «парное» добавление продукции в 1,6 единиц. Чтобы эту дополнительную продукцию заполучить, опять нужна еще большая (в те же 1,6 раз) дополнительная продукция, и так без конца: дурная бесконечность... И это лишь начало воспроизводственного кошмара. Предположим, дурная бесконечность каким-то чудом удачно завершилась, нам все-таки какой-то мистикой удастся расширить на единицу производственные возможности капиталосоздающих отраслей. Но беды только начинаются. Надо заполучить уже

не единицу, а целых 7,5 ед. добавочных средств труда в производствах оборотных производственных фондов (требование второго неравенства). Откуда? Оттуда же — все из той же нерастягивающейся продукции капиталосоздающих отраслей. А напоследок — проблема расширения также и отраслей, выпускающих предметы потребления (третье неравенство). В общем итоге для создания (в годичном интервале) все той же добавочной единицы (в стоимостном измерении) производственной мощности капиталосоздающих отраслей, в 1990-м г. надо было откуда-то занять 16 единиц такой же капитальной продукции. И это только для небольшого, в одну единицу, увеличения мощности капиталопроизводящих производств. Причем все 16 единиц должны быть чудесно получены... от указанного увеличения мощности: больше неоткуда (ни производства элементов оборотных фондов, ни отрасли предметов потребления требуемой продукции дать не могут). А следующее увеличение мощности? А дальнейшее? Неограниченное повторение дурной бесконечности. Разрастание никогда не утоляемого дефицита.

Межотраслевое балансирование в этой ситуации показывало бы дисбаланс, направление ресурсов в определенные производства и неполучение от этих ресурсов адекватной отдачи. Не с этим ли эффектом столкнулся М.Л. Хазин при анализе межотраслевого баланса США 1998 г.?

Не зная рассмотренных неравенств и их общего итога по СССР в 1980-е гг., плановики и управленцы имели дело с конкретными дефицитами и бились с ними, как могли, — маневрировали двух-, а то и трехсменной работой, перебрасыванием заданий, импортом, новыми капиталовложениями и т. д. Но «ворота» прохода в сбалансированность, бездефицитность сжимались все уже, ибо сохранялся курс экстенсивного расширения на базе динамической модели. Я. Корнаи дефицитность советской экономики наивно выводил из ее нерыночного централизма. Между тем для СССР 1960 — 1990-х гг. причины его дефицитов лежали совершенно в другой, воспроизводственной плоскости.

Рождение и сущность феномена «внутреннего дефицита». Но ведь в США вот уже с полвека вроде бы как возобладала статическая модель воспроизводства основного капитала и экономического роста с присущей ей бездефицитностью ресурсов, сбалансированностью, можно сказать, неуязвимостью. Переход к ней подкреплен достижениями государственно-корпоративной экономики в регулировании, обережении общей пропорциональности воспроизводства. Откуда тогда открытые М.Л. Хазиним «пузыри», провалы во «внутреннем» ма-

териальном обеспечении общественного воспроизводства, порождающие загадочный второй пласт современного кризиса?

В конце XX в. в аспекте занятости населения в развитых странах происходили сложные процессы. Крупнейшие американские корпорации увольняли миллионы работников традиционных производств либо переводили их рабочие места за рубеж. Проблема создания новых рабочих мест в ежегодных докладах президентов США стала первостепенной. Однако занятость в стране все же спасли, причем с крупным перекрытием. Страну выручили как раз те новые отрасли, о которых пишет (и которые исследовал) М.Л. Хазин. Их развертывание стало рассматриваться в США в аспекте национального престижа и выживания. В итоге с 1980 по 1995 г. общая занятость в США увеличивается на 24%, в Японии — на 17, в Европейском сообществе — на 2% [5].

Все становится понятным. В конце XX в. развитый мир, прежде всего США, покидает освоенную полвека назад стационарную модель воспроизводства основного капитала и возвращается к динамической. Естественно, сегодняшние США помноженно повторяют ошибки СССР. Ведь пропорции общественного воспроизводства теперь таковы, что скрывавшиеся в тени стационарной модели безвредные, никому не мешающие новые регуляторы роста сразу становятся низвергающимися гигантами, возвышающимися над всей экономикой, с места в карьер развертывают свою разрушительную работу. И уже в 2001 г. в днище американской экономики М.Л. Хазин обнаруживает колоссальную воспроизводственную пробоину типа дурной бесконечности, угрозу для США не просто в тенденции, а в будущем. Она, эта угроза, уже начала обескровливать и топить эту величайшую экономику.

Перспективы. В представленных суждениях много пробелов. Совсем не рассмотрены такие принципиальные и значащие вопросы, как российская втянутость в американский и мировой кризисы, российские первый и второй его пласты, российские антикризисные меры и целый ряд других. Но серьезные ответы на них должны последовать лишь на основе верификации или, напротив, опровержения выдвинутых выше соображений. А эти соображения — обобщение открытия М.Л. Хазина и, по моему мнению, достаточно обоснованного, хотя и нового для теории, условий общественного воспроизводства, исследовавшихся мною на протяжении десятков лет. Эти условия, как подтверждает опыт СССР, Японии, а ныне и США, действуют с непреложной силой (хотя, конечно, я допускаю возможность неточностей в своем анализе).

Встает естественный вопрос о перспективах второго пласта нынешнего кризиса — того экономического монстра, верховая часть («плавник», «гребень») которого ныне «кризисует» на поверхности. Абстрактно неразрешимых проблем вроде бы и нет: вернуться к ста-

ционной модели — и чудовища-регуляторы, рвущие сейчас американское (и не только) производство, враз утрачивают силу. Однако вся совокупность американских и всемирных национальных и глобальных процессов заставляет усомниться в самой возможности такого возврата в обозримой перспективе. К этому добавляется субъективный фактор. Даже колоннады убедительнейших фактов и громадный материальный ущерб не заставили ряд стран всерьез включиться в спасение природы. Для того, чтобы США, Япония, весь развитый мир изменили модель воспроизводства основного капитала, требуется абсолютная убежденность в этом главных сил правящих классов. Разве это будет достигнуто несколькими публикациями М.Л. Хазина, пусть даже и вызвавшими определенный общественный интерес?

Разрушение американской — и не только американской — экономики в ближайшие предстоящие годы, по всей видимости, будет, по меньшей мере, «тлеть», а вполне возможно, и нарастать. Не научные статьи, а суровые эсхатологические обьятия действительности — вот что вразумит и убедит даже самые консервативные правительства стран «первого мира»: от принципиального поворота экономического и социального развития никуда не уйти. К тому же в действие рассмотренных регуляторов обязательно вольется фактор все более усиливающегося давления миллиардов обездолженных «южан», отчаянно прорывающихся к новым рабочим местам в оазисы современной занятости, в регионы питьевой воды и минимального достатка. Отгородиться от них мексиканскими, палестинскими и иными стенами не удастся, неизбежен род общественного договора «первого» и «третьего» миров. Конкретные перипетии предстоящего предсказать невозможно. Но научный выход все же имеется. Я весьма обстоятельно характеризовал его в ряде публикаций.

Наверняка придется решительно отказаться от прибыли как цели производства. Ведь это в погоне за нею бизнес не уменьшает отпускных цен при росте производительности труда, что в итоге медленно, но верно удорожает основной капитал относительно стоимости продукции капиталосоздающих отраслей, порождает разрушительные регуляторы роста. Спасение в том, чтобы запустить противоположный процесс абсолютного и относительного удешевления основного капитала, рассасывающий беспощадные регуляторы и постепенно открывающий возможности «южанам» для «северной» занятости. Я давно показываю, что у социума есть такие, причем вполне реальные, возможности и пути. Макроэкономически они совершенно новые, хотя каждый их квант миллиарды раз верифицирован и выверен самой объективной экономикой. Эти пути принципиального ускорения удешевления основного капитала совпадают с опять же принципиально но-

вым всеобщим необоримо захватывающим стимулированием поискового новаторского труда (на базе производства динамической ренты), а одновременно. Никогда еще не использовавшиеся стимулы мощно заинтересовывают индивидов во всестороннем сотрудничестве, трудовом единстве (подробнее об этом см.: [6, 175 — 216] и в других моих работах).

Рассмотренные выше проблемы — чрезвычайных значимости и неотложности. Благодаря М.Л. Хазину экономисты движутся к прозрению, задаются вопросом — не находимся ли мы уже сегодня в центре обрушения всей социально-экономической тектоники. Весьма срочно необходимы новые интенсивные исследования. Сроки бить тревогу, похоже, уже даже и пропущены.

Литература

1. *Хазин М.Л.* Почему нынешний кризис — системный // *Философия хозяйства*. 2010. № 2.
2. <http://financecrisis.ru/page/mhazin-teorija-krizisa-doklad-n>.
3. *Кашин В.И.* Черный передел конституционного поля // *Экономическая и философская газета*. 2010. № 10.
4. *Материальное накопление в условиях рыночной экономики*. М., 1991.
5. *Управление занятостью в США* // <http://www.referama.ru/txt.php?ch=5849>.
6. *Корняков В.И.* *Послезавтра: краткая политическая и социальная экономия*. Ярославль, 2007.

Р.М. НУРЕЕВ, Н.А. НУРЕЕВА

Экономическая модернизация России после кризиса: мифологемы и реальность

Аннотация. Россия вступила в кризис позднее других стран, но он оказался в ней гораздо глубже, чем в Европе и США. Авторы пытаются выделить основные барьеры инновационного развития в России, анализируют факторы, способствующие и препятствующие перерастанию России из общества индустриального в общество постиндустриальное.

Ключевые слова: мифологемы, ИРЧП, инновации, социальная дифференциация, образование, производительность труда.

Abstract. Russia has entered a crisis later than other countries, but it is deeper than in Europe and in the USA. The authors try to identify the main barriers to innovation development in Russia, examining factors impeding the evolution of Russia from an industrial society in the post-industrial society and some factors contributing to this evolution.

Keywords: mythologems, Human Development Index, innovation, social differentiation, education, productivity of labour.

Финансовый кризис отчасти продлил наметившиеся до кризиса тенденции, отчасти усилил их. В ходе современного финансового кризиса произошло резкое изменение глобальной структуры промышленности. Россия вошла в кризис позднее других стран, и он оказался здесь гораздо глубже, чем в Европе и США. Однако уже сейчас многие экономисты думают о том, как будут обстоять дела в России после кризиса.

В последнее время все чаще и чаще появляются грандиозные планы экономического развития России. Однако, как это часто бывает в России, не обходится без мифологем. Действительно, в последние годы приняты новые законы о земле, труде, дебиюкратизации, новые правила и регламенты для судебной системы, разработана концепция административной реформы и начали претворяться в жизнь национальные проекты в области образования, здравоохранения, жилищного строительства и сельского хозяйства. Однако возникают вопросы: за счет чего это удалось сделать, каковы составляющие экономического роста? Насколько быстро развивается новая экономика и удалось ли преодолеть монокультурную специализацию страны? Как сделать этот экономический рост устойчивым и необратимым? Все ли сделано для того, чтобы повысился научно-технический потенциал Российской Федерации? Что в этих рассуждениях идет от мифологемы¹ о том, что Россия — лучшая в мире страна, а что отражают реальные тенденции развития? Что способствует и что препятствует перерастанию России из общества индустриального в общество постиндустриальное?

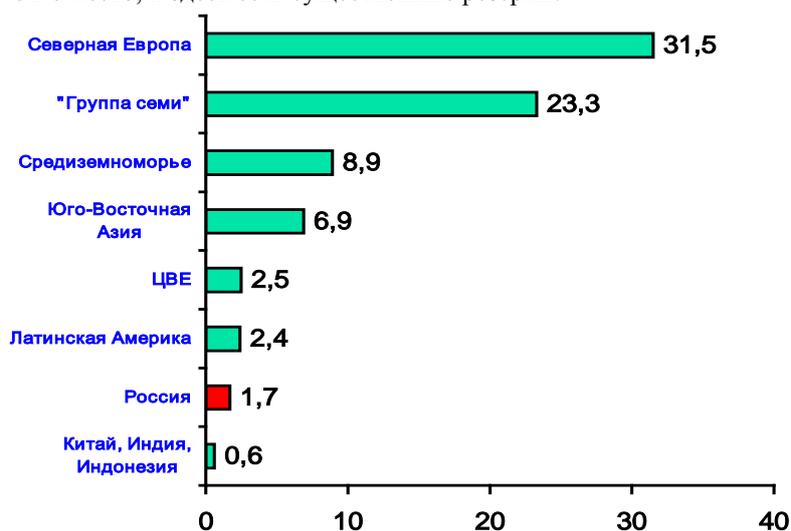
Означает ли это, что к постиндустриальному обществу скоро перейдут народы всех стран и континентов? Разделять этот подход означает также предаваться миру иллюзий. Если покинуть сферу мифологем и обратиться к реальности, то мы увидим крайне неравномерное распределение богатства и достижений научно-технического прогресса в мире. Основные плоды НТР достаются лишь развитым странам,

---

¹ Мифологема — сознательное заимствование мифологических мотивов и перенесение их в мир современной культуры.

доля которых в мировом населении будет только падать. Расчеты показывают, что в обозримом будущем разрыв преодолен не будет.

Россия, имея индекс развития человеческого потенциала, равный 0,802, попала в конец первой группы стран с высоким уровнем человеческого развития, оказавшись в одной группе с такими странами, как Бразилия, Мексика, Саудовская Аравия и Ливия. От развитых стран Россию отделяет, прежде всего и главным образом, низкая продолжительность жизни. По этому показателю она находится на 119-м месте. По остальным показателям разрыв не столь велик. Более того, сложилась парадоксальная ситуация, что по показателю ВВП на душу населения Россия занимает даже более выгодную 58-ю позицию, чем по индексу развития человеческого потенциала (67-я). По объединенному показателю доступности начального, среднего и высшего образования — 31-е место, и здесь есть существенные резервы.

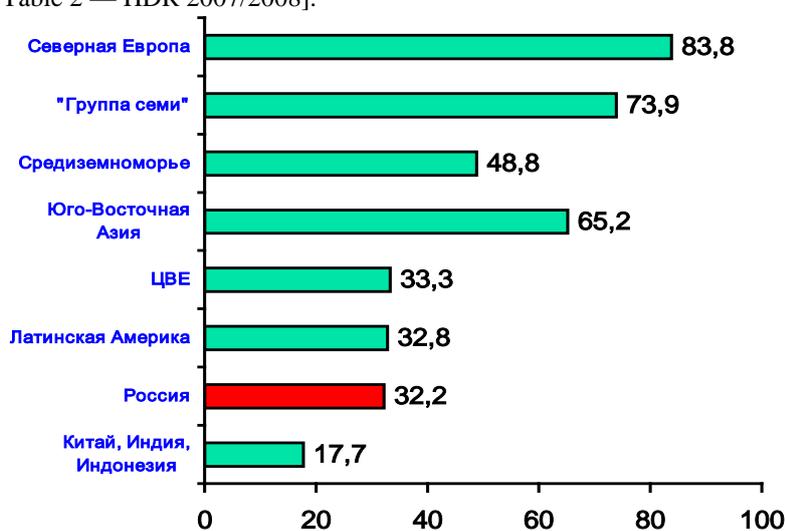

Источник: [2, 31].

Рис. 1. Заработная плата в промышленности (2004), дол. в час, по обменному курсу

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) выше в финансовых центрах России и в богатых нефтедобывающих районах. Это означает, что только 26% населения России живет в развитых регионах, где ИРЧП заметно выше среднего, тогда как 68% населения живет в регионах, где он ниже среднего, а 6% населения — в таких регионах, которые сильно отстают от среднероссийских показателей [1, 143].

Ситуация в последние годы меняется. Если с 1990 по 1995 г. было заметное снижение индекса, то в последние 10 лет наметился позитивный рост. Однако не следует обольщаться: мы только вернулись к уровню конца 1980-х гг., когда существовал заметный разрыв между СССР и развивающимися странами. За эти годы он заметно сократился, и мы сейчас вышли на уровень, который был достигнут за эти годы Латинской Америкой и странами Карибского бассейна [1, Indicator Table 2 — HDR 2007/2008].

Источник: [2, 31].

Рис. 2. Производительность труда в промышленности, 1000 дол. на одного занятого, по ППС, 2004

Развитые страны по-прежнему затрачивают не только в абсолютном, но и в относительном выражении гораздо больше средств, чем Россия. В 2003 г. Россия тратила на здравоохранение в 1,5 раза меньше, чем Швеция, в 2 раза меньше, чем Германия, и почти в 3 раза меньше, чем США.

Если 15 лет назад в России наблюдались позитивные темпы естественного прироста населения (на 13,4 родившихся в 1990 г. приходилось 11,2 умерших), то в последние 10 лет наблюдается естественная убыль населения (в 1996 г. она составила -5,3 на каждую 1000 человек, в 2001 — 6,6‰ и в 2005 — 5,9‰). И если население России продолжает в последние годы увеличиваться, то главным образом за счет миграционного прироста, темпы которого в последние годы сокраща-

ются (если в 1996 г. миграционный прирост составлял 3,5 %, то в 2001 — уже 1,9 % и в 2005 г. лишь 0,9%).

Второй параметр, входящий в состав индекса человеческого потенциала, — это образование. Успехи российского образования очевидны. Однако если их оценивать по получаемому доходу, то они смотрятся довольно скромно на фоне остального мира. Эффективность вложений в человеческий капитал проверяет рынок. В конечном итоге важным элементом этой проверки является уровень национальной заработной платы.

Таблица 1

Соотношение России и других стран мира по заработной плате и производительности труда в промышленности (Россия = 1, 2004 г.)

	Почасовая заработная плата	Производство добавленной стоимости на одного занятого
Северная Европа (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия)	18,2	2,6
«Группа семи»	13,5	2,3
Средиземноморский регион (Португалия, Греция, Испания, Словения, Турция, Израиль)	5,2	1,5
Юго-Восточная Азия (Ю. Корея, Малайзия, Сингапур)	4,0	2,0
Центральная и Восточная Европа (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия)	1,5	1,0
Латинская Америка (Чили, Колумбия, Мексика, Венесуэла)	1,4	1,0
Россия	1,0	1,0
Новые «центры силы» Азии (Китай, Индия, Индонезия)	0,3	0,5

Источник: [2].

В 2004 г. почасовая заработная плата в промышленности составляла в России 1,7 дол., и хотя это было в 3 раза выше, чем в Китае, Ин-

дии и Индонезии, но в 1,4 меньше, чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Латинском Америке. Тогда как по производительности труда в промышленности Россия находилась на том же уровне, что и страны ЦВЕ и Латинской Америки (рис. 1, 2).

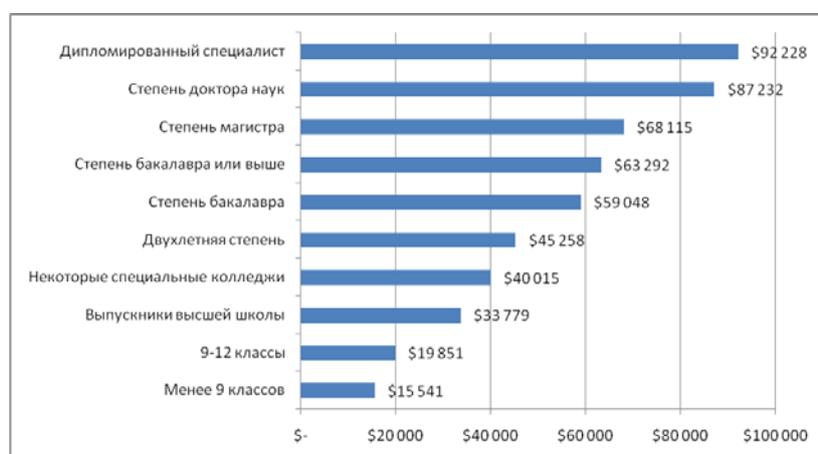
Однако по сравнению с «группой семи» почасовая заработная плата отставала в 13,5 раза, а со странами Северной Европы (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия) и того больше — в 18,2 раза. В то же время по производству добавленной стоимости на одного занятого разрыв не столь велик: он составляет 2,3 раза для «группы семи» и 2,6 раза для Северной Европы (табл. 1). Из этого следует, по меньшей мере, два вывода. Большой разрыв в производительности труда (в 2,6 раза) свидетельствует о том, что у нас есть большие резервы для ее повышения. А разрыв в заработной плате позволяет использовать рост заработной платы как стимул повышения производительности труда. Именно об этом писал Гуннар Мюрдаль [3].

Начало рыночных реформ в России сопровождалось не только общим падением уровня доходов населения, но и ростом неравенства в их распределении. В настоящее время существуют глубокие различия в заработной плате, которые порождаются межотраслевыми и межрегиональными различиями в оплате труда. Общий вывод, который можно сделать, довольно неутешителен: структура оплаты российских граждан не соответствует эпохе НТР. Более того, сложившаяся система образования не способствует исправлению ситуации. Высшее образование стало социальной нормой, не отражая адекватно уровень способностей. Между тем на Западе повышение образования способствует росту уровня оплаты труда.

Характерно, что каждый уровень образования в США способствует повышению годового дохода домохозяйств, причем разрыв этот очень значителен. Американцы, не сумевшие окончить 9 классов 12-летней средней школы, получают в 6 раз меньше, чем те, кто защитил докторскую диссертацию в университете. Однако важен не только этот финальный разрыв, важны градации: те, кто закончил среднюю школу, получают в 2 раза больше, чем не закончившие ее; получившие степень бакалавра — в 2 раза больше чем те, кто имеет аттестат о среднем образовании. И там важно не только учиться в школе, но и сдать выпускные экзамены на аттестат зрелости, не только посещать университет, но и получить аттестат бакалавра, не только учиться в магистратуре, но и защитить магистерскую диссертацию (рис. 3).

Однако сохраняющаяся в России система высшего и среднего специального образования не способствует решению указанной выше проблемы. Поскольку большая часть образовательных услуг в настоящее время предоставляется государством бесплатно, возникает

естественное стремление получить эти блага в максимальном количестве независимо от роста их отдачи. Получение образования является тем общественным благом, которое увеличивает разрыв между ожидаемыми частными выгодами и частными издержками. Так как этот разрыв растет с каждым годом обучения, то в России появляется естественная тенденция к росту продолжительности обучения, независимо от отдачи, которое это обучение могло бы принести.

Источник: [4].

Рис. 3. Ежегодный годовой доход домохозяйств в зависимости от уровня образования (США, 1997)

В процессе перехода к рыночной экономике произошло старение технического потенциала России — увеличился срок службы основных фондов. Если в 1970 г. свыше 70% оборудования России имело возраст до 10 лет, то в 2000 г. почти 60% оборудования имело возраст свыше 16 лет. Средний возраст оборудования вырос с 8,42 лет до 18,7 лет² (табл. 2).

Не удивительно, что Россия в настоящее время по производительности труда оказывается ближе к Румынии, Болгарии, Украине и Белоруссии [5, 28]. Правда, совокупная производительность труда в России в начале 2000-х гг. значительно выросла. Причины этого роста общеизвестны: это произошло за счет роста нефтегазового сектора, на долю которого приходилось 20% ВВП России, но менее 1% занятости

² К сожалению, после 2000 г. Росстат перестал публиковать соответствующие данные.

[5, 28]. Производительность труда в нефтегазовой отрасли была почти в 30 раз выше, чем в других отраслях промышленности. Однако в последнее время ситуация ухудшается, так как занятость в этом секторе растет быстрее производительности труда.

Таблица 2

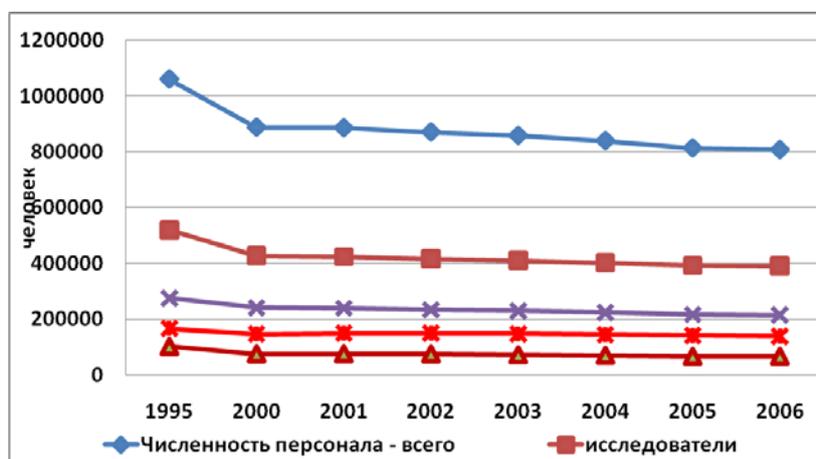
Возрастная структура оборудования в России

Годы	1970	1980	1990	1995	2000	
Все оборудование	100	100	100	100	100	
Из него воз- раст, лет	0—5	40,8	35,5	29,4	10,1	4,7
	6—10	30	28,7	28,3	29,8	10,6
	11—15	14	15,6	16,5	21,9	25,5
	16—20	6,9	9,5	10,8	15	21
	> 20	8,3	10,7	15	23,2	38,2
Средний возраст, лет	8,42	9,47	10,8	14,25	18,7	

Источник: Росстат, 2008.

Необходимым условием роста производительности труда является развитие фундаментальных и прикладных научных исследований. И здесь былые успехи российской науки тоже очевидны. Однако за последние 11 лет, по данным Госкомстата, число исследователей сократилось на 130 тыс. человек, техников — на 35 тыс., вспомогательного персонала — на 60 тыс., прочего персонала — на 30 тыс. человек (рис. 4). Конечно, коммерциализация науки предполагает оптимизацию числа научных сотрудников. Однако если это происходит без существенной перестройки организационных механизмов и управления, это может нанести существенный ущерб науке.

Хотя по-прежнему Россия занимает 3-е место в мире по численности занятых в сфере НИОКР, по внутренним расходам на исследования и разработки она уже переместилась на 9-е место [7]. Однако за этими общими цифрами скрывается еще более печальная ситуация. Если мы пересчитаем расходы на исследования и разработки на одного занятого в сфере НИОКР, то окажется, что в России в 2004 г. они составляли 17 тыс. дол. по ППС. В этом году в Польше они составляли 34 тыс., в Чехии — 67 тыс., Китае — 82 тыс., США — 130 тыс., а в Южной Корее — 146 тыс. дол. [8].

Источник: [6].

Рис. 4. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (человек), 1995 — 2006 гг.

Главным источником финансирования становится предпринимательский сектор, который в основном занят НИОКР (рис. 5). Темпы его роста с 1995 г. устойчиво опережали затраты государства, организаций высшего профессионального образования и некоммерческих организаций.

Источник: [9].

Рис. 5. Внутренние затраты на исследования и разработки по секторам деятельности, млн р. (1995 г. — млрд р.)

Ориентация на НИОКР имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, ускоряется внедрение в производство научных и опытно-конструкторских разработок. С другой — это приводит к тому, что начинается отставание задела фундаментальной науки. Правда, изменения пока не столь велики. Однако если эта тенденция сохранится, то будут утеряны сравнительные преимущества, которыми еще недавно обладала Россия в области фундаментальной науки. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть исследований и разработок в предпринимательском секторе осуществляется за счет средств государственного бюджета, что позволяет некоторым экономистам писать о «паразитизме частного сектора на ресурсах госсектора» [10].

Эффективность вложений в науку отражается на уровне внедряемых в стране инноваций. В целом, в России система инноваций сильна на входе и относительно слаба на выходе. Россия по традиции тратит значительную долю ВВП на исследования и разработки. Однако значительная доля этих ассигнований идет на содержание большого количества государственных исследовательских учреждений, по-прежнему слабо связанных как с системой подготовки кадров, так и с предпринимательской деятельностью. Коммерческие же организации вкладывают пока очень мало средств в науку. Их пока устраивают возможности экстенсивного роста — роста, основанного больше на расширении рынка, чем на его интенсификации. Поэтому не удивительно, что большинство российских разработок патентуется в других странах, в том числе в США, которые начинают более активно использовать российские научные ресурсы, чем отечественные компании [11].

В последние годы российское правительство выдвинуло ряд инициатив в области инновационной политики. Предусматривается создание зон технико-внедренческого типа, технопарков и наукоградов. Однако эти меры затронут, в первую очередь, компании, расположенные на территории тех субъектов РФ, где предполагается создание соответствующих зон.

С точки зрения новаторских возможностей Россия занимает общее 35-е место. Однако для нее характерен сильный разброс между различными показателями, составляющими этот индекс [5, 56]. Так, если по индексу ученых и инженеров Россия занимает 9-е место, то по индексу кластерного окружения — 41-е место, по индексу связи с вузами — 44-е место, по индексу политики новаторства — 58-е место, а по индексу деятельности и стратегий компании — только 63-е место (табл. 3). Такой большой разброс между разными аспектами новаторских возможностей значительно снижает общую эффективность. Это

приводит к тому, что по выходу патентов на международный рынок, мы уже заметно уступаем Индии и Китаю [5, 37].

Таблица 3

Индекс новаторских возможностей: относительное положение России в 2004 г.

Место	Индекс ученых	Индекс политики	Индекс кластерного окружения	Индекс связи с вузами	Индекс деятельности и стратегии компаний
...	<i>Россия (9)</i>	...	...	...	...
40	Италия	Греция	Марокко	Индонезия	Южная Африка
41	Латвия	Чехия	<i>Россия</i>	Португалия	Литва
42	Румыния	Литва	Нигерия	Египет	Маврикий
43	Аргентина	Словакия	Кипр	Уганда	Египет
44	Мозамбик	Ботсвана	Бахрейн	Турция	Индия
45	Китай	Намибия	Турция	<i>Россия</i>	Польша
46	Коста-Рика	Бахрейн	Эстония	Венгрия	Иордания
47	Египет	Италия	Украина	Иордания	Венгрия
48	Тринидад и Тобаго	Мальта	Мексика	Ямайка	Мексика
49	Чили	Иордания	Словения	Бахрейн	Тунис
50	Кипр	Чили	Литва	Коста-Рика	Эстония
51	Македония	Марокко	Коста-Рика	Греция	Португалия
52	Индонезия	Хорватия	Филиппины	Тринидад и Тобаго	Пакистан
53	Маврикий	Сербия	Кения	Панама	Панама
54	Тунис	Танзания	Панама	Намибия	Ботсвана
55	Марокко	Уганда	Греция	Мадагаскар	Марокко
56	Бразилия	Египет	Маврикий	Мали	Таиланд
57	Турция	Гамбия	Чехия	Маврикий	Намибия
58	Уругвай	<i>Россия</i>	Колумбия	Вьетнам	Тринидад и Тобаго
59	Малайзия	Тринидад и Тобаго	Намибия	Ботсвана	Сальвадор
60	Вьетнам	Мали	...	Танзания	Китай
...	...	...	...	...	<i>Россия (63)</i>

Источник: [7, 56].

В качестве основного препятствия в первую очередь называют неадекватную защиту прав интеллектуальной собственности. По мнению М. Портера и К. Кетелс, с точки зрения развития науки и техники, кадровых ресурсов, материально технической базы и развития кластеров ситуация в России не только не уступает другим странам, но и в ряде случаев заметно превосходит. Здесь наследие плановой экономики играет, скорее, позитивную, чем негативную роль. Это позволяет по качеству общих экономических условий России занять 71-е место среди 127 стран, включенных в обзор глобальной конкурентоспособности за 2007 г. Однако условия спроса, неразвитость рынков капитала, недостаточность рыночных стимулов и наличие ограничивающих административных правил и процедур снижают интенсивность конкуренции и препятствуют повышению конкурентоспособности национальной промышленности и экономики в целом. Обращает на себя внимание тот факт, что стороны, которые ослабляют конкурентоспособность, носят не технико-экономический, а институциональный характер [5, 47].

Таблица 4

Место России в индексе ведения бизнеса

Легкость	2007	2008	2009
1. Создания новой компании	33	52	65
2. Получения лицензий и разрешений	163	180	180
3. Найма работников	87	100	101
4. Регистрации собственности	44	46	48
5. Получения кредитов	159	102	109
6. Защиты интересов инвесторов	60	84	88
7. Уплаты налогов	98	136	134
8. Ведения международной торговли	143	162	161
9. Принудительного обеспечения выполнения контрактов	25	18	18
10. Ликвидации компании	81	83	89
<i>Общий индекс</i>	<i>96 из 175</i>	<i>112 из 180</i>	<i>120 из 180</i>

Составлено по: Doing Business 2009.

С 2004 г. Всемирный банк публикует доклады «Doing Business», посвященные опыту проведения реформ в различных странах. Он охватывает 180 стран мира. Все страны ранжируются с точки зрения набора показателей, включающего десять областей ведения бизнеса, а именно: 1) создание новой компании; 2) получение лицензий и разре-

шений; 3) трудовые отношения; 4) регистрация собственности; 5) получение кредитов; 6) защита интересов инвесторов; 7) уплата налогов; 8) международная торговля; 9) принудительное обеспечение выполнения контракта; 10) ликвидация компании.

Российская Федерация по индексу благоприятности условий для предпринимательской деятельности занимает 120-е место из 180 наблюдаемых стран. Более того? в последние годы ситуация не улучшилась, а ухудшилась (табл. 4).

Таблица 5

Прогноз изменения социальной дифференциации, % населения

	2000 ¹	2010		2015		2020	
		П	О	П	О	П	О
Уровень дифференциации населения по доходам (коэффициент фондов), раз	$\frac{19}{15}$	19—21	14—16	21—23	13—15	25	10—13
Российский «обобщенный средний класс»	24	25—26	28—30	24—27	32—35	20—25	34—37
Уровень бедности (численность населения с доходами ниже прожиточного минимума)	$\frac{27}{18}$	18—15	12—14	18—20	10—12	20—25	8—10
Уровень «застойной» бедности (численность населения, у которого доходы ниже прожиточного минимума остаются более пяти лет)	7	8—10	7—8	10—12	6—7	12—15	5—6

¹ Численность — дооценка официальных данных с учетом поправки на латентные формы соответствующего явления; знаменатель — официальные данные (Росстат). П — пессимистичный прогноз; О — оптимистичный прогноз

Источник: [2, 12].

В это же время наметились негативные тенденции в нашем образовании. Российское образование перестает быть источником роста среднего класса и превращается в фактор усиления неравенства. Поскольку образование становится платным и в то же время наблюдается углубление разрыва в доходах населения, то и образование становится все более «разнокачественным» для разных категорий населения.

Возникают элитные школы и элитные университеты. Это приводит к тому, что образуется первичное образование для избранных очень высокого европейского качества. Все было бы прекрасно, если бы наряду с ним не возникало образование второго сорта, которое получают низкооплачиваемые слои. Оно дополняется неравенством возможностей повышения квалификации. Возникает порочный круг неравенства образования, которое не только не ослабляет неравенство первичного образования, а наоборот, даже усиливает его.

В результате, возникают социальные корни экономического неравенства. По коэффициенту Джини мы уже сейчас находимся на уровне США. Однако в США существует высокая мобильность между квинтилями: тот, кто еще недавно был бедным, ныне входит в средний класс, а некоторые представители среднего класса становятся миллионерами, и наоборот, некоторые богатые разоряются и пополняют состав среднего класса.

В России же мы наблюдаем явление, которое называется застойной бедностью. В нее попадают те категории населения, у которых доходы ниже прожиточного минимума остаются более 5 лет (табл. 5). Разработанный в Министерстве экономического развития прогноз показывает, что даже при очень оптимистических показателях эта застойная бедность за 20 лет (с 2000 по 2020 г.) сократится в лучшем случае на 1 — 2 процентных пункта. В случае пессимистического прогноза ее уровень возрастет в 2 раза по сравнению с нынешним состоянием.

Литература

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг. М., 2007.
2. Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. М., 2005.
3. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. Vol. I — III. N. Y., 1968 (сокращенный русский перевод см.: Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972).
4. U.S. Census Bureau. March Current Population Survey. Income Statistics Branch/HHES Division. U.S. Department of Commerce: Washington, DC. 1997.

5. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010.
6. http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/Main.htm.
7. *Портер М., Кетелс К.* Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики // www.csr.ru/news/original_1324.stm.
8. Реализация конкурентных преимуществ — основа экономического роста в долгосрочной перспективе. М., 2007.
9. http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/Main.htm.
10. *Гохберг Л.М.* Статистика науки. М., 2003.
11. *Нуреев Р.М.* Россия: особенности институционального развития. М., 2009.
12. Россия 2020: цель — технологическая модернизация. XI Петербургский международный экономический форум // www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentation/Piter_2007/2007-06-05pfr.pps.

А.З. НОВАК, К. РЫЧЬ

Евро будет введен позже — ущерб или выгода?*

Мы не знаем оценок ущерба или выгоды в результате промедления при введении евро

Аннотация. В статье исследуются проблемы вступления Польши в зону евро, ее присоединения к европейскому валютному союзу, конвергенции европейских экономик в рамках экономического союза.

Исследуются течение глобального экономического кризиса в Польше, меры противодействия ему, гибкий курс злотого, плавный валютный курс.

Ключевые слова: евро, валютный курс, валютный и экономический союз, еврозона.

Abstract. In the article the problems of Poland entering into the zone of euro, of Poland joining the European monetary union, of convergence of the European economies within the limits of the economic union are being investigated.

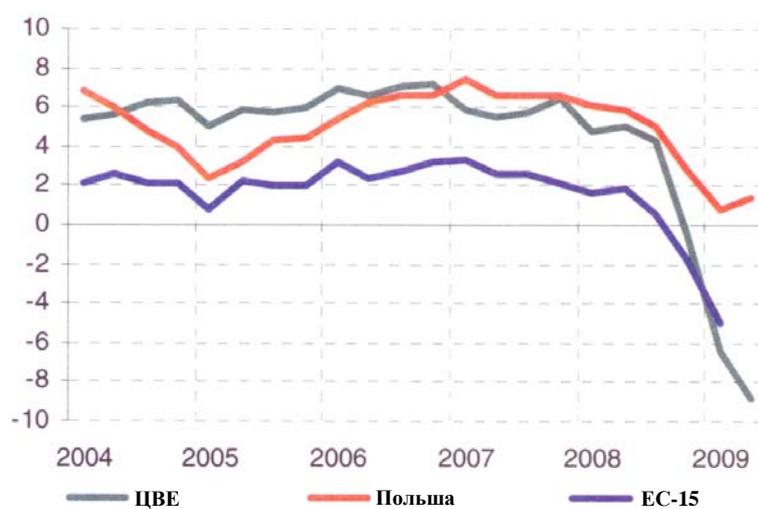
---

* Перевод с польского старшего преподавателя факультета управления Варшавского университета Д. Столярек.

Measures of counteraction to it, a flexible course of zloty, the smooth rate of exchange are investigated a current of a global economic crisis in Poland.

Keywords: euro, the rate of exchange, the currency and economic union, an eurozone.

Большинство экспертов согласны, что присоединение Польши к валютному союзу окажется благоприятным для польской экономики. Введение евро будет способствовать ускорению экономического роста и тем самым сокращению экономического разрыва по отношению к более богатой части Европы. Считается также, что выполнение критериев членства в валютном союзе и номинальная конвергенция ускорят процесс реальной конвергенции. И хотя, по всей вероятности, не обойдется без проблем, все-таки стоит поддерживать такую последовательность присоединения к еврозоне. Проблемы, связанные с конвергенцией экономик, интегрирующихся в рамках экономически-валютного союза, широко освещались в экономической литературе и поэтому мы не будем к ним возвращаться. Мы рассмотрим лишь последствия отставания от ранее указанного срока присоединения Польши к валютному союзу.

Источник: [1 — 3].

Рис. 1. Динамика ВВП

Одной из основных причин переноса даты вступления Польши в еврозону стал финансовый кризис, переросший в кризис реальной мировой экономики. Кризис затронул также и страны Евросоюза. Это выразилось, в частности, в значительном спаде ВВП. К сожалению, не миновал он и стран, в последнее время присоединившихся к валютному союзу, — Словакию и Словению.

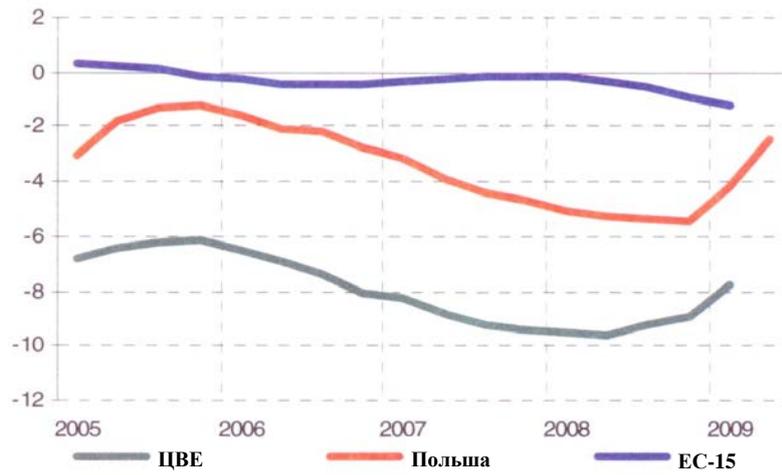
Статистические данные показывают, что только Польша не столкнулась с рецессией, хотя и здесь темпы роста ВВП заметно снизились. В таком положении процесс выполнения Польшей критериев Маастрихтского договора не мог завершиться успехом. Особенно это касается выполнения критерия бюджетного дефицита, критерия инфляции, а также критерия стабильности курса польского злотого. Сильная турбулентность денег и капитала на финансовых рынках, в некоторой мере естественная, отодвинула срок вступления Польши в еврозону.

Состоящие в Евросоюзе страны Центрально-Восточной Европы также отметили снижение ВВП, и даже в большей мере, чем страны «старого» ЕС, независимо от того, являются ли они членами зоны евро или нет. Исключением является Польша с незначительным ростом ВВП (рис. 1).

Экономисты и политики, скептически относившиеся к скорому вступлению Польши в зону евро, сочли это благоприятным обстоятельством. По мнению многих из них, суверенная денежная политика и сохранение отечественной валюты позволили избежать рецессии. Пример стран, которые только что вступили в зону евро и пример стран Прибалтики, держащих жесткий валютный курс, надеясь на вступление в валютный союз, и в настоящее время ощущающих глубокий спад в экономике, как кажется, подтверждают это мнение. Замедление в подготовке и непоследовательность в стремлении ввести евро в Польше оказались, по их мнению, благотворным. Посмотрим на Польшу на фоне других стран региона.

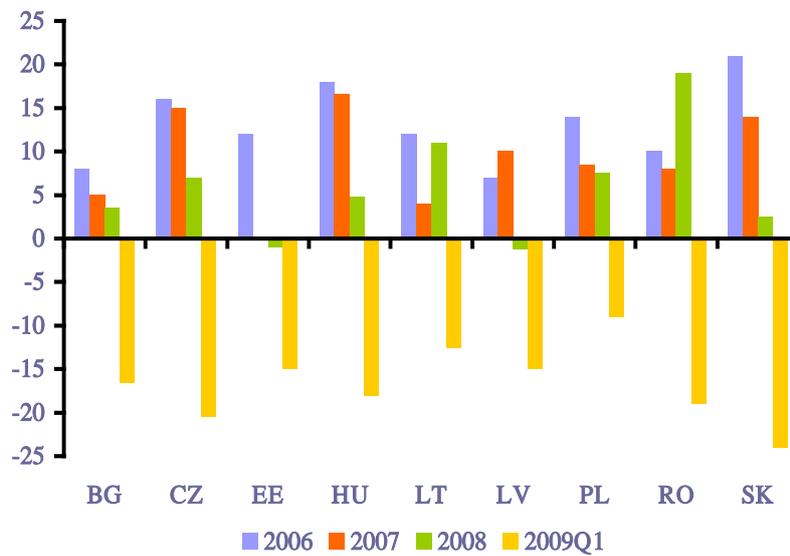
Страны Центрально-Восточной Европы, так же как и Польша, в условиях кризиса отметили улучшение сальдо текущих оборотов (рис. 2), а страны «старого» ЕС — некоторое ухудшение. Однако во всех случаях в странах Центрально-Восточной Европы наблюдалось снижение объемов экспорта, а улучшение сальдо произошло в основном за счет сокращения импорта (рис. 3). Это наглядный пример влияния деконъюнктуры на сальдо текущего оборота, независимо от политики валютного курса. Снижение экспорта в Словакии не было на много выше, чем в Чехии и в Венгрии. Ведь у Словакии было евро, а Чехия и Венгрия оставались при своих национальных валютах.

На самом ли деле относительно мягкое проявление рецессии в Польше имело место благодаря монетарному суверенитету?

Источник: [1 — 3].

Рис. 2. Сальдо на счетах текущего оборота, % к ВВП

Источник: [1 — 3].

Рис. 3. Динамика экспорта в странах Центрально-Восточной Европы, в %

На так поставленный вопрос нет однозначного ответа. До сих пор нет никаких, даже приблизительных оценок, касающихся выгоды или ущерба, вытекающих из промедления во введении евро. К сожалению, в столь коротком тексте мы также не в состоянии восполнить этот пробел в виде подробных расчетов. Однако мы уверены, что в ближайшее время это сделают институты, занимающиеся подготовкой Польши к вступлению в еврозону. Мы можем предложить лишь представление и анализ баланса выгод и потерь в качественном разрезе, учитывая направление этих изменений и предполагаемый масштаб выгод и потерь. Представляя ход изменений конъюнктуры, мы можем оценить масштаб благоприятных и неблагоприятных изменений и тем самым приблизить ответ на вопрос, поставленный в заглавии.

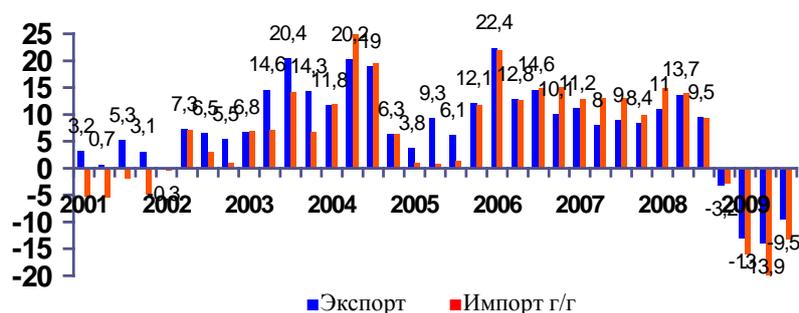
Плавающий курс

Распространено мнение, что противодействию кризису и разного типа экономическим пертурбациям способствовал гибкий курс золотого. Некоторые утверждают, что *депрециация* (оценка ниже стоимости) курса золотого вызвала рост конкурентоспособности польских товаров и услуг, а также польских вещественных финансовых активов. Распространено также мнение, что экспорт, а точнее, экспорт-нетто (экспорт минус импорт), стал фактором, поддерживающим в последнее время экономический рост в Польше. При этом, естественно, возникают вопросы: на самом ли деле поддержанию экономического роста в Польше в течение последних месяцев способствовал рост экспорта нетто и было ли это результатом депрециации польского золотого, а может, были какие-то другие причины экономического роста? Подробный анализ проблемы указывает, что этот вопрос более сложный.

Вопреки распространенному мнению, экспорт в 2009 г. сократился в валютном выражении по сравнению с предыдущим годом, как и в других странах Центрально-Восточной Европы. Итак, произошел не рост экспорта, а его спад. Благоприятные изменения в объеме экспорта были результатом не только большей конкурентоспособности польских товаров и услуг, но также еще более сильного снижения импорта (рис. 4).

Зато снижение импорта было следствием двух неблагоприятных явлений, которые в последнее время наблюдались в Польше. Первое из них связано с ослаблением экономической конъюнктуры в Польше, замедлением темпов потребления и снижением уровня инвестиций. Замедление темпов роста с почти 5% до чуть более 1% вызвало сокращение спроса на импорт — как на инвестиционные блага, так и на потребительские товары. Итак, повторилась история предыдущих годов: в 2001 — 2002 гг., в период последствий так называемого охлаждения

конъюнктуры в Польше (рис. 4), снижение темпов экономического роста до 1 — 2% в год вызвало сокращение импорта независимо от депрециации злотого. Второе явление стало на самом деле следствием предыдущей депрециации злотого, и это воздействовало на рост отечественных цен на импортные товары.

Источник: [1 — 3].

Рис. 4. Динамика экспорта и импорта в Польше

Конечно, можно спорить о силе этого фактора, особенно с учетом изменений, происходящих в мировой экономике — в основном на сырьевых рынках. Вообще говоря, дефляция в мире и снижение цен на сырье (нефть и газ), несомненно, ослабили последствия депрециации злотого и рост цен импортных товаров, но даже по психологическим соображениям более слабый злотый оказал ограничивающее воздействие на импорт из-за границы товаров и услуг. Депрециация злотого означала также удешевление польских активов для зарубежных инвесторов. В таких условиях можно было ожидать растущей заинтересованности зарубежных инвесторов и притока прямых и портфельных инвестиций. Ничего подобного не произошло. Как раз наоборот — приток иностранных инвестиций заметно сократился.

Даже на основании столь беглого анализа почти однозначно следует, что сохранение плавного валютного курса (а в данном случае депрециация польского злотого), принесло совсем немного пользы для сохранения относительно хорошей экономической конъюнктуры. И тогда вопрос — стоит ли оставаться вне еврозоны, учитывая возможность воздействия на формирование уровня валютного курса? Чтобы ответить на так поставленный вопрос, следует представить и проанализировать...

...счет потерь...

...являющихся следствием сохранения плавного валютного курса. В данном случае анализ будет касаться в основном депрециации валюты (злого). Потери окажутся разного масштаба, и их, как минимум, несколько типов.

Во-первых, наиболее очевидными оказались потери на валютных опционах, которые приобретали польские предприятия, стремясь застраховаться от «ожидаемой» *апresiasi* (реального роста курса) злого. Однако возникшая депрециация вместо ожидаемой апresiasi принесла им многомиллиардные потери. Их размер оценивается поразному. По самым неблагоприятным оценкам, это десятки миллиардов злотых. Потери предприятий на опционах одновременно означают огромный урон агрегированного спроса — как инвестиционного — из-за ослабления финансовой позиции предприятий, так и потребительского, являющегося эффектом упущенной прибыли и вознаграждений. В свою очередь, премиальные продавцов этих опционов, вероятно, в большинстве утекли за границу.

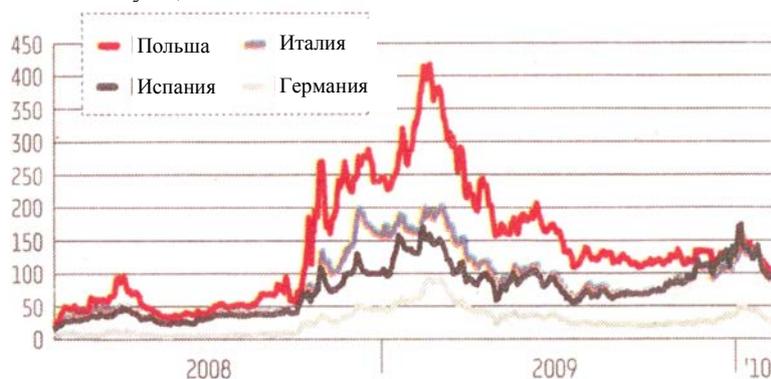
Источник: EcoWin Economic.

Рис. 5. Доля кредитов в иностранной валюте как процент от всех кредитов для частного сектора

Во-вторых, потери домашних хозяйств и предприятий от кредитов, взятых в иностранной валюте. Диспаритет процентных ставок в Польше и в мире стимулировал займы в иностранной валюте. Домашние хозяйства и предприятия получали кредиты за границей, где процентные ставки были значительно ниже. Одновременно с депрециацией злого росли издержки обслуживания задолженности. Следовательно, так же как и с упомянутыми опционами, которые уменьшили

доходы предприятий, в данном случае задолженность в иностранной валюте увеличила расходы предприятий и домашних хозяйств и тем самым повлияла на снижение доходов и заодно агрегированного спроса.

Рисунок 5 представляет долю кредитов в иностранных валютах во всех кредитах для частного сектора. Задолженность польских фирм и домашних хозяйств в иностранной валюте не относилась к числу самых высоких среди стран Центрально-Восточной Европы и поэтому отрицательное влияние валютной задолженности на уровень спада экономики оказалось слабее, чем в странах Прибалтики, в Румынии и в Венгрии. Тем не менее в Польше в этом отношении положение представляется хуже, чем в Чехии и в Словакии.

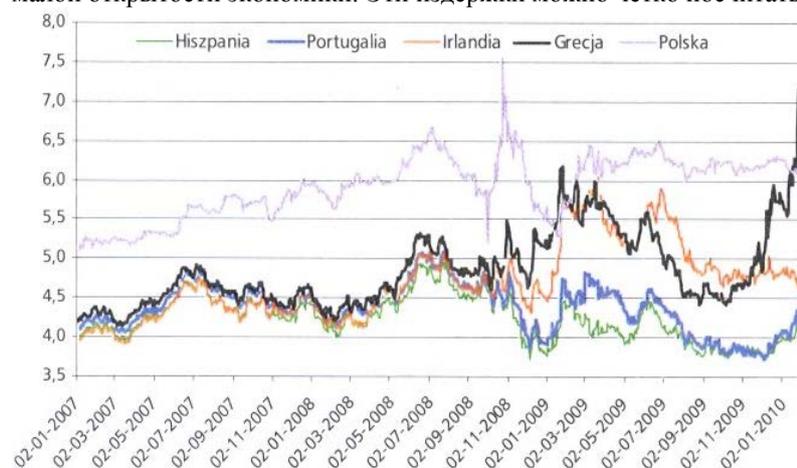
Источник: Parkiet. 2010. 16 mart.

Рис. 6. Издержки страхования в случае неплатежеспособности страны (контракты, CDS, базовые пункты)

В-третьих, депрециация злотого увеличила издержки обслуживания государственной задолженности в иностранной валюте и тем самым повлияла на рост бюджетного дефицита, так как выросли издержки приобретения валюты для обслуживания внешней задолженности. Хотя потери по этой статье сократила продажа по более высокому курсу средств из евросоюзных дотаций, номинированных в евро, но все же эффект-нетто оказался отрицательным, несмотря на положительное сальдо наших взносов и выплат из бюджета Евросоюза. Снизились также цены наших новых эмиссий облигаций вследствие снижения рейтинга польской экономики.

Эту проблему хорошо иллюстрирует рис. 6. График изображает рейтинг трех больших стран с не вполне стабильными финансами по сравнению со страной, в некоторой степени образцовой, т. е. с Герма-

нией. Как Испания и Италия, так и Польша в период сильного злотаго за первые три четверти 2008 г. для инвесторов представляли похожую картину, что подтверждает цена на контракты CDS — около 50 базовых пунктов, тогда как Германия оценивалась значительно ниже 50 пунктов. Сильная финансовая турбулентность в последней четверти 2008 г. и до середины 2009 г. увеличила уровень риска и снизила рейтинг и тем самым оценку CDS. Цена CDS для Германии выросла до 100 пунктов, для Италии и Испании — до 150 — 200 пунктов, для Польши поднялась свыше 400 базовых пунктов. Фундаментальный анализ экономики Польши давал негативную картину по сравнению с оценкой экономик Италии и Испании. В действительности же вышло как раз наоборот: именно Польша избежала кризиса. Рисунки 6 и 7 представляют рентабельность 10-летних облигаций Польши и других стран еврозоны, убедительно указывая на высокие издержки привлечения средств на финансирование бюджетного дефицита в условиях малой открытости экономики. Эти издержки можно четко посчитать.

Источник: EcoWin.

Рис. 7. Рентабельность 10-летних облигаций для избранных стран ЕС (Испании, Португалии, Ирландии, Греции, Польши)

В-четвертых, депрециация злотаго не только не стимулировала зарубежных инвесторов к покупке более дешевых польских активов, но как раз наоборот, депрециация воспринималась как рост риска инвестиций в Польше. И хотя это не единственная причина сокращения притока зарубежных инвестиций и, быть может, не самая главная, но, по нашему мнению, она весьма существенна.

Сохраняя отечественную валюту, народное хозяйство несет также высокие издержки защиты злота от возможной атаки спекулянтов или стремительного оттока капитала и по другим причинам. Эти издержки составляют, в частности, альтернативные расходы по сохранению высоких официальных валютных резервов НБП и являются платой за готовность привлечения для предполагаемого использования средств МВФ в виде кредита для сохранения ликвидности (платежеспособности) Польши в случае возникновения разного типа угроз. Эти издержки составляют 53 млрд дол. США в год.

Представленный выше перечень источников образования издержек монетарного суверенитета, которые несет открытая экономика — а к таким относится экономика Польши, — наверное, неполный. Тем не менее он демонстрирует сложность проблем интегрирующейся в еврозону экономики и позволяет оценить баланс выгод и уронов, вытекающий из пребывания вне еврозоны. Издержки, связанные с сохранением национальной валюты, в нынешних, кризисных условиях еще выше. Многие завихрения на международных финансовых рынках требуют, с одной стороны, от конечных займодателей (правительства и Центрального банка) большой осмотрительности в действиях, но, с другой стороны, многочисленных защитных мер для операций, проводимых финансовыми учреждениями. Большинство этих издержек можно избежать в случае совместной европейской валюты.

Пребывание вне экономического и валютного союза (ЭВС) лишает Польшу также многих выгод, вытекающих из интеграции. Однако оценка выгод и уронов участия в ЭВС не является темой данной статьи.

В дискуссиях о шансах и угрозах, связанных с вступлением в еврозону, особенно тех, которые проводились в первой половине 2009 г., когда польский злотый был относительно слабым, охотно ссылались на отпугивающий пример стран Прибалтики и даже Словакии. Часто приводились примеры литовцев и словаков, приезжающих в Польшу за дешевыми покупками. Из этого должно было следовать преимущество суверенной монетарной политики и плавного курса над фиксированным курсом отечественных валют в странах Прибалтики и сильным евро в Словакии. Крепкий евро не обескураживал словаков, а страны Прибалтики, хотя и не обязаны поддерживать режим стабильного курса своих валют по отношению к евро, все-таки от него не отказались.

Кажется, причиной такого поведения литовцев и эстонцев и особенно латвийцев, по существу, был выбор между глубокой рецессией, которую они ощутили, и предполагаемой экономической катастрофой, которая могла случиться вследствие банкротства банков и фирм, а также неплатежеспособности домашних хозяйств, задолжавших в ино-

странной валюте. И поэтому в этих странах был сделан выбор в пользу меньшего зла. Выбор этот подтверждает правильность наших аргументов в пользу сильной валюты. Сильная валюта, по определению, имеет преимущество над слабой отечественной валютой — особенно в условиях резкой финансовой турбулентности.

Раньше или позже?

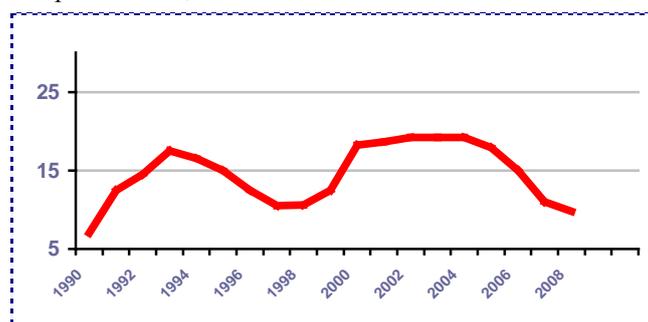
Обсуждая последствия промедления с датой вступления Польши в еврозону можно поставить два вопроса. Во-первых — стоит ли ускорять выполнение маастрихтских критериев, чтобы в возможно короткий срок ввести евро, и, во-вторых — благодаря чему Польша относительно экономически благополучна в условиях кризиса, который разразился во всех странах Европы и в большинстве развитых стран мира?

Отвечая на первый вопрос, мы считаем, что в условиях мирового финансового и экономического кризиса и сильного замедления экономического роста в Польше ускоренное выполнение критериев конвергенции было бы необоснованным. По всей вероятности, это не способствовало бы уменьшению потерь, вытекающих из пребывания Польши вне зоны евро. Кроме того, выполнение в данный момент критерия бюджетного дефицита и критерия инфляции могло бы приостановить процесс оживления нашей экономики.

Стоит, однако, напомнить мнение многих авторов, считавших, что консолидация публичных финансов, особенно сокращение расходов с целью достижения бюджетного равновесия или хотя бы смягчения угрозы дальнейшего роста дефицита, должна оказать благоприятное воздействие на темпы экономического роста. Это должен быть так называемый некейнсианский эффект оздоровления публичных финансов. Однако, мы считаем, что в условиях экономического замедления, стагнации и даже снижения реальной зарплаты и обострения критериев предоставления кредитов предприятиям и домашним хозяйствам наивным было бы ожидание упомянутого некейнсианского эффекта. Нет сомнений, что ограничение дефицита вызовет противоположное действие, т. е. снижение агрегированного спроса и тем самым охлаждение незначительного оживления. Достижение критерия должно проходить в течение трех-четырёх лет.

Похоже обстоит дело с инфляционными критериями. В ближайшие годы будет также сложно достичь этого критерия. В настоящее время некоторые страны Евросоюза оказались в состоянии дефляции. По мере нарастания оживления в экономике Евросоюза они будут переходить от состояния дефляции к состоянию низкой инфляции. Страны, которые сейчас оказались вне тройки стран, определявших инфляци-

онный стандарт, войдут в эту группу и тем самым обострят инфляционный стандарт; для стран, стремящихся в еврозону, это будет означать необходимость снижения уровня инфляции. Для Польши это необходимость снижения инфляции, вероятно, ниже нынешнего инфляционного предела — 2,5% .

Источник: собственная разработка.

Рис. 8. Уровень зарегистрированной безработицы, в %

Столь значительное снижение инфляции — это так называемые высокие издержки принесения в жертву в виде снижения темпов роста, тем более что в пользу роста цен по-прежнему действует эффект Балассы — Самуэльсона. При низком уровне инфляции каждый очередной процентный пункт ее снижения вызывает снижение темпов ВВП и рост безработицы. Так было как в первом, так и во втором планах борьбы с инфляцией в Польше (рис. 8).

Относительно ответа на второй вопрос — кажется почти несомненным, что сравнительно хорошей экономической конъюнктуры мы добились благодаря, как минимум, нескольким факторам.

Во-первых, благодаря хорошему финансовому положению банков и финансовых институтов, действующих в Польше. В их активах содержится лишь незначительная доля так называемых токсических активов и плохих долгов. С одной стороны, это результат незначительного участия действующих в Польше банков в международных операциях на финансовых рынках, в связи с чем они не воспользовались возможностью приобретения финансовых активов, оказавшихся в будущем токсичными. С другой стороны, учитывая довольно жесткие правила предоставления кредитов, клиенты банков были настолько тщательно отобраны, что даже в период экономического замедления они в большинстве оказались в состоянии погашать как взносы по капиталу, так и проценты от полученных кредитов.

Имеет значение и факт довольно жесткой монетарной политики Центрального банка. Высокая процентная ставка по сравнению с другими странами региона сдерживала темпы экономического роста и способствовала задолженности в иностранной валюте, но одновременно не допускала к ухудшению конъюнктуры в Польше, как это имело место в странах Прибалтики.

Во-вторых, польская экономика только в незначительной мере (около 40%) опиралась на экспорт товаров и услуг. В период хоссы такое положение оценивается скорее отрицательно, так как это обозначает, что данная страна не слишком инновационна и конкурентоспособна. Иностраный спрос на выпускаемые ею товары недостаточно высок, следовательно, объемы ее экспорта не высоки. В период бессы такое положение оказывается благоприятным. Ухудшение конъюнктуры за границей и тем самым спад спроса на импортные товары не оказывают столь сильного воздействия на страну, в незначительной степени зависимой от экспорта, как в случае страны, которая почти полностью экспортирует свои товары и услуги.

В-третьих, Польша — относительно крупная страна с большим рынком и свыше 38 млн потребителей. В условиях кризиса это большая выгода, потому что большая часть продукции потребляется отечественными потребителями. В данном случае внешняя турбулентность — как финансовая, так и экономическая — оказывает относительно меньшее влияние на внутреннее экономическое положение. Если в этом анализе дополнительно мы учтем большой оптимизм потребителей Польши, касающийся их грядущего материального положения и перспектив на будущее, то это состояние покажет и причины, благодаря которым польская экономика развивается относительно хорошо.

В-четвертых, на относительно хорошие темпы экономического роста в Польше воздействует также отечественная структура промышленности и услуг. У нас немного ведущих отраслей, сосредоточенных в нескольких крупных фирмах. Действующие в Польше фирмы скорее малые и средние по величине. В период процветания их оценивают не слишком положительно, потому что они не в состоянии воспользоваться масштабной экономией и другими привилегиями позиции крупного игрока. В период экономической турбулентности малые и средние фирмы оказываются в более выгодном положении. Они более гибкие и поэтому быстрее приспосабливаются к меняющимся рыночным условиям. Они также менее мобильны, поэтому не переводят свое производство с места с низкой турбулентностью или с более низкими издержками производства. Поэтому малые и средние предприятия стабилизируют экономику и местный рынок труда. И, наконец, так как они малые или средние, их гипотетическое банкротство во время кри-

зиса не так сильно влияет на сектор, отрасль или даже на всю экономику, как крах гиганта.

В-пятых, наконец, определенную роль сыграл бюджетный дефицит. Правда, польское правительство предприняло действия, ограничивающие рост дефицита, но не увеличило фискального бремени хозяйственных субъектов и доходов, которыми располагало население. В результате вырос дефицит публичных финансов, и это поддержало агрегатный спрос в экономике.

Что же тогда?

Сопоставляя и оценивая уруны и выгоды для Польши в результате отсрочки вступления в еврозону, мы проанализировали явления, имеющие место именно в Польше, предполагая, что сам экономический и валютный союз не подвергается изменениям — как институциональным, так и политическим. Споры, которые возникли после раскрытия настоящего финансового положения Греции и угрозы банкротства этой страны, а также большая публичная задолженность и бюджетный дефицит многих других стран еврозоны склоняют к осторожности. Возникает вопрос — должно ли это стать аргументом в пользу приостановления подготовки Польши к вступлению в ЭВС? По-нашему мнению — нет. Даже если спор продолжится и появятся новые институциональные решения, было бы лучше, если бы мы могли активно участвовать в разработке этих концепций и формировании новых институтов в монетарной и фискальной сферах ЕС и не оставаться пассивным наблюдателем этих преобразований. К сожалению, в этот период, важный для будущего экономического и валютного союза, мы останемся вне его структуры.

В таком положении мы должны руководствоваться не столько чрезмерной осторожностью, сколько экономическими соображениями:

- маастрихтские критерии необходимо выполнять на благо собственной экономики, сохранение макроэкономических показателей страны свидетельствует о хорошем положении экономики, вызывает уважение и формирует доверие международных партнеров;
- хорошие оценки, которые получает наша экономика, влияют на дальнейшие благоприятные изменения ее рейтинга, тем самым цена, которую нам приходится платить за пребывание вне еврозоны, снижается;
- такая позиция позволяет спокойно и последовательно готовиться к будущему присоединению.

Приведенные выше аргументы представляются оптимистичными, быть может, слишком оптимистичными. Трудно предусмотреть, как будет проходить процесс внутренней интеграции экономического и

валютного союза, особенно же, каков будет предел фискальной интеграции. Трудно также предусмотреть поведение лидеров Союза в этом процессе.

Несмотря на все сомнения, мы считаем, что и впредь надо предпринимать усилия для укрепления зоны общих денег, независимо от того, находимся мы внутри или вне этой структуры.

Не прав «мастер правильных прогнозов» из Trands Research Institute, Gerald Celente, который в интервью польскому журналисту советует полякам холодную сдержанность, напоминая что «один размер одежды не удовлетворит всех». Это правда, что в одежде одного размера не все будут чувствовать себя комфортно, но, вероятно, это намного лучше, чем остаться без одежды на ветру глобализации. Если страна выполнит критерии номинальной конвергенции, тогда более или менее дорастет до этого одного размера одежды. Впрочем известно, что хорошо обладать суверенной денежной политикой, будучи большой страной, с высокой долей в мировом ВВП, и быть одним из лидеров прогрессивных технологий.

Малая открытая экономика, а такой является Польша, может только мечтать, чтобы мир менялся так, как хотел бы G. Celente: дружелюбная глобализация, меньшая ориентация на глобализацию государств и фирм, предпочтение для отечественной продукции без протекционизма и многие другие благоприятствующие аспекты социального поведения³.

Если всего этого не произойдет, Польше придется зонт Европейского валютного союза.

Литература

1. Польша и мировой экономический кризис. Варшава, 2009.
2. Eurostat, 2009.
3. GUS. 2009.
4. Parkiet. 2010. 16 mart.
5. Parkiet. 2010. 13 — 14 mart.
6. *Mankiw N.G.* Makroekonomista jako naukowiec i inżynier // *Gospodarka Narodowa*. 2008. № 4.
7. *Osiatyński J.* Strategia makroekonomiczna Polski w warunkach światowego kryzysu // *Gospodarka Narodowa*. 2009. № 7 — 8.
8. Państwa narodowe wobec kryzysu ekonomicznego / J. Osiatyński (ed.). Warszawa, 2010.

---

³ См. литературу по теме: [6 — 11].

9. Polska w strefie euro? Nowe perspektywy wzrostu / A. Sopoćko (ed.). Warszawa, 2008.

10. Polska wobec światowego kryzysu gospodarczego. Warszawa, 2010.

11. *Wojtyna A.* Polityka pieniężna w strefie euro // *Gospodarka Narodowa*. 2008. № 11 — 12.

Т.У. САДЫКОВ

Инон как современный преемник капитала*

Аннотация. С информационной позиции видения единой картины мира продолжается раскрытие смысловой стороны современного преемника капитала — инона. Отражается единство предмета и метода инона, и в этой связи впервые представляются особенности информационно-экономической периодичности.

Ключевые слова: предмет, метод, капитал, инон, информационно-экономическая периодичность.

Abstract. According to informative view of the world semantic side developing of contemporary successor of capital continue — inon. The subject unity and inon method is reflected, and for the first time, in this way, features of informative economic periodicity is introduced.

Keywords: subject, method, capital, inon, informative economic periodicity.

В качестве *предмета* исследования мы представляем новую центральную экономическую категорию *инон* и связанный с ней категориальный аппарат информационно-экономических отношений. *Метод* исследования инона основан на *информационной позиции видения единой картины мира*, или, конкретно, на информационном подходе, в совокупности включающем такие моменты, как материализация и дематериализация информации, формопревращения и формообразования, развитие через разрешение противоречий и стремление к устойчивости путем учета неустойчивого состояния экономических структур.

Известно, что традиционные экономические теории оказались сегодня в кризисном положении. Капитал, стоимость, потребительная стоимость, себестоимость, труд и другие категории, в свое время сыг-

---

* Продолжение. См.: *Философия хозяйства*. 2010. № 3.

равшие и играющие позитивную роль в прогрессивном экономическом развитии и накоплении глобального научно-технического, технологического и материально-экономического потенциала, стали коренным образом менять свою сущность и структуру и превращаться в принципиально новые информационно-экономические отношения. Одним словом, *труд и капитал стали превращаться в знания и информацию*. Тем самым, приходит время представленные традиционные экономические категории последовательно и научно обоснованно трансформировать в такие преемственные и фундаментальные категории, как инон, ценность, целенаправленность, генерация, информационная рутинно-творческая деятельность и др.

Информационный смысл диалектики инона можно выразить в следующем виде. В условиях сохранения всеобщей информации инон изменяется, превращаясь в другие экономические формы. Всеобщая информация, сохраняя себя, выступает в качестве основы всех экономических изменений. В процессе исследования инона усилия направляются на поиск семантических характеристик кодирования и декодирования неизвестных аспектов сложных и усложняющихся современных экономических структур. Здесь в качестве основного кодового ключа выступают те или иные формы разрешения экономических противоречий.

Экономические тайны, их сущность и природа скрываются в кодируемых и декодируемых противоречивых отношениях и соотношениях перевоплощаемой и превращаемой информации различных *видов, уровней и степеней* следующих типов: резонансно-колебательное и асинхронное экономическое развитие, материальные и интеллектуальные формы собственности, материальные и духовные интересы и потребности, материальное и духовное воспроизводство, упорядоченный и неупорядоченный хозяйственный процесс, организуемые и самоорганизующиеся факторы экономического роста и т. д.

Например, проведем исследование такого важного свойства инона, как *ценность*, выступающую в качестве преемницы стоимости. Для этого сегодня рассмотрение и измерение ценностей надо проводить в следующих взаимосвязанных информационных и экономико-технологических единицах: единица отношения (информацион) — единица действия (квант) — единица работы (джоуль) — единица информации (бит) — денежная единица (например, рубль). В техническом смысле, подобрав переводные коэффициенты — соотношения между данными единицами, можно их привести к единому денежному знаменателю.

В экономическом смысле важно то, что в соответствии с законом информационного единства каждый бит информации целенаправленно

имеет «своего» потенциального потребителя и пользователя. Однако для того, чтобы данная потенция превратилась в действительность и выразила, тем самым, свою ценность, необходима взаимосвязь всего ансамбля единиц измерения ценности. В этой связи в экономике имеется острая необходимость в объединении и интеграции различных информационно-экономических колебаний, сил и факторов, формирующих и генерирующих ценность, разобщенных сегодня и скрытых от общества (например, коммерческая тайна и через высокие цены частное стремление к монополю-высокой прибыли).

Однако такое объединение информационно-экономических колебаний может происходить с учетом одинакового уровня и степени различной накопленной информации. В результате возникает возможность согласованного периодического обмена и совмещения различной информации друг с другом с последующим ростом степени кодирования и декодирования, материализации и дематериализации ценностей и т.д. Данная возможность превращается в действительность, если сознательно со стороны общества и частных лиц различные виды накопленной экономической информации одного уровня, по своей сути стремящиеся к свободному обмену, на самом деле станут высвобождаться и применяться в необходимом направлении.

Таблица 1

10^0 / ПВ ед	10^1 / ПВ ед	10^2 / ПВ ед	10^3 / ПВ ед	$10^{\dots}$ / ПВ ед	10^k / ПВ ед
10^0 / СБ ос	10^1 / СБ ос	10^2 / СБ ос	10^3 / СБ ос	$10^{\dots}$ / СБ ос	10^l / СБ ос
10^0 / ГЛ об	10^1 / ГЛ об	10^2 / ГЛ об	10^3 / ГЛ об	$10^{\dots}$ / ГЛ об	10^m / ГЛ об
10^0 / СС вс	10^1 / СС вс	10^2 / СС вс	10^3 / СС вс	$10^{\dots}$ / СС вс	10^n / СС вс

Такой подход в экономической деятельности неизбежно приводит к новой форме общественного и индивидуального сознания, поскольку

экономический интерес носит здесь долговременный и перспективный характер: например, при глобальном и быстром распространении результатов функционирования разнообразных информационных форм интеллектуальной собственности на несколько порядков повышаются ценности иона и вырастает масса получаемой прибыли. Тогда смысл конкуренции заключается не в монопольном сокрытии, а в скорости распространения и продажи информационных товаров. Такого рода быстрота полностью соответствует духу и букве всей сути современных информационно-экономических процессов, воплощенных в ионе.

Таким образом, структуры ценностей иона можно представить в виде условной *информационно-экономической периодической таблицы* уровней колебания различной информации, отражающей возможности ее согласованного обмена и совмещения в направлении того или иного действия, работы, деятельности (табл. 1).

В таблице 1 представленные символы означают воплощаемую в ценностях иона информацию:

$10^0 \dots 10^k$ — количество бит единичной информации;

$10^0 \dots 10^r$ — количество бит особенной информации;

$10^0 \dots 10^m$ — количество бит общей информации;

$10^0 \dots 10^n$ — количество бит всеобщей информации;

ПВ (ед) — уровень поверхностной единичной информации;

СБ (ос) — уровень субстратной особенной информации;

ГЛ (об) — уровень глубинной общей информации;

СС (вс) — уровень суперсубстанциональной всеобщей информации;

$k, r, m, n \rightarrow \infty$ — степени единичной, особенной, общей и всеобщей информации, стремящихся к бесконечности.

В соответствии с данными табл. 1 ценности иона воплощают в себе многообразные совмещения колебаний различной степени и уровня единичной, особенной, общей и всеобщей информации. Тем самым, в основе иона происходят противоречиво-согласованные процессы совмещения колебаний различных видов информации (информационных сил и факторов) в направлении того или иного действия, работы и рутинно-творческой деятельности.

Как отмечалось, при анализе иона в качестве преемника капитала экономические процессы рассматриваются с информационной позиции видения единой картины мира. Дело в том, что свершившиеся информационные революции в корне меняют стоимостную форму хозяйственных отношений и генерируют саморегулирующуюся среду трехступенчатого формирования новой центральной экономической категории «ион». Последовательное превращение и образование новой

категории ином можно представить в следующем виде: простое товарное производство ($T - D - T$), капиталистическое товарное производство в форме всеобщей формулы капитала ($D - T - D^1$), информационное товарное производство в форме всеобщей формулы инона ($\text{ЭДС} - \text{ИТИ} - \text{ЭД}^1\text{С}^1$).

Во всеобщей формуле инона ЭД представляется как электронные квазиденьги, С — самовыражение индивида (персонала), ИТИ — информация как товар и товар как информация. В методологическом смысле всеобщая формула инона показывает идеальную форму экономической информации, которая отражает материально-денежную форму внутреннего саморазвития ее информационного содержания. Иначе говоря, всеобщая формула капитала $D - T - D^1$ превращается и принимает вид всеобщей формулы инона $\text{ЭДС} - \text{ИТИ} - \text{ЭД}^1\text{С}^1$.

Тем самым, с информационных позиций видения единой картины мира всеобщая формула инона показывает, что информация в одной форме отражает информацию в другой форме. Причем под формой понимается отражение в идеально-материальном предмете информационного основания в виде структуры и содержания целостного объекта. Так, в нашем примере идеальная форма информации в качестве всеобщей формулы инона отражает материально-денежную форму экономической информации.

Известно, что на первой ступени экономических отношений характерными являются ручной труд и земля в качестве основного средства производства, на второй ступени — механизированный труд и промышленные средства производства и на третьей — информационно-автоматизированный труд. В структуре высоких информационных неотехнологий информационно-автоматизированный труд выражается в виде рутинно-творческой инновационно-интеллектуальной деятельности и основывается на компьютеризированном искусственном интеллекте в качестве важнейшего постемашинного средства.

На первой ступени продукт ручного труда в качестве товара был объектом простого товарно-денежного обмена; на второй ступени образуется капитал как самовозрастающая стоимость (преимущественное самовозрастание по вертикали в направлении владельцев капитала, присваивающих результаты его оборота и кругооборота), а на третьей — ином в качестве саморазрастающейся ценности (преимущественное саморазрастание по горизонтали в направлении совокупного инона, генерирующего и использующего результаты его оборота и кругооборота). Стоимостной тип отношений капитала превращается в ценностный тип отношений инона. Другими словами, форма превращается в содержание, а явление — в свою сущность. Как это происходило и происходит?

Во-первых, вещное (материальное) производство постепенно превращалось и теперь стремительно превращается в преимущественно духовное (не вещное, информационно-интеллектуальное). Иначе говоря, механизированный труд и машинные трехзвенные средства производства, которые участвовали в создании товаров преимущественно вещественного характера и для массового, в основном, материального потребления, сформировали объективные условия для функционирования самовозрастающих стоимостных отношений. Естественно, на ранних стадиях развития капитала теория трудовой стоимости, а на поздних — теория предельной полезности имели под собой реальную экономическую почву.

Однако с течением времени информационно-товарное производство, связанное с четырехзвенными информационно-управляющими и самоуправляющимися искусственно-интеллектуальными автоматами и средствами высоких неотехнологий духовного производства и рутинно-творческой инновационной деятельностью людей, не поддается полному объяснению посредством данных теорий. В этих условиях внешние ценностные формы вещественных товаров стали проникать внутрь стоимостного содержания невещных товаров. Тем самым в результате известного разрешения противоречия между формой и содержанием стоимостных отношений форма превращается в содержание.

Такое стало неизбежным в силу следующего обстоятельства: выросла значимость целевой установки, которая заключается в необходимости быстрее продать товар. Это оказало влияние на ценностно-стоимостные характеристики товара. Внешней формой выражения данного товара оказывается направленность на конкретного покупателя-потребителя, а внутреннее содержание определяется его ценностью.

Во-вторых, в открытых нелинейных экономических структурах, которые сплошь и рядом отражают экономическую действительность, превращение случайности в закономерную и существенную причину важнейших хозяйственных перемен есть само собой разумеющийся естественный самоорганизующийся информационный процесс. Непрерывные и прерывные превращения и взаимопревращения информации в безначально-бесконечное множество всевозможных экономических форм и метаформ создают хозяйственную среду для возникновения, функционирования и угасания цепи законов, закономерностей и тенденций.

Именно в таких условиях форма может превращаться и становиться содержанием, случайность — закономерностью, явление — сущностью, следствие — причиной, идеальное — материальным и наоборот. Поэтому ценность как внешняя форма проявления стоимости товара

при капитале стала превращаться в содержание информационного товара при иноне и замещать своего «родителя» в лице стоимости.

В-третьих, в условиях новой информационной экономики и функционирования центральной экономической категории «инон» сам инон как товар трансформируется в информационный товар, приобретая новые свойства: внутреннее — ценность и внешнее — целенаправленность. В основе ценности лежит генерируемая персоналом рутинно-творческая деятельность, а в характере целенаправленности заложено стремление удовлетворить индивидуальные запросы и потребности покупателей. Другими словами, потребительная стоимость и полезность товара при капитале изменяются и превращаются в целенаправленность информационного товара при иноне.

Превращения и изменения названий данных традиционных экономических категорий являются не просто механической сменой вывески, а переменами, которые имеют под собой глубокие структурно-функциональные причины. Назовем хотя бы некоторые из них: преимущественное производство и потребление невещных информационных товаров духовного характера, гибкая и быстрая ориентация на создание и генерацию оригинальных инновационных информационных товаров, ориентация на индивидуального потребителя и другие причины.

Первой формой разрешения внутреннего противоречия всеобщей формулы инона между ценностью и целенаправленностью информационного товара выступают самовыражение индивида и электронные квазиденьги. Индивид (человек, персонал, творец) — главная фигура и критический ресурс информационной экономики. Поэтому самовыражение индивида является ведущей формой разрешения противоречия инона по отношению к ведомой форме, которая выступает в виде электронных квазиденег. В предшествующей структуре капитала первой формой разрешения внутреннего противоречия товара между его стоимостью и потребительной стоимостью выступили, прежде всего, деньги, и только затем, в качестве ведомой незаметной стороны, самовыражение рабочего персонала.

Второй формой разрешения противоречия всеобщей формулы инона, связанной с саморазрастающимися размерами электронных квазиденег и разнообразным ростом самовыражения персонала, выступает интеллектуальная сила как информационный товар. Она разрешает противоречие инона между ценностью и приращенной ценностью. В устаревающей же структуре капитала второй формой разрешения противоречия его всеобщей формулы выступала и выступает, как известно, рабочая сила как товар. Под воздействием информационного фак-

тора развитие капитала сопровождалось его внутренним самоизменяющимся процессом.

В первую очередь, здесь имеются в виду процесс и результат соотношения между материальными (деньги, объективная информация) и идеальными (самовыражение, дух, субъективная информация) формами и метаформами различных экономических структур. В начале третьего тысячелетия в хозяйствах передовых стран такое самоизменяющееся соотношение сместилось в сторону идеальных форм и метаформ экономических структур. Капитал стал превращаться в инос.

Внутреннее различие инос, связанное с его самоизменением, — это различие между электронными квазиденьгами и самовыражением персонала. В процессе движения капитала к инос внутреннее самоизменение последнего связано с постепенным и эволюционным обменом местами между электронными квазиденьгами и самовыражением персонала. Самовыражение персонала выходит на ведущие роли. В этом обнаруживается первое проявление двойственности инос.

Данная двойственность (самовыражение персонала и электронные квазиденьги) составляет совокупный признак его ценности. Основной же признак ценности инос, который представлен ростом самовыражения персонала, становится целью его развития. Электронные квазиденьги превращаются в средство достижения этой цели. Однако вместе взятые, эти два признака инос зависимы от характера и уровня материализации и дематериализации, кодирования и декодирования экономической информации.

Поэтому экономическая информация — это не столько средство для достижения больших денег, сколько цель, стремясь к которой получают еще больше денег. Вместе с тем мировой финансовый кризис начала III тысячелетия выявил разрыв степени кодируемости и декодируемости, материализации и дематериализации экономической информации и убедительно показал, как можно исказить и фетишизировать представленную цель в качестве стремления овладеть деньгами, оторванными от реальной экономической действительности.

Третьей формой разрешения противоречия инос между живой стратегической и искусственной тактической интеллектуальными силами является опережающее развитие первой по сравнению со второй. Такая возможность реализуется через совместно-резонансное саморазвитие трех моментов: социально-невещной формы накопления, интеллектуальной формы собственности и углубляющейся и расширяющейся социальной формы памяти.

Четвертой формой разрешения противоречия инос между творческой живой высокоэффективной интеллектуальной силой и рутинной живой малоэффективной интеллектуальной силой представляется в

преимущественном распределении интеллектуальной ренты в пользу творческой силы. В этой связи надо подчеркнуть неоднородный состав персонала.

В первую группу входит малочисленная элита творцов, генерирующих знание и занимающихся преимущественно творческой интеллектуальной деятельностью. Вторая группа состоит из многочисленного обслуживающего персонала, занимающегося преимущественно рутинно-интеллектуальной деятельностью в производственно-экономической среде.

В реальной же экономической жизни ни первая, ни вторая группа не могут заниматься только творческой или только рутинно-интеллектуальной деятельностью. Такая деятельность носит для каждой из групп смешанный характер: для первой она преимущественно творческая, а для второй — рутинная. При этом у второй группы возникает социально-экономический мотив попасть в первую, элитарную, группу.

Всеобщность икона состоит в том, что он представляет собой органическую составную часть всеобщей информации. Особенность же заключается в том, что он воплощается во всех информационно-хозяйственных отношениях и отражает сугубо информационно-экономические процессы. Вместе с тем икон выражает каждую из множества свершившихся единичных хозяйственных операций.

Тетрадную (тетрада) характеристику икона можно образно представить в виде дерева, корни которого выражают всеобщий характер икона, ствол — общую сторону, ветвь — особенную и листок (плод) — единичную сторону икона. Принципиальное и преимущественное отличие информационного подхода от других научных подходов в экономическом исследовании икона состоит в том, что при таком анализе открываются новые превращенные и превращаемые формы и метаформы информационно-экономических отношений, базирующихся, в свою очередь, на единой суперсубстанциональной, закономерной и сущностной основе.

Икон как саморастущая, саморазрастающаяся и самовыражающая ценность выступает в качестве процесса кодирования и декодирования, материализации и дематериализации производственно-коммерческой информации. Такой процесс обеспечивает резонансное подвижное равновесие всех кодовых структур и единого информационно-сотового общественно-экономического пространства. Тем самым, икон выражает собой информационные отношения между людьми в процессе их рутинно-творческой интеллектуальной деятельности, направленной на воспроизводство духовных и материальных жизненных благ. Икон представляется как процесс, результат и предмет при-

ложения рутинно-творческой информационно-интеллектуальной деятельности.

В процессе научно-экономического познания инаона выясняется, что его функционирование становится причиной перехода от преимущественного владения к преимущественному использованию результатов функционирования различных форм собственности и особенно интеллектуальной формы собственности. Функционирование инаона приводит к быстрой обновляемости продукции данного ассортимента, к частому появлению принципиально-новой продукции данного ассортимента и к формированию международно-корпорационной наднациональной информационно-сотовой рутинно-творческой деятельности.

Итак, в заключение отметим, что между капиталом и инаоном имеются общие и отличительные стороны. К общим сторонам следует отнести то, что и тот, и другой: 1) являются центральными и системообразующими; 2) представляют из себя одну из превращенных форм совокупной экономической информации; 3) выражают основные экономические законы, отношения, противоречия и интересы.

К отличительным же сторонам капитала и инаона относятся следующие:

1) капитал выступает как самовозрастающая стоимость преимущественно по вертикали; инаон представляется в качестве саморазрастаемой ценности преимущественно по горизонтали;

2) инаон представляет из себя высшую превращенную форму совокупной экономической информации, а капитал — низшую;

3) цель функционирования капитала — прибыль, инаона — прибыль и самовыражение персонала;

4) для капитала характерны отношения экономического принуждения, отличительная социально-экономическая структура вида: капиталист — рабочий, экономика — индустриально-промышленная, общество — капиталистическое; для инаона характерны отношения осознанной необходимости, социально-экономическая структура вида: менеджеры, акционеры, когнитарии, творцы и исполнители, экономика — постиндустриальная инаоинтеллектуальная, общество — информационное.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Л.Д. РОДЗИНСКИЙ

**Преодоление сознания хозяйственной деятельности
в раннем буддизме (хинаяны)**

Аннотация: В психической жизни субъекта буддизм обнаружил фундаментальные элементы — дхармы, которые, комбинируя между собой по законам кармы и сансары, создают иллюзию существования мира, хозяйственной деятельности и самого сознания человека. Благородные истины, открытые Буддой, указывают путь, избавляющий от тягот и проблем хозяйственных отношений, делая доступной нирвану как высший образ всякой устроенности.

Ключевые слова: буддизм, дхарма, сансара, сознание, нирвана, манас, читта, виджняна, йога, карма.

Abstract: In the mental life of the subject found the fundamental elements of Buddhism — the Dharma, which, combining with each other under the laws of karma and samsara, create the illusion of the existence of the world, economic activity and most human consciousness. The noble truths discovered by the Buddha, show the way, relieving from the burdens and problems of economic relations, making it accessible to nirvana as the highest of any image ordered.

Keywords: Buddhism, dharma, samsara, consciousness, nirvana, manas, citta, vidzhnyana, yoga, karma.

В VI в. до н. э. в небрахманских кругах Индии происходило сильное брожение философской мысли, страстно ищущей пути выхода из оков феноменального мира, бремени социальных отношений. Именно в этот период Будда предложил систему, отрицающую существование индивидуального сознания и сводящую феноменальное бытие психики к сочетанию отдельных элементов — дхарм. В основе учения лежит концепция «четырех благороднейших истин», открывшихся скитающему монаху в момент мистического озарения. Они отражают закономерную связь между энергией, сознанием, миром и любой хозяйственной деятельностью, определяя, таким образом, новую эпоху в представлении о природе человека [1, 121]. В целом буддийские истины гласят, что жизнь во всех формах ее проявления есть страдание. Источником страданий выступают желания. Если искоренить желания, то как неминуемое их следствие исчезнут и страдания. Для этого есть путь, благодаря которому психическая энергия приходит к затуханию,

небытию, нирване. Это состояние и становится венцом, конечной целью для всякого сознания человека в религиозно-философском учении буддизма. Однако рассмотрим становление сознания человека к Небытию более подробно.

Ранее мы уже говорили о том, что мирозерцание буддизма фактически сводится к теории дхарм, выступающих универсальной субстанцией для нирваны, сансары, кармы и сознания человека [2, 87 — 103]. Вспомним, что дхарма — это некая ограниченная субстанция, изначально пребывающая в состоянии волнения, или вибрации. Многочисленные дхармы вступают между собой в определенный кратковременный союз — комбинацию, рождая мимолетный коррелят своих отношений — ощущения. Одна комбинация дхарм мгновенно сменяется другой, та — третьей и т. д., что вызывает в определенном промежутке пространства иллюзию существования человеческого сознания, окруженного мнимым внешним миром. Все это говорит о том, что всякое сознание не является самобытной субстанцией, а остается лишь простым следствием комбинирующихся между собой дхарм. Иначе говоря, изменчивое качество сознания так же обуславливает комбинации дхарм, как утро, обязанное своему рождению восходящему над горизонтом солнцу. Собственно говоря, сознания как такового не просто нет — оно есть постоянно меняющаяся сумма ощущений, идей, желаний, вниманий, пониманий, которые возникают из движения дхарм.

В психической жизни субъекта буддизм обнаружил фундаментальные элементы — дхармы, которые, не имея своего вместилища, проявлялись и исчезали подобно сменяющимся кадрам на экране. Следовательно, с буддийской точки зрения не существует ни «я», ни души, ни личности. Апологеты часто используют метафору, сравнивая природу сознания с пламенем. Подобно тому, как языки кострища каждый миг сменяют старый огонь на новый, так и сознание, сотканное из череды возникающих и исчезающих комбинаций дхарм, делают его лишь следствием более глубокой субстанции. Индивид становится временной интеграцией отдельных элементов, образующих поток сознания. Имеется особая сила, называемая кармой, которая держит комбинацию этих элементов в определенном порядке. Карма действует в границах одного потока, не вторгаясь в другой. Удерживаемая кармой комбинации дхарм в отдельном сознании берет свое начало в прежних существованиях и будет иметь свое продолжение и в будущих воплощениях. Хотя дхармы связаны между собой законами кармы, некоторые из них появляются всегда одновременно — они спутники друг друга, другие же следуют друг за другом — в этом случае они однородны. Число комбинирующихся дхарм в каждый момент индивидуальной жизни

различно. Оно может быть весьма значительным, ибо неразрывные дремлющие способности также считаются существенными в потенции. Дхармы, которые объединяются в каждый момент, могут изменяться не только по числу, но и по интенсивности своей вибрации. Так, например, в одном сознании в определенное время конкретное сочетание дхарм может преобладать, в то время как в другом сознании или в другое время в этом же самом может получить преобладание иное сочетание дхарм. То, что в данный момент соединились именно такие дхармы, и то, что они распределены именно так, а не иначе, в такую именно личность с такими именно переживаниями, обусловлено формой расположенности дхарм. Все это следствие воздействия кармы. Таким образом, ни одна из дхарм, входящих в данный поток сознания, не может принять участие в вихре комбинирующихся между собой дхарм иного сознания. А между тем различные потоки дхарм, образующие иллюзорные личности, могут вступать между собой в контакт, влияя на последующее формообразование. Однако это зависит от кармы более высокого порядка, которая управляет частными кармами. Так рождается представление в буддизме об общей и индивидуальной кармах.

Если карма обуславливает активность сознания через сочетание между собой дхарм, то становится совершенно ясно, что с буддийской точки зрения самостоятельно существующего внутреннего мира личности и окружающего его внешнего мира на самом деле нет. Внешний мир, как и внутренний, есть результат мимолетного образования дхарм. Здесь объект и субъект одинаковым образом иллюзорны. Однако как же объяснить тот факт, что разные люди видят одно и то же: солнце, горы, небо и т. д.? Схожие иллюзии различных потоков дхарм группируются одной общей кармой, которая, довлея над индивидуальными, формирует близкие представления о времени и пространстве. Однако различное восприятие общего времени и пространства организует уже индивидуальная карма, от которой зависят личные переживания, связанные с чувствами скуки, веселья, радости, страдания и т. п.

Количество впечатлений от «картинок» внешнего и внутреннего миров в потоке индивидуального сознания не безгранично, а строго ограничено силой кармы. Чем сильнее карма, тем большее число «иллюстраций» предстоит пережить иллюзорному субъекту, тем дольше группе его дхарм «идти» к успокоению. И, наоборот, чем меньше переживаний и «картин», тем ближе так называемый сгусток сознания к освобождению из оков кармы, в котором вибрация дхарм прекращается. Однако до тех пор, пока этого не произойдет, индивидуальный поток дхарм проходит согласно своей организации через неограниченное число эмпирически иллюзорных жизней. Каждая жизнь является всего лишь частичкой, эпохой в бесконечном процессе бытия данного пото-

ка дхарм. Таким образом, говоря о теории «перерождения», следует иметь в виду, что не «душа» переходит из одного тела в другое, а данный один и тот же внеопытный комплекс дхарм, проявляющийся в данное время как одна личность — иллюзия, после определенного промежутка времени проявляется в виде другой, третьей, четвертой и т. д. — до бесконечности. Следовательно, в буддизме нет трансмиграции души, а есть бесконечная трансформация комплекса дхарм. Совершаемая перегруппировка элементов подобна тому, как в детском калейдоскопе одни и те же частицы группируются в новые и новые фигуры, никогда не повторяясь. При этом каждая возникшая фигура до известной степени обусловлена предыдущей и определенным образом влияет на последующую. Процесс такой «перетасовки» происходит в силу инерции, заданной высшим законом дхармы, и, если произвольно не остановить движение и вибрацию элементов, колесо бытия, а вместе с ним и иллюзорное существование сознания автоматически должны продолжить свое вращение.

Что такое сознание? Прежде чем дать ответ, приведем используемую в буддизме метафору, где природа сознания сравнивается с природой горы: «Подобно тому, как в горе имеется множественность пород, как, например, свинец, железо, золото, серебро и так далее, так и сознание в каждый момент может рассматриваться с точки зрения того, что в нем сознается. Оно условно может быть разделено на сознание зрительное, слуховое, осязательное, обонятельное и вкусовое, а кроме того, сознание нечувственное, то есть идейное. Таким образом, сознание является шестиединным» [2, 127]. Так как зрительное сознание опирается на зрительный орган, слуховое сознание — на слуховой, то идейное сознание тоже должно иметь свою опору. Таковой является так называемый «манас», которым определяется и сознание предыдущего момента, и совокупность всех форм чувственного сознания, воспринимаемого в иных теориях как «я». Часто же встречаемые различные названия сознания — «читта», «манас» и «виджняна» — по сути, остаются синонимами, отражающими различные тонкости анализа. Так, «читта» воспринимается как «единая дхарма сознания», «виджняна» — как содержание сознания, а «манас» — как сознание предыдущего момента, выступающее опорой для сознания следующего момента [3, 152].

Как происходит процесс познания в сознании, которого на самом деле нет? В конкретном потоке дхарм есть особый элемент, играющий исключительно важную роль. Это один из «читта» — элементов, определяющих собой способность к пониманию. Однако подобное понимание происходит не под влиянием размышлений. Присутствие этой дхармы придает всему потоку особый характер, ибо, когда она занима-

ет в нем центральное место, все другие элементы потока становятся «чистыми». Присутствие этого элемента действует как противоядие по отношению ко всем другим элементам, которые «препятствуют» движению вперед. Эти «неблагоприятные» элементы исчезают и не могут вновь появиться в этом потоке. Здесь необходимо оговориться, объяснив, что такое «неблагоприятный» элемент, препятствующий движению вперед. Этим элементом может выступать лишь сильно волнуемая дхарма, вибрация которой возбуждает дополнительно другие дхармы, лишая тем самым их успокоения. Под движением «вперед» подразумевается, конечно же, продвижение к нирване. Противоядие же «особого элемента» заключается в устранении беспокойства в «неблагоприятных элементах». Результатом подобного понимания становится познание теории элементов — дхарм — и идеи того, что нет постоянной личности. Устранение ложных воззрений знаменует вступление на путь, ведущий к конечному освобождению. Когда беспокойная дхарма подавлена, то, будучи опустошенной от своего волнующего содержания, она обретает покой. А покой пустующей дхармы становится формой существования небытия. Ибо лишённые содержание дхармы за счет «особого элемента» вызывают прекращение бытия, иначе говоря, мудрость. Однако благодаря знанию успокаивается лишь некоторая часть вибрирующих дхарм. Остальные останавливаются в результате глубокого сосредоточения, т. е. того, что подавляется вступлением в область трансa. Во всех мистических индийских системах конечным средством спасения является йога [4, 287]. Йога может не только удалить «интеллектуальную» вибрацию дхарм, но, что важнее всего, способна остановить бытие сознания, в котором исчезают ощущения вкуса, запаха и т. д., а вместе с ними и сам мир.

Спецификой буддийского идеала сознания, выводящего субъекта из всякой хозяйственной деятельности, становится такое состояние, в котором нет ни ощущений, ни представлений, ни волевых актов, ни даже самого сознания. Это состояние именуется нирваной, в которой есть только одно — блаженство небытия. Ведь быть — значит страдать, а в нирване все уничтожается, но остается только пустота дхарм, их покой и бесконечность. Особенностью нирваны выступает «уничтожение всего» через успокоение главного носителя сознания — волнующихся дхарм. Поэтому буддисты часто сравнивают сознание с огнем, а дхармы — с дровами. Как только дрова прогорают — пламя гаснет. Как только дхармы успокаиваются, опустошаясь, — сознание гаснет, как огонь. Карма «производит» сознание и ведет его дорогой к эволюции, к состоянию вечного успокоения, где нет жизни и нет смерти, но есть покойное блаженство небытия нирваны, которое, как полагает современная наука, будет иметь место, когда действие

всех энергий прекратится, и тогда останется одна, ни в чем себя не проявляющая, вечная и неуничтожимая энергия покоя.

Литература

1. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М., 1994.
2. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.
3. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
4. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1. Ирпень, 2005.

Н.Н. РОСТОВА

Сокровенное религии

Аннотация. Статья посвящена рассуждениям о смысле религии. В современном мире все больше религия воспринимается сродни психологии. Она находит себе место в синкретизме и укладывается в толерантную картину миру. Вопреки этому, автор полагает, что синкретизм, психологизм и толерантность — это то, что разрушает основу религии.

Ключевые слова: религия, жертва, символ, синкретизм, культ, кровь.

Abstract. Article is devoted reasonings on sense of religion. In the modern world more and more the religion is perceived it is similar to psychology. It finds to herself a place in syncretism and keeps within a tolerant picture to the world. Contrary to it, the author believes, what syncretism, psychologism and tolerance destroy a religion basis.

Keywords: religion, a victim, a symbol, syncretism, a cult, blood.

Что такое религия? В чем кроется ее нерв?

«Религия спасает», «религия утешает», «религия велит любить ближнего» — вот, пожалуй, первые слова, которые мы слышим из уст любого человека, спрошенного о религии. Эти слова, так похожие на правду, созвучны современному восприятию религии в целом — т. е. не только настроениям подавляющего большинства простого народа, но и заметной части богословов. Об этом можно говорить, имея в виду, по крайней мере, христианский мир. В чем именно это выражается, и о чем это свидетельствует?

Эти невинные и, казалось, истинные до очевидности слова кроют в себе антирелигию, т. е. то, что, выдавая себя за ее оплот, разъедает ее внутренне. Желание сделать акцент на утешительной, примиритель-

ной, «люботворческой» основе религии приводит к тому, что религию начинают, как скажет П. Флоренский, гримировать под добренькую старушку, идя на поводу у современного человека, которому христианство принять невозможно, больно, ибо оно требует всего, а не угодной частности. Например, некоторые православные богословы не ждут отныне от человека безумия веры в чудо и заявляют о том, что сходение благодатного огня — это всего лишь «церемония», в которой «мы... совершаем репрезентацию того, как весть о Воскресении от кувуклии разошлась по миру» [1, 99]. Чудо заменено репрезентацией, вера — разумом. В человеке укрепляется уверенность, будто все в его руках, ибо больше не требуется признания того, что сверх его разумения. Другие православные богословы, разумом меря божественной провидение, не только жизнь, но и смерть хотят превратить в максимально комфортное для человека событие. Так, прот. Георгий Митрофанов предлагает оправдать эвтаназию, аргументируя это тем, что добровольная сознательная смерть дает человеку возможность проконтролировать процесс своего умирания, вовремя со всеми попрощаться, а главное — избавить себя «от тяжелых физических мучений, превращающих тебя в страдающий кусок мяса» [2, 12]. Страдания, болезнь, ожидание исполнения своей участи, обнажающееся в таких случаях одиночество, предстояние перед Богом — все это, по мнению протоиерея, есть лишь «бессмысленное продление своей жизни». Нужно беречь свой покой и покой своих близких и не обременять их излишними моральными и материальными затратами. Очистительное страдание заменено комфортом и меряется рассудком.

Некоторым католическим богословам также свойственно приближать религию человеческому разумению и желанию жить удобно, не задаваясь лишними вопросами и не требуя от себя подвига веры и связанной с этим жертвы. «Обязательные основы», одобренные французским епископатом, рекомендуют исключить все ссылки на космические чудеса — утешение бури, умножение хлебов, а также упоминания об ангелах, сатане и бесноватых. Среди заповедей блаженства не нашлось места заповедям «Блаженны плачущие» и «Блаженны изгнанные за правду». Страшные слова Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой» также «опущены». На практике подобные веяния выражаются, например, в том, что родители, по совету прихода, «чтобы не травмировать» своего ребенка, вешают в его комнате не распятие, а собаку «как символ верности», т. е. как изображение, наиболее понятное детскому возрасту [2, 8 — 9]. «Травма» религии заменяется убаюкивающим лепетом, не велящим человеку ничего, кроме того, чтобы быть прежним и бережно охраняющим его от «второго рождения».

В сфере мирян подобные настроения выражаются в том, что религия начинает восприниматься сродни психологии и психотерапии. Но смысл религии и психотерапии противоположен. Психотерапия имеет своим пафосом примирение человека с миром и с самим собой. Она помогает человеку социализироваться и обрести заветное чувство: «я сам», т. е. чувство, говорящее человеку: «я делаю себя сам, а значит, имею на себя права». Религия, напротив, требует от человека порвать все связи с миром и велит ему жить в мире этом, но по законам мира иного. Она антисоциальна, и воплотивший хоть отчасти призвания религии человек в мире сем обретает статус безумца. Религия разрушает человеческое «я» и ставит под вопрос его право на самого себя, ибо на месте эго оказывается Бог. Она не дает проникнуть в человека чувству, будто бы он в порядке перед самим собой. Ибо в его одиночестве должен жить Бог, и Его, а не своим судом человек должен судить себя. В любви к человеку религия требует не воли «я», но благодати Бога. Любя, мы любим Богом. Любовь к ближнему невозможна в отсутствие любви к Богу, ибо любовь к Богу ее предваряет.

В современном мире сильны синкретические настроения. Начиная с того, что полки книжных магазинов уставлены популярной среди покупателей суррогатной литературой, предлагающей смесь знаний науки и разных религий как рецепт для самосовершенствования, исполнения желаний и т. д. И заканчивая тем, что государства позиционируют себя как светские и толерантные, признающие истинность за всеми истинами, желающие всем угодить и всех примирить.

Вот набросок современного восприятия религии с лицом доброй старушки. Но религия — не добрая старушка. Она сурова и не нежна с человеком. Она держится на нескольких столпах. На крови, на страхе, на жертве, на боли, на войне и на безумии. Что это значит?

Это значит, что религия — это война. Война за истину и Бога. А истина и Бог не имеют альтернатив и вариаций. Они единственны. Множество истин значит отсутствие истины. В желании быть всем угодным, всем понятным и всем приятным кроется, как скажет В. Соловьев, действия Антихриста. В синкретизме размывается существо Бога, он становится результатом размышлений человека, его разумного выбора, оторванного от веры, мистерии и традиции. Бог перестает быть мистериальным пространством единения людей, и люди утрачивают трансцендентную связанность друг с другом. Отныне общим между ними становится только случай. В тяготеющем к синкретизму мире утрачивается особость народа, а значит, он рискует превратиться в этнографический материал. Обращаясь не к себе, но за пределы себя, народ утрачивает способность плодоносить и может лишь паразитировать на данном, постепенно погибая.

Война как сокровенное религии значит то, что находящиеся внутри традиции стоят на страже ее чистоты и не пребывают в равнодушии, когда внешние или внутренние силы пытаются ее нарушить. Для религии нет ничего неважного, частного, незначущего. Религия состоит из символов, каждый из которых отсылает к другим и лишь в общем контексте имеет смысл. Выпадение символа означает нарушение всей системы. Контекст рушится, в нем обнаруживается изъян. В этом свете становится ясна реакция старообрядцев на попытку внести, с точки зрения внешнего зрителя, несущественные и весьма разумные изменения в культ.

Религия — это кровь и, прежде всего, кровь. Как замечает П. Флоренский, «степень религиозности прямо пропорциональна степени чуткости к мистике крови. Кровавые жертвы — основа всякой религии» [3, 145]. Чем более пламенен и чуток к трансцендентному народ, тем сильнее в нем чувство мистики крови. В ритуальном растерзании животных и поедании дымящихся кусков сырого мяса, в приношении человеческих жертв, в богоядении и, в том числе, в Евхаристии, человек ищет мир с Богом, находит выход и преображение своей аффективной природе и разрешает свой гнев на Бога.

Актуализация культа требует отрыва от мира посюсторонних ценностей и посюстороннего измерения своего существа. Лишь предельная изоляция от мира данности позволяет совершиться встрече абсолютного и относительного, которая есть тайна. А потому религия — это жертва. Жертва не своим, но собой. Религия требует отречения от себя и своего «я». Она требует отречения от самого сокровенного, например, от родительских и супружеских привязанностей. Мать-христианка — это не то же, что просто мать. Обычная мать сердцем прилеплена к своему ребенку и жаждет с ним и о нем быть. Она желает видеть его здоровым, счастливым и успешным. И когда она с ребенком в разлуке, она «в стенаниях ищет то, что в стенаниях породила» [4, 140]. Идеал матери-христианки воплотился в матери Блаженного Августина, стенания которой были не о себе и не о плоти сына, но о его душе. Пока Августин в течение многих лет странствовал по миру и искал себя в науках и ересях, его мать оплакивала его как умершего, как того сына вдовы, лежавшего на смертном одре, которому Иисус сказал: «Юноша! Тебе говорю, встань! Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить, и отдал его Иисус матери его» (Лк. 7, 12 — 15). Все молитвы матери были о воскресении души Августина в истине христианства, и она подчинила свою жизнь упованию на то, что они исполнятся [4, 155].

Идеалом супруги-христианки является святая Наталья, смыслом жизни которой явилась мученическая смерть мужа. Наталья, вопреки

мирским привязанностям, возрадовалась тому, что ее юный, знатный, красивый, любящий муж Адриан обречен на смерть из-за того, что признал Христа. Все житие Натальи и Адриана пестрит ужасающими для светского читателя подробностями о том, как Наталья наставляла мужа принять мученический венец; как с позором она гнала от своих ворот мужа, когда тот вдруг пришел навестить ее из темницы, ибо она подумала, что он предал веру и за то был отпущен. «О, безбожник и окаяннейший человек! Кто побудил тебя взяться за дело, которого не мог довести до конца? — с рыданиями вопила Наталья, — ...И что делать мне, окаянной, вышедшей замуж за нечестивца? Не удостоилась я звания супруги мученика, напротив, сделалась я женою отступника; кратковременна была моя радость, и перешла она в вечное поношение; была мне на некоторое время похвала среди жен, а теперь я буду иметь пред ними непрестанный стыд!» Адриан, слыша подобные слова супруги, как отмечает агиограф, «радовался душою и укреплялся на подвиг» [5, 450]. Апофеозом рассказа являются страдания и смерть Адриана, в которых Наталья сопровождала его и даже сама положила ноги своего мужа на наковальню. Не менее потрясают и дальнейшие события, последовавшие за смертью Адриана: мольбы о собственной смерти Натальи, дабы не соблазнять никого своей молодостью и соблюсти христианское супружество, попытки Натальи умереть мученической смертью вместе с мужем, спасение ею тел Адриана и других мучеников от оскверняющего сожжения, утаивание отрубленной руки своего мученика-мужа у себя дома и водружение ее во изголовье своей постели, и, в конце концов, принятие желанной кончины Натальей.

В пределе жертва в религии означает готовность умереть, о чем свидетельствует мощная мученическая традиция, в том числе «без пролития крови», как в случае со святой Натальей [5, 462]. Идеал жертвы в христианстве воплотился в Богочеловеке. Жертва Христа, Его распятие — это не условный знак, но символ, т. е. то, что требует доопределения и участия в нем и что действует не по принципу «как будто, словно», а по принципу «так, и даже более чем». Символ равен символизируемому. Жертва человека символична, она есть доопределение символа распятия.

Религия — это страх. Это потрясение и травма. Не страх психологический, который является препятствием к чему-либо и который можно устранить, но страх сакральный, который, как меч, отсекает душевность и психологизмы, и обнаженным дает человеку предстать перед Богом. Это не страх, который уводит тебя от страшного и провоцирует тебя к стратегии убегания, но страх, единственно который способен привести тебя ко встрече со «страшущим», ибо лишает тебя самоупования, которое есть преграда для узрения трансцендентного.

Религия травмирует, ибо требует по-двига, обращения, т. е. перемены логики жизни.

Религия — это боль, ибо всегда больно на алтарь Бога принести самое дорогое. Больно место, занятое эго, освободить Богу. Больно почувствовать себя не элементом столь понятного природного и социального мира и оказаться в мире, требующем от тебя абсурда, веры и безумия. В боли наша душа дает знать о себе, она освобождается от сиюминутного и суетного, а потому страдания, мучения, болезнь, близость смерти, изымающие тебя из пространства обыденного, — это есть шанс встретиться с собой и с Богом, ибо лишь в пустоте такая встреча возможна.

Религия — это безумие, ибо за вхождение в область тайны нужно заплатить своим разумом и разумом мира. Религия требует безумия, ибо она велит смотреть на себя глазами Бога и стать человеком обратной перспективы. Она требует не улаживать свою жизнь с жизнью мира, но идти вопреки ей. Это требование может быть исполнено лишь ценой непонимания со стороны окружающего мира, ибо мир расценивает это как сумасшествие.

Война, кровь, травма, страх, жертва, боль и безумие — вот, в чем, на наш взгляд, кроется нерв религии.

Литература

1. *Максимов Ю.* В защиту благодатного огня // Благодатный огонь (приложение к журналу «Москва»). 2008. № 18.
2. *Шаргунов А., прот.* «Евангелизация» мира и «культурная революция» в церкви // Благодатный огонь (приложение к журналу «Москва»). 2008. № 18.
3. *Флоренский П.* Собрание сочинений. Философия культа. М., 2004.
4. *Блаженный Августин Аврелий.* Исповедь. М., 2005.
5. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Месяц август. М., 2004.

И.И. РУДЯК

Мировое дерево как фрактал и семиотическая экономика как наука: аскетизм и инновация

Аннотация. Основная цель данного исследования — создание «семиотической экономики» как самостоятельной научной дисциплины.

Ключевые слова: семиотическая экономика, геометрия производства, резонанс структур.

Abstract. Basic goal of this communication is creation «semiotic economics» as original science.

Keywords: semiotic economics, geometry of production, resonance of structures.

1. *Семиотическая экономика как самостоятельная научная дисциплина.* Данная статья представляет собой исследование и сравнение двух научных трудов: В.Н. Топорова — о мировом дереве и В.В. Тарасенко — о фрактальной семиотике. Согласно учению Топорова, мы живем в эпоху «мирового дерева» — как единой культурной схемы (Пропп писал, что существует лишь одна всеобщая схема сказки). Схему мирового дерева Топоров увязывал с семиотикой. «В ряде предыдущих работ подробно говорилось о “мировом дереве” и его локальных вариантах... как образе некоей универсальной концепции, которая в течение длительного времени определяла модель мира человеческих коллективов... с помощью этого образа... стало возможным свести воедино разные общие семантические противопоставления... и создать тем самым первый достоверно реконструируемый универсальный знаковый комплекс... подчеркивалась исключительная роль концепции мирового дерева в культурном развитии человечества. Она оставила по себе следы в религиозных и космологических представлениях, отраженных в текстах разного рода, в изобразительном искусстве, архитектуре, планировке поселений, в хореографии, ритуале, играх, в социальных структурах, в словесных поэтических образах и языке, возможно, в ряде особенностей психики» [1, 9]. Сегодня настало время поискать следы мирового дерева в экономике.

Открытая Мандельбротом фрактальная геометрия сможет помочь нам вписать концепцию мирового дерева в рамки современной цивилизации. Как доказал экспериментально биолог Брайан Энквист, лес и каждое его дерево в совокупности представляют собой фрактал. Это позволяет приблизить схему мирового дерева (которую Топоров связывал с семиотикой) к схеме фрактала (которую Тарасенко также связывает с семиотикой). Тарасенко в книге «Фрактальная семиотика» пишет: «Фрактальная семиотическая парадигма радикально меняет

установки...» [2, 109]. Примером семиотического пересечения мирового дерева и фрактала может послужить ритуал. Топоров пишет: «В ряде предыдущих работ подробно говорилось о “мировом дереве” и его локальных вариантах... как образе некоей универсальной концепции, которая в течение длительного времени определяла модель мира человеческих коллективов... Она оставила по себе следы в... ритуале...» [1, 9]. Тарасенко считает, что культура «образует культурный код — форму повторяемой социальной итерации... Видна связь между культурным кодом и понятиями алгоритма и ритуала» [2, 108].

Экономика может быть связана с семиотикой. «Семиотика... наделяет коммуникации тем или иным статусом» [2, 108]. Товарообмен может быть рассмотрен как коммуникация. «Хранение и передача информации... напоминает хранение и обмен яблоками на примере Витгенштейна. Яблоки лежат в погребке, и когда у человека возникает мысль или намерение “надо бы с кем-то пообщаться”, он идет в погреб, набирает яблок и начинает обменивать яблоки на деньги или иные нужные ему вещи» [2, 46]. Семиотическая экономика как самостоятельная научная дисциплина — это третья новая экономическая научная дисциплина: наряду с экологической экономикой и эстетической экономикой (которая также связана фрактальной геометрией). Мировое дерево Топорова и фрактальное дерево Манделброта объединяются не только через биологию («дерево Энквиста»), но также и через семиотику (Топоров и Тарасенко). И эта семиотика (через «яблоки Витгенштейна») переселяется в экономику. Тогда товары могут быть рассмотрены как слова, а экономические законы их обмена и оборота могут быть рассмотрены как грамматика семиотической экономики. Отсюда следует, что наилучшая инновационная экономическая система строится на основании геометрии фрактально-мирового дерева. «Характерно, что текст такой структуры приурочен к мировому дереву, на котором добровольно висит Один с целью обретения тайного знания...» [1, 17].

2. *Фрактал как «диалектика природы» и геометрия производства.* 1960-е гг. породили систему расширенного производства и быстрого потребления. Задачей производителя стало создание новой модели, ее ускоренная продажа, затем ложное (маргинальное) изменение (структурно продукт остается самим собой) — с последующей быстрой продажей... и так без конца, пока на Земле не закончатся все ресурсы? Когда в маргинальную карусель включится все население Индии, Африки, Латинской Америки и Китая, то полного истощения мировых ресурсов долго ждать не придется: взрывной демографический потенциал превращает рынок в опасность. Однако, хотя ресурсы и исчерпаемы, экономика не может вернуться к государственному

диктату-экзоскелету. В качестве эндоскелета государственное управление экономикой должно быть основано не только на новых технологиях производства, но также и на новых типах структуры.

Новым типом структуры экономики может стать самовырастающий из диффузии фрактал мирового дерева. «Синергетическое движение... это и модель становления смысла, и средство коммуникации... представления о семантическом блуждании, геометрическим аналогом которого могут выступать представления... о фрактальных блужданиях...» [2, 120]. Если рынок превратится из диффузного хаоса в цивилизованный распыл на государственно-научной структуре, то он уже не будет опасным, потому что впишется в природу как в процесс становления структуры из хаоса. «...Иранские тексты... позволяют реконструировать архетип, существенными чертами которого являются: диалог на космогонические темы (Хаоса до человека) с выделением последовательных этапов творения, вопросно-ответная форма, числовой принцип аранжировки текста, отождествление частей текста с элементами мира, приуроченное к рассказу о создании первочеловека...» [1, 20]. Экономика диффузного рынка более подходит планктону, чем человеку. Но для человека вполне хорош будет рынок-крона, шумящий листвой вокруг мирового дерева как фрактала.

Экологическая экономика прекрасно сочетается с фрактальной геометрией — как основой большинства природных процессов. Фрактал есть диалектическое воплощение метафизического мирового дерева как платоновской формы. «Фрактал — это процессуальный язык... Форма фрактала зависит... от характера бесконечных итераций — способа преобразования... И в этом фрактал подобен природе» [1, 30]. А вот структура «второй природы», созданной в рамках цивилизации, опирается на классическую геометрию: поэтому цивилизация не вписывается в природу, что и приводит к экологическому кризису как отсутствию композиции между артефактами и природой. Чтобы покончить, наконец, с экологическим кризисом, надо заменить классическую геометрию цивилизации фрактальной геометрией природы: перейти от Евклида и Архимеда — к Мандельброту и Фибоначчи, и прежде всего — на поле экономического производства. Наступает эра новой геометрии производства: резонансной геометрии природных процессов — и если мировое дерево представляет собою скелет культуры, то фрактал должен представлять собою структуру производства цивилизации: так резонанс становится способом композиции.

3. *Фрактал как аскетизм и инновация.* Фрактал — это аскетическая структура, т. е. энергетически минимальная («экономика должна быть экономной»). Вес слона в 200 000 раз больше веса мыши, но энергия, используемая слонем, всего лишь в 10 000 раз больше энер-

гии, необходимой для мыши. Чем больше вес животного, тем меньше энергии затрачивается на 1 г его веса. Так происходит потому, что биосистемы (кровеносная, дыхательная, выделительная, нервная) имеют фрактальную природу. Технические приборы, созданные по природным законам фрактальной геометрии («структурная бионика»), гораздо меньше по размеру (что соответствует принципу Иноземцева), более экономичны и лучше функционируют. Таковы фрактальные антенны Натана Коэна (например, антенны сотовых телефонов). «Общество — коммуникативно закрытая система, в которой коммуникация порождается через коммуникацию» (например, личностная коммуникация людей через техническую коммуникацию телефонов) [2, 50].

Экономической инновацией является изменение структуры производства цивилизации, основанной на классической геометрии, искусственно созданной человеком, на новую структуру, основанную на фрактальной геометрии, которая опирается на законы природы (так, в понимании древних греков, ткач подражает пауку, а строитель подражает пчеле). Продуктом данной инновации является аскетизм (ячейка пчелиных сот шестигранна, так как это — наиболее экономная форма). В улье аскетичное производство осуществляется при помощи «коллективного разума»: пчелиный рой есть своеобразный биокомпьютер. Компьютерно-семиотические программы роя-биокомпьютера пишутся на химическом языке, а также и на языке пчелиного танца. Пайтген, Юргенс, Заупе «считают, что в основе фрактала лежит итерационный процесс с обратной связью» [2, 99]. Кибернетический фрактал, основанный на обратной связи (Гастон Жюлиа), есть основа «кибернетической экологии», сохраняющей экологическое равновесие за счет синергетически самовыстраивающейся программы. Программа пишется на компьютерном языке, который тоже не лишен семиотики. «Фрактальная парадигма предполагает, что для описания семиотической динамики применима фрактальная машина обратной связи» [2, 108]. Кибернетический фрактал мог бы превратить экономическую систему в бесперебойный идеальный компьютер. «Мандельброт намеренно оставляет понятие открытым, определяя фрактал через перечисление различных предметов математики, физики и даже экономики» [2, 98].

4. *Фрактал как инструмент инновационного гуманизма.* Описанные Марксом в «Капитале» рабочие — мучились на работе, так что дело дошло до «призрака» (которого ждали, как прихода мессии). Объединив идеальные компьютеры экологии и экономики, фрактальная структура композиционно подсоединяет к ним человека — вместе с его мозгом-компьютером (в рамках композиции мира), делая тем самым экономику более гуманной, соразмерной реальному человеку: так удобен для животного его экологический ареал, где оно добывает

пищу. Это стало возможным именно потому, что многие структуры и процессы в человеческом организме — фрактальны. Китайцы считают, что неприятности и болезни есть результат нарушения композиции. Питер Бернс доказал, что фрактальный узор кровеносных сосудов здоровой ткани — правильный и красивый, а вот узор онкологической опухоли — неправильный, некрасивый. Изучая фрактальную структуру сердцебиения, Ари Голдбергер успешно решил кардиологические проблемы. А Ричард Тейлор, изучая фрактальный характер траектории движений человеческих глаз, придумал способ сделать техносферу цивилизации (панели управления, светофоры) более удобными для человека. Мы видим, что диалог («резонанс структур») между человеком как продуктом природы (фрактальная геометрия) и культуры (мировое дерево) и техносферой (классическая геометрия) скоро будет налажен (семиотическая экономика). «...Еще одно свидетельство в пользу связи между словесными вопросо-ответными поединками и мировым деревом, с одной стороны, и ими обоими и ритуалом восстановления мира с соответствующим обменом даров, с другой стороны... в южной части Борнео, когда словесный поединок двух групп на космологические темы соотнесен с борьбой двух птиц в ветвях дерева жизни... завершение поединка знаменует интеграцию нового Космоса, нового человека, нового общества» [1, 36].

Литература

1. *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 284. Труды по знаковым системам. Т. 5. 1971.
2. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика. М., 2009.

VI

РОССИЕВЕДЕНИЕ

Д.П. ПОДКОСОВ

Зарождение российского типа науки

Аннотация. Становление русского типа науки: древние истоки, русский знаменатель в научных исканиях, критика новоевропейской научности, антропокосмические основания.

Ключевые слова: наука соборного преображения, европейская и русско-евразийская научности, стихии русской земли.

Abstract. Formation of russian type of science: ancient sources, russian denominator of scientific searchings, criticism of the new european scientific character, the anthropological-space bases.

Keywords: science of cathedral transformation, european and russian-euroasian scientific character, elements of Russian earth.

Недостающее звено мировой науки

Мы вполне можем утверждать, что в русле великих культур-цивилизаций рождаются исторические типы науки. Эти культуры осваивают несовпадающие, смежные области бытия. Зрелыми плодами своего творчества они обогащают друг друга. Так человечество развивается веером эволюционных путей, расширяя охват реальности.

Последние века в биосфере лидирует европейский, западный тип науки, который кажется мировым, неограниченно универсальным. В действительности западная культура-цивилизация обеспечивает один из эволюционных путей человечества, один из нескольких. А именно путь самоутверждения человека в природе, особенно в физическом мире.

Новоевропейская наука, естественная и гуманитарная, несмотря на впечатляющие достижения, соскальзывает в тупик. Что это за тупик? Это конфликт с биосферой Земли, это признаки вырождения человеческой природы, это раскол человечества на привилегированное ядро и безнадежно отстающее большинство. Другие научные культуры, развившиеся в прошлом, как бы застыли.

Встает вопрос о недостающем звене мирового научного развития. С этой точки зрения мы проверяем гипотезу о становлении российского типа науки.

Российская (северо-евразийская) цивилизация

Тип науки определяется самобытным характером культуры-цивилизации, ее бытийно-творческой, эволюционной идеей. В нашем случае речь идет о ключевой идее, которую правомерно именовать «русской» или, скажем, «русско-евразийской» (имея в виду северо-евразийский материк и населяющие его народы).

Если снять с русской идеи идеологические толкования, то философски она проясняется как *соборное преображение* личности, народа и природы. Господство над природой, покорение природы, «перековка» человека — все это противопоставлено российской эволюции. Соборно-преображающие энергии далеко выходят за пределы физического мира. Они не охватываются наукой европейского типа.

Концептуальная история науки в России еще не выстроена. Россию в этом отношении вполне можно считать «малоизвестной» страной. Не очерчена совокупная история естественных, общественных и духовных наук. Непрерывная история естествознания прорисована только с XIX в. Сведения о накоплении научных знаний до того — отрывочны. Не воссоздан драматический ход социально-гуманитарного познания за многие века. Не подытожены результаты научной работы в русском зарубежье. Не прослежены и не осмыслены внеакадемические научные искания.

До сих пор не изжит предрассудок, что наука в России объявилась чужеродным растением, что она была пересажена с Запада в XVIII в., а прежде ее не было. Российская наука часто воспринимается как привнесенная, но второй сорт, отстающая-догоняющая. Наконец, сейчас российская наука как цельный организм не существует, она переживает тяжкий процесс распада, а, может быть, и перерождения.

Тем не менее уже созданы серьезные историко-научные исследования. Уже ясно, что научность вырастает на Руси с глубоких языческих времен. Развивалось астрономическое мышление (картина звездного неба, циклы солнца, луны, других небесных тел, календари), математическое (системы счета), биологическое (строение организма разных видов, медицина). Развивались практические науки: земледельческие, ремесленные, строительные и т. д. В государственно-христианскую эпоху развернулись нормативное градостроение, наука социального управления, металлургия, выстраивались знания о душе и теле человека, космография, «сокровенная» математика, ястроматематика, «числомерие» (деление времени) и прочие направления [1].

Выявляются болезненные разрывы в научном развитии. Разрыв с «языческой» научностью — в ходе христианизации. Затем нарастание новой прикладной и космологической научности, на городской основе.

И отвержение ее в ходе просвещения и реформ по западным образцам. С XVIII в. развивается, на государственной основе, наука промежуточного, «русско-европейского» типа, с постепенным усилением русского начала. И — опять срыв в результате революции, гражданской войны и принудительной идеологизации. Разгром социально-гуманитарных и духовно-психологических традиций в 1920-е гг., кампании против целых научных направлений. Прежняя русская наука замещалась советской. Искривления в развитии советской науки были громадны. И все-таки она встала на ноги, крепла, встраивалась в общественную жизнь. И снова резкий надлом ее в недавние 1990-е гг. Надлом, от которого она едва начинает оправляться.

Подобные разрывы не случайны. Это серия преобразений, всякий раз искаженных. Преобразений исследовательского духа, научной среды, предметности, языка и методологии.

Сила и своеобразие российской науки ярче всего могут проявиться в повышенном внимании к *соборно-преображающим энергиям* в природе, обществе и человеке. Это ее, так сказать, стратегический принцип. Пока что большинство ученых не сознает этого принципа и не дотягивает до него. Но в творчестве самых выдающихся русских ученых он весьма ощутим.

У нас пока нет внятного представления о масштабах, вековых тенденциях и многих фигурах нашей науки. Почти не знаем самих себя. Самобытная научность сказывалась уже в XVIII — начале XIX в. — в творчестве И.Т. Посошкова, М.В. Ломоносова, И.Д. Ертова, В.Н. Каразина, Н.М. Карамзина. С середины XIX до середины следующего века вершился *взлет научного творчества*. Наука в России начала приобретать собственное лицо, неевропейские черты в мировоззрении, характере мышления, организации. Правда, это происходило в жестких условиях, под прессом прозападного ученичества. «Университетская русская наука, — возмущался Розанов в 1917 г. — прямо обратилась в библиографию германской науки по данному предмету, данной кафедре и в общем объеме — по всем наукам и кафедрам. Оригинальная русская мысль не то чтобы гналась, а произошло гораздо хуже: на нее не обращалось никакого внимания. Высокомерно заявлялось, что наука «едина и космополитична» [2, 338].

Становление российского типа науки, в сущности, только начинается. Его сверхличная, сверхсоциальная энергетика почти не «оприходована» в нашей культуре. Практически он развивается с тяжелыми искажениями, опасными для личности, культуры и природы в евразийском пространстве. Ныне он подвергается очередному испытанию в связи с процессами глобализации и перелома в народной психологии.

К тому же российская наука далеко не завершила процесс «переваривания» западной научности. Для выправления ее западного крена необходимо приобщение к восточным типам познания; это приобщение запаздывает. На творческих вершинах российская наука являет бесстрашие мысли, космичность, дальнюю проектность, в целом же, в массе — неразвернутость, внутреннюю шаткость, чрезмерную зависимость от текущих «веканий».

Самоопределение российской науки

Опыт самоопределения русской науки еще не собран и не осмыслен. Он наращивается, по меньшей мере, с середины XVIII в. Вот некоторые вехи этой работы.

Утверждение и приращение наук российских. Еще Ломоносов прочувствовал историческое, культурное и географическое своеобразие Руси-России. Отсюда рождалось убеждение, что Россия не может обойтись заемной наукой и приглашенными иноземцами, хотя они, конечно, нужны. Те науки, в которых нуждается Россия, не создашь чуждыми умами и чуждыми руками. Надобно растить ученых кадры, воспринимающие природу, историю и задачи России как свое родное. России нужны «многочисленные Ломоносовы».

Ломоносов обладал интуицией самоорганизации жизни, ее эволюции. Его волновали «преобразования природы», перемены «лица земного», планет и того, что по греческой традиции называли неподвижными звездами. В «естественных таинствах» он постигал взаимный союз вещей, согласие причин, созвучие голосов природы, даже наблюдая стремительные и тяжкие перемены. Говоря по-современному, искал в природе, да и в обществе, оснований преобразования и соборности. Это характерно для крупнейших русских ученых.

Русские вопросы по-немецки не разрешить. Сомнения в универсальности европейской науки зародились в 1940-х гг. Спорили «славяне» и западники. В тогдашних своих работах («Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы») Герцен считал науку, выросшую из европейской жизни, пригодной повсюду. Наука не привязана к месту рождения, она по существу западно-восточная. Она может врасти везде, где встретит почву, понимание и волю.

Пожив на Западе, Герцен многое передумал. Увидел, что западная наука связана с ограниченной ментальностью, и вообще в ней что-то неладное. Не может она заменить собственно-русского познания (статья «Русские немцы и немецкие русские», 1859) [3, 263—308]. Теперь он соглашается со «славянами», что петровская империя подгоняла Россию под немецкую идею, под немецкую науку. Русскую жизнь мы читаем в немецком переводе, и вот — ломаем и гнем непо-

нятые факты в чужую меру. Русская жизнь неотстоявшаяся, искаженная, задержанная, она ускользает от равнодушных чужих определений.

Пришлось Герцену пересмыслить спор о народности науки. Западники, говорит он, правы в том, что объективная истина едина для всех, не зависит ни от градуса широты, ни от крови. Но ошибаются в том, что западная наука и есть та самая единая и безусловная. «Безусловной науки нет», — возражает Герцен. «Западная наука со своим схоластическим языком и дуализмом в понятиях в тысяче случаях не умеет не только разрешить, но поставить вопрос. Она слишком завалена грубым материалом, слишком ибалована своими старыми приемами, чтоб просто относиться к предмету» [3, 276].

Славянофилы, на другой стороне спора, поняли, что Русь не уразумеешь из одних иностранных книг. Но напрасно хотели науку сделать строго православной, остриженной в скобку. Все-таки они высвобождают мысль от обязательных колодок немецкой работы, набитых на наш ум.

Согласуется ли понятие объективной истины с понятием субъекта познания? Вот что смущало Герцена. Вопрос остается затемненным. Что это за истина, которая принадлежит субъекту и в то же время не зависит от его свойств и стремлений?

Герцен подвергает западную науку критической переоценке. «Нам кажется, что западный мозг, так, как он выработался своей историей, своей односторонней цивилизацией, своей школьной наукой, не в состоянии уловить новые явления жизни ни у себя, ни вчуже» [3, 277]. Западный мир считает свою науку абсолютной, свой путь — единственно прогрессивным. Однако же идеалы его, его экономические, социологические схемы — все они принадлежат известному историческому порядку. И вне его несостоятельны.

Главный русский вопрос, убеждает Герцен, по-немецки не разрешить. Вопрос этот в освобождении крестьян с землею. Точнее — вопрос о соединении общинных начал со свободой личности, с ее полным развитием. Полтора века минуло, а научно-философски этот вопрос так и не решен. Не хватает понимания более общих вопросов: эволюции человека, ее связи с космическими энергиями, с продвинутыми структурами души и тела.

Тревожила Герцена каста цивилизаторов, готовых научно-деспотически ломать, переделывать народный быт. «За всяким насилием такого рода, — предупреждает он, — следует ожесточенное противодействие, страшные взрывы, страшные усмирения, казни, разорение, кровь, голод» [3, 304].

Предупреждение не подействовало. Одну касту цивилизаторов замещали другие. Переделывали и продолжают переделывать народную

жизнь, порой с ожесточением, голодом и кровью. Где же, спрашивается, науки о саморазвитии народа, где науки, к которым подходили Ломоносов, Каразин, Хомяков, Герцен, Достоевский, Докучаев, Менделеев?

Русский знаменатель в научном познании. В философском романе «Русские ночи» В.Ф.Одоевский впервые у нас дал цельную критику европейской культуры. Запад исчерпался, полагал он, его наука утратила «творческую, воссоединяющую силу». Русские «новы и свежи»; они должны спасти душу Европы, привить ей «могучие силы славянского Востока». Это, конечно, романтический самообман. Европа не погибла, продолжает развиваться, хотя через кризисы, а вот русским то и дело приходится спасать себя.

Зато плодотворны размышления Одоевского о русской научности, в одном из писем 1858 г. Ссылаясь на опыт общения с немецкими учеными, он пишет: «Иностранец самый правдивый, самый добросовестный, самый ученый — никогда не поймет России; ибо западное образование не изучило тех стихий, из коих образовалась русская земля; иностранцы меряют все русские события на свой масштаб... но наш масштаб ни западноевропейский, ни азиатский, но свой».

Наш масштаб образуется, говорит Одоевский, обширностью России, многообразием климатов, местностей, различиями в образовании и — тысячами других причин. «Каким образом все это подводится к одному знаменателю в душе русского человека — этого не поймет никто, не родившись русским». Да и русская наука не изучила еще этого единства. «Мы сами его понимаем лишь инстинктивно». Отсюда Одоевский выводит: «Западная теория и практика в большей части случаев служит нам только для того, чтобы указать нам, что мы у себя еще не знаем» [4, 153—155].

Это набросок философии русской науки. Что выделяет в ней Одоевский? Предметное основание русской науки. Специфику ее пространства-времени, неизбежную специфику и социологии, и психологии, и физики, и химии, и биологии. Исток русской науки — чувство России как цельного предмета. Общий знаменатель русской науки — ее исследовательский дух. Пусть этот знаменатель еще не выяснен, он срабатывает в душе ученого инстинктивно. Общение с иными научными культурами необходимо; оно расширяет нашу научную проблематику.

Письмо Одоевского впервые опубликовано в 1996 г. в журнале «Москва» (№ 6). Стало быть, оно только-только вышло из полуторавекового укрытия. И только теперь может заработать в нашей философии, если мы его подключим.

Познание своей природы и своего народа. На рубеже XIX—XX столетий В.В. Докучаев, отец генетического почвоведения, рисует сумрачную картину нашего «сельскохозяйственного шатания». Вот что его омрачает. Оргия искусственных удобрений — при полном незнакомстве с почвами, климатом и растительностью страны. Дорогие земледельческие машины — при неумении пользоваться ими и чинить. Улучшенные, иностранные породы скота — при полном игнорировании своих, русских, пород и местных условий.

Исцеление от этой патологии — немыслимо без науки, без опыта и личного труда. Чего же нам недостает? «У нас нет знания ни сил русской природы, ни ее естественных средств, ни ее даровых благ. Мы, в сущности, не знаем ни своей воды, ни своей земли, воздуха, ни растительного, ни животного мира... ни даже нашего мужика и местных, порайонных экономических и бытовых условий». Вот где корень нашего бессилия в борьбе с безводьем, засухой, мглой, черными бурями, степным бесснежьем.

Постижение окружающей природы, собственных человеческих сил — важнее всяких банков, всяких железных дорог и телеграфов. Пора научиться самим читать величайшую из книг — книгу природы. «Пора, наконец, нашим агрономам и их руководителям-профессорам оставить нередко почти рабское следование немецким указкам и их учебникам, составленным для иной природы, для иных людей и для иного общественного и экономического строя» [5, 358, 360].

Странно, как легко забываются столь ясные заключения. Пришла перестройка, и опять затвердили, что не надо изобретать велосипед, а просто пересесть на проверенный западный «велосипед». Будто жизнь страны не сложнее велосипеда.

Намечается евразийский пласт науки. Чуткий к пульсации российской науки В. Хлебников писал в 1912 г.: «Собственно европейская наука сменяется наукой материка. Человек материка выше человека лукоморья и больше видит. Вот почему в науке предвидится пласт — Азийский, слабо намечаемый и сейчас» [6, 472]. Хлебников полагал, что материковая наука ближе к «судьбознанию», к разгадке языка природы, «звездных нравов». Вернее бы сказать, что русско-евразийская научность разовьется рядом с европейской, а не сменил ее.

Уже после Революции евразийские основания русской научности исследовали П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев. Исходный тезис: основные проблемы истории, географии, хозяйства, пути языкового развития должны быть «продуманы по-русски». Иначе превратится в европейские задворки, в «Европу второго сорта».

Русско-евразийская наука, по ощущению П.Н. Савицкого, получает мощную природную подпитку: «Нашу молодость и наши интеллек-

туальные потенции дает нам, по моему мнению, наша русская мать сыра земля. Она, в человеческих масштабах, настолько огромна и настолько необъятна, что постоянно обновляет и как бы омолаживает нас. Нам нечего бояться — ни столетий, ни тысячелетий. И при этом мы остаемся на одном и том же корню» (в письме Л.Н. Гумилеву 12 января 1958 г.) [7, 3].

Человек науки образуется всей исторической жизнью нации. Проблема самоопределения науки — это, в первую очередь, вопрос об ее идейном стержне. Но также и вопрос о творческой личности, о типе самостоятельного ученого.

Есть ли у России творческая идея мирового размаха? — вопрошал Достоевский. Он верил, что есть, зреет, пробивается к свету. А если так, то непременно она скажется и в науке. Как сказалась уже в искусстве, в богатстве русского языка. Тогда и народится национальный тип ученого, с высшим нравственным смыслом. Но одним образованием его не создашь. «Человек науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны» [3, 93].

Русская идея, как и предвидел Достоевский, рождается в страшных муках, в трагическом опыте. Рождает она и своих выразителей. Творческая энергия народа копится веками, а потом вспыхивает в его великих деятелях. Какие исторические испытания предуготовили к XVIII в. явление Посошкова, Татищева, Ломоносова? Думается, не только петровский поворот, но также ранние процессы, не раскрытые пока россиеведением.

Отрицатели русской научности. Русская наука всегда подвергалась критике и давлению. Неприятие идет с двух сторон. Во-первых, со стороны части верхов (чиновных, партийных), видевших в движении науки угрозу властным позициям. Во-вторых, со стороны радикальной интеллигенции, отчужденной от народной жизни и культуры. Здесь хватались за последние слова европейской науки, превращали их в рецепты преобразования «проклятой России».

Николай Тургенев, бывший декабрист, с юности был ранен вопиющей несправедливостью — закрепощением русских крестьян. «Занятия в Геттингенском университете только укрепили это впечатление, — вспоминал он в эмиграции, — и в то же время показали мне ложность государственных учреждений моей страны. Путешествия по Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Англии завершили мое образование в области политических и экономических наук» [9, 11].

Многие русские люди именно так закругляли свое образование. Не видели нужды в собственно российском научном и философском по-

знании. Гордились своей универсальностью. Скажем, авторы «Вех» уличали радикальную интеллигенцию в научной несостоятельности. Сами же, кроме С.Н. Булгакова и П.Б. Струве, не опирались на русские научные наработки.

Ярым отрицателем русской научности был Вл.С. Соловьев. Притязания на российскую самобытность — страшно раздражали его. На концепциях Н.Я. Данилевского, П.Е. Астафьева он ставил клеймо «зоологического национализма». Русское призвание, внушал Соловьев, состояла и должно состоять в самоотречении. Самоотречение ради служения христианскому миру (который для него олицетворялся Европой). В серии статей, составивших книгу «Национальный вопрос в России», Соловьев доказывал, что русские, подобно другим полудиким народам Востока, не способны к серьезной работе познания. Не призваны они к научно-философскому творчеству. Их духовные и культурные силы скудны, несостоятельны.

Никакой русской науки, утверждал Соловьев, не существует. Есть только русские представители европейской науки. Та наука, которая есть в России, уже уперлась в свой предел и склоняется к упадку. Интерес к науке, увлечение ею совершенно исчезает. «Видеть в этом дефективном опыте какие-либо задатки самобытности русской науки нет никакой возможности» [10, 386].

Такой же нигилизм в отношении русской культуры увлекал Г.Г. Шпета. Культура как исторический факт только одна — европейская, записывает он. Остальные культуры — только метафоры. «У Русских как нации нет вкуса к науке». Таков «дух русского народа — наука не понимается, если прямо польза не видна» [11, 259].

Конечно, наука русско-евразийская нуждается в критике, нуждается и в поддержке. В разное время весьма критически оценивали состояние науки в России Киреевский, Данилевский, Достоевский, в XX в. — Вернадский, Налимов. Но они не сомневались в громадных познавательных и творческих ресурсах России.

Критика научности новоевропейского типа

Российская наука несколько веков развивалась в тени науки западной. По тематике, структуре она в значительной части остается подражательной. То же относится и к области философии, и к государственным стратегиям. Выше мы отметили, что задачи соборного преобразования не замыкаются физическим планом бытия, стало быть, не по плечу науке новоевропейского типа. Поэтому критический анализ европейской научности — это также самокритика российской науки и признак ее взросления.

Анализ этот проникает в существо «современной» науки: в ее мировоззрительные установки, создаваемую ею картину мира, ее методологию, ее воплощения на практике. Кстати, современной наукой упорно именуют только западную, хотя в познавательное пространство также входят научные достижения иных культур.

Особой остроты эта критика достигла в прошлом веке — веке гигантских экспериментов над человеком, обществом и природой.

По Н.Ф. Федорову, официальная наука стала служанкой цивилизации комфорта. Она стремится благоустроить человека в текущей жизни, пренебрегая высшей задачей человечества — преобразованием смертной жизни в бессмертную. Нынешняя общественная наука есть наука бездушного общества. Она принимает разобщенность людей, небратство как неустранимую предпосылку. Идеальные модели общества исходят из этого, потому оказываются даже хуже действительности.

Е.П. Блаватская, выразительница русских метафизических исканий, упрекала западную науку в забвении самой важной части опыта, добытого человечеством. Идеология ученого большинства — грубый материализм, отрицание духовной стороны природы, отрицание бессмертного зерна души. Построения современной науки — это темная, зловещая пустыня; здесь нет ничего, чем стоило бы обладать, поскольку все это преходяще и лишено души.

Уже в начале XX в. В.Ф. Эрн, В. Шмаков, П.А. Флоренский показывали, что европейская наука, огрубляя, искажая реальность, творит некий мираж. Этот мираж окутывает одну область познания за другой. Наука совершает двойное отрешение — от Земли и от Неба. Зловещее марево научных конструкций встает над человечеством. Верховодит низший, узкорациональный разум. Действительность, не вмещаема нашим разумом, объявляется несуществующей, плодом субъективных домыслов [12, гл. XVI].

А.Ф. Лосев оценивал «вероучение новой западной науки и философии» как своеобразный нигилизм. «Мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою просто безумное марево... Абсолютная темнота и нечеловеческий холод межпланетных пространств... Все это какое-то неродное, злое, жестокое». Из новоевропейского учения о бесконечном прогрессе общества и культуры следует, что «никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла», служит лишь удобрием для следующих эпох («Диалектика мифа») [13, 405—406].

«Нововременная» наука отличает себя от до- и лже-научных представлений прежде всего своей методологией. Это метод добывания рационально-проверяемых знаний, а потому надежных практик. Чело-

век истину еще не заработал, возражает А.А. Платонов. Высокотехнологичная наука пытается обжечь природу, всю жизнь. Но природа не любит, когда ее обыгрывают; в ней блага нет. Природа способна работать лишь так на так, даже с надбавкой в свою пользу [14, 145—147].

Современная наука, утверждает М.А. Жутиков, познает не саму реальность, а собственные, упрощенные модели. Она упрямо вычитает «второстепенное». Но для живой Земли нет второстепенного. Пренебрежение второстепенным обрекает его на гибель. За большими и малыми успехами науки скрывается планетарное крушение научного метода преобразования мира. Безмолвная гибель рыб, птиц, травы, букашек, людей.

Чудовищность последствий характерна и для социальных теорий. Запланированный индустриальный и культурный рост сопровождался у нас колоссальными человеческими жертвами, вырождением целых социальных слоев. Нынешние, тоже научно обоснованные, реформы, запустили на полную мощность процессы распада государственности и культуры.

Как из возвышенных конструкций теоретиков могло родиться разорение земной жизни научными технологиями XX в.? Дело в том, что в саму структуру научного мышления многое не вмещалось. Не вмещались такие «мелочи», как невероятная сложность Земли, биосферы, общественной жизни, да и сущности человека. Они и не могут быть учтены в моделях. Обольщение возможностями научного метода просматривается уже в трудах Коперника и Кеплера. Оно выросло в ложное, потребительское отношение к природе — в энергетике, экономике, да и в модной ныне экологии [15].

Жутиков видит выход в торможении и аккуратном демонтаже технологической цивилизации. Надо отступить от природы, она сама восстановит свое равновесие. Брать у природы только то, что она сама дает и открывает. Но этого, похоже, уже недостаточно. Природа сама нарушает свои равновесные состояния, сама эволюционирует. В ней пересекаются разные уровни жизни, физические и сверхфизические реальности. Надо учиться работать на пользу всей природы, добавляя ей энергии саморегуляции, черпая в ней энергию преобразования.

Антропокосмические основания российского типа науки

Каждый исторический тип науки работает в особом срезе реальности, в особом миропонимании. Образ мира создается всей данной культурой, не одной наукой. Наука здесь восприимчива и соучастница.

В российской культуре накапливаются элементы оригинальной картины мира, в русле которой ведется поиск соборно-

преображающих энергий космоса, человека и общества. Это концепции преобразования человеческого сознания и телесности, преобразования жизни и смерти, концепции общения человечества с иными мирами, ближними и дальними (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, П.Д. Успенский, Рерихи, Д.Л. Андреев.). Концепция потенциального мира, космических истоков всякого рождения, так сказать, мировая эмбриология (В.В. Розанов). Концепция имяславия (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев). Биосферно-ноосферные построения В.И. Вернадского. Концепция живой Земли (И.Н. Яницкий, В.П. Казначеев). Концепция коэволюции общества и природы (Н.Н. Моисеев). Концепция символической Вселенной и спонтанности сознания (В.В. Налимов). Концепции россиеведения (Д.И. Менделеев, И.А. Ильин, евразийцы, Н.А. Бердяев, Ю.В. Мамлеев, Ю.М. Осипов).

Все эти построения подводят к радикальному преобразованию науки. Они закладывают основания российского типа науки, с осознанной бытийно-творческой ориентацией, с установкой на преобразование человека в союзе с планетой Земля и окружающим космосом. Но становление этого типа драматически завязано с неясной судьбой российской культуры-цивилизации.

Литература

1. *Симонов Р.А.* Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси. М., 2007.
2. *Розанов В.В.* Мимолетное. М., 1994.
3. *Герцен А.И.* Соч. В 9 т. Т. 7. М., 1958.
4. *Одоевский В.Ф.* Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М., 2006.
5. *Докучаев В.В.* Избр. соч. М., 1954.
6. Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911—1918 гг. М., 2000.
7. *Лобачев В.* Новая геософия, или Перечитывая евразийцев // Наука» и религия. 2007. № 7.
8. *Достоевский Ф.М.* Полн. Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1980.
9. *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001.
10. *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
11. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Ч. II. Материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной. М., 2009.
12. *Шмаков В.* Основы пневматологии. Киев, 1994.
13. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990.
14. *Платонов А.* Из неопубликованного // Новый мир. 1991. № 1.

15. *Жутиков М.А.* Проклятие прогресса: благие намерения и дорога в ад. М., 2007.

В.С. СИЗОВ

Учительство и просветительство

Аннотация. В статье проводится мысль о произошедшей в российском обществе духовной подмене сущности этих понятий «учительство» и «просветительство». Под учительством автор понимает передачу технологичных знаний, позволяющих выжить человеку и облегчить его жизнь в мире. В противовес учительству подлинное просветительство автор определяет как духовное просвещение, направляющее человека по стезе духовного христианского совершенствования.

Ключевые слова: учительство, просветительство западное и традиционное, техногенная цивилизация, ложь, стыд, правдожитие.

Abstract. The article deals with the idea of «teaching» and «enlightenment» spiritual substitution in the Russian society. From the author's point of view, teaching is a process of technological knowledge transference which helps a person to survive and makes his or her life easy. The real Enlightenment, on the contrary, is considered to be a spiritual enlightenment that is leading a person to the path of Christian spiritual perfection.

Keywords: teaching, Western and traditional enlightenment, technogenic civilization, lie, shame, pious life.

Учительство и просветительство. На первый взгляд понятия близкие, не сразу и скажешь — в чем различие. Они кажутся едва ли не синонимами. И все же это не одно и то же.

Толковые словари определяют *учительство* как профессиональную деятельность учителей, а учителя — как специалиста, осуществляющего обучение, воспитание и образование в общеобразовательных школах РФ. Под просветительством же понимается в основном деятельность европейских просветителей XVIII в.: Локка, Вольтера, Руссо, Монтескье, Шиллера, Гете, Дидро и др. Энциклопедии сообщают нам, что просветитель — это прогрессивный общественный деятель, распространитель передовых идей и знаний, необходимых для процветания и гуманизации нашей жизни. А *просветительство* — это путь приобщения личности к накопленному содержанию мировой культуры, к навыкам общежития, труда, участия в управлении и т. д.

Увы, в подавляющем большинстве словарей и энциклопедий ни слова нет о просветителях совершенно иного рода — о христианских просветителях! И в первую очередь о тех, благодаря кому сегодня мы имеем возможность читать и писать — о святых равноапостольных Кирилле и Мефодии — просветителях славян!

Это, безусловно, и не справедливо, и не правильно. Ведь само слово *просветитель* подразумевает, что это тот, кто светит другим людям. Но светит не фонариком, не электрической лампочкой, а духовным светом, который просветитель источает сам, освещая путь к вере и истине, и, следовательно, к вечной жизни.

В истории православной церкви было немало просветителей. Например, священномученик Григорий — просветитель Армении (252 — 356), Грифон Печенгский, просветитель саамов (1494 — 1582), Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, просветитель народов Сибири и Америки (XIX в.), святой преподобный Иосиф Волоцкий написал книгу «Просветитель», посвященную борьбе с ересью жидовствующих в России на рубеже XV — XVI вв.

Возможно, самое известное движение православного просветительства возникло в XVIII в. на Балканах. В противовес западному просвещению широко распространилось традиционалистское православное просвещение. Наиболее известные представители этого движения афонские монахи Никодим Святогорец (1749 — 1809), равноапостольный Косма Этолийский (? — 1774) и др.

Никодим Святогорец говорил: «Если ты стал монахом — борись, чтобы стать светом и примером для мирян». В этих словах заключен принцип, на котором традиционные просветители основывали свою деятельность.

Таким образом, православные просветители занимались евангелизацией, или миссионерством, несли апостольскую миссию.

А что несли западные просветители? Есть ли у них что-то общее, кроме названия с духовным просветительством?

Оказывается, они имеют некоторые точки соприкосновения. Во-первых, и те и другие призывали народ обучаться грамоте. Во-вторых, принцип деятельности и тех и других — распространение неких знаний и идей. Но содержание этого знания у православных и западных просветителей резко различается и даже противопоставляется друг другу.

Так, просветители-традиционалисты категорически отрицали применимость форм светской культуры в церкви. Например, Косма Этолийский призывал отмечать свадьбы и праздники православными песнопениями, а не шумными застольями и танцами. Никодим Святого-

рец обличал привязанность к танцам, театральным зрелищам и прочим увеселениям.

Деятельность же просветителей-западников, напротив, была направлена на борьбу с церковью и ослабление ее идеологического влияния на общество. Считается, что именно просветительство оказало влияние на формирование взглядов и учений социалистов-утопистов и русских народников. Мало того, в наши дни один из идеологов сатанистов в России свои речи и послания неизменно подписывает как просветитель.

Однако, чтобы понять фундаментальное различие этих двух направлений просветительства, рассмотрим их основную суть.

Известно, что в церкви ни одно движение или течение мысли не возникает само по себе, как человеческая прихоть, но имеет высшее предназначение. Зададимся вопросом — зачем появилась необходимость в христианском просветительстве?

Сегодня мы живем в мире, о котором самостоятельно, через свой опыт, получаем очень немного информации. На самом деле мы почти ничего не знаем о мире, в котором живем, кроме того, чему нас учили в школах и вузах, о чем говорят с экранов телевизоров и по радио, что написано на страницах газет и журналов. Мы вынуждены принимать или не принимать получаемую информацию на веру. Объем ее столь велик, что лично проверить даже тысячную долю этой информации не представляется возможным.

Это приводит к тому, что наше сознание заполнено огромным количеством заблуждений и иллюзий. Они возникают из-за того, что поступающие в наш мозг факты часто неверно интерпретируются, информация намеренно и ненамеренно искажается другими людьми. А порою нас откровенно обманывают.

Искажение информации или ложь часто допускается в политике, кинематографе и театре, в средствах массовой информации, в спорте, науке и образовании. Но вообще она присутствует практически во всех сферах жизни. Например, мода — это разве не ложь, которая обманым путем заставляет людей менять хорошие, годные к употреблению вещи на другие?

Тратить драгоценное время жизни, свои усилия и материальные ресурсы на поддержание существования иллюзорного, ложного мира не логично и бесперспективно. В бесполезном созерцании «воздушных замков», глянцевої жизни, в изучении модных тенденций, в погоне за приобретением атрибутов успешной жизни, отвлекающих человека от истинного мира, можно провести всю жизнь, так и не узнав ни об ее истинном смысле, ни об ее подлинной ценности.

Следовательно, основная проблема сегодняшнего дня — это то, как отличить подлинную жизнь от иллюзорной. Настоящую от надуманной.

Философы всегда пытались ответить на этот вопрос. Достаточно вспомнить французского мыслителя Рене Декарта. В поисках оснований, в которых было бы нельзя сомневаться, он сформулировал свою знаменитую аксиому: «Я мыслю — следовательно, я существую».

Однако этой формулы не достаточно, чтобы вывести из нее истинный мир. Потому что вслед за декартовской формулой сразу возникает вопрос: «Кто “Я”, который существует?». Простой ответ — человек — не удовлетворяет нас, потому что нам надо знать, кто такой человек и чем он отличается от других живых существ.

Русский философ Владимир Соловьев в качестве отличительного признака, выделяющего человека из прочего животного мира, указал на чувство стыда. Стыдясь своих природных влечений и функций собственного организма, человек тем самым показывает, что он — не только природное существо, а нечто высшее. В духе Декарта идею Соловьева можно выразить так: «я стыжусь — значит, я человек».

Спиноза, говорит: «Стыд есть неудовольствие, сопровождаемое идеей какого-либо нашего действия, которое другие, как нам представляется, порицают». Иначе говоря, стыд в человеке вызывается осознанием неправильности своих действий. Неправильные действия — это ложные действия, те, которые совершают неправду.

Таким образом, правда кроется в чувстве стыда, которое врожденно, надкультурно и внационально.

Мир Правды, или истинный мир, создается тогда, когда имеет место *правдожитие*. Недостаточно знать, что есть Истина, надо самому жить по *правде* и делать возможные усилия по исправлению лжемира.

Особенность правдивых, т. е. праведных, усилий по устранению лжемира такова, что они не могут оказывать насилия над ним. Единственный инструмент, которым пользуется правда, — это просветительство.

Подлинное просветительство — это духовное просвещение, направляющее человека по стезе духовного совершенствования, чтобы он мог вернуться в Эдемский сад, из которого некогда был изгнан.

Но откуда в современном мире такое огромное, просто невероятное количество *лжи*?

Ответ — в техногенном характере нашей цивилизации. Когда человечество стало активно использовать орудия труда и технологии, оно пошло по техногенному пути развития. Технологии возникают с появлением первых орудий труда. Если провести историческую параллель с Библией, окажется, что человек изобретает орудия труда и начинает

использовать технологии только тогда, когда Бог изгоняет его из Эдема, в котором человек жил, ни в чем не нуждаясь. Бог сказал тогда Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19).

Добывать «хлеб насущный» тем труднее, чем меньше для этого используется орудий труда. И человек, стремясь облегчить свое бремя, стал придумывать и применять орудия труда и технологии, передавая знания о них из поколения в поколение, постоянно приумножая эти знания.

Передачу знаний осуществляли никто иные как *учителя*. Они занимались *учительством*, т. е. передачей технологичных знаний, позволяющих выжить человеку и облегчить его жизнь в мире. В современном нам мире профессия учителя считается почетной. Но не следует забывать о ложных ценностях окружающего нас мира. И если обратиться к предназначению учительства, выяснится — его основная задача заключается в обеспечении выживания биологической, животной составляющей человека.

Даже если это учителя разнообразных искусств, театра и музыки, они тоже служат цели биологического выживания человека. Ведь искусство связано с получением удовольствий, положительных эмоций, которые человеку необходимы для нормального отдыха и восстановления сил. Само по себе искусство не духовно, не бездуховно, оно лишь средство для достижения тех или иных целей. И, как показывает практика нашей жизни, в основном это цели биологического выживания.

Идеальная цель техногенной цивилизации и, следовательно, и учительства — это создание мира, в котором труд людей будет полностью заменен машинным трудом. В этом случае человек освободит себя от Божьего наказания — труда, данного нам за первородный грех. А это не что иное как идея построения Царства Божия на земле. И она, безусловно, от лукавого.

Некоторые думают, что в таком обществе все люди, наконец, обретут время, для того чтобы заниматься творчеством и самореализацией. Но идеологи техногенной цивилизации забывают о том, что в полностью механизированном обществе люди будут не нужны. Человечество как вид может вовсе исчезнуть с лица Земли, оставив вместо себя роботов.

Что творится уже сегодня среди людей в нашем, пока еще полумеханизированном, обществе? В России 0,2% населения владеют более чем 70% ее богатств! В других странах дифференциация меньше, но в целом картина примерно та же. Спрашивается: если наступит полная автоматизация жизни, зачем семьям миллиардеров делить жизнь на Земле еще с какими-то людьми? Ведь бедняки представляют потенци-

альную угрозу для безопасности их жизней и капиталов, а также являются грязным пятном в эстетическом восприятии мира богатых.

В одном из докладов Российской академии прогнозирования в докладе ее почетного президента академика РАО И. Бестужева-Лады вполне серьезно обсуждался вопрос о перспективе снижения численности населения планеты к концу XXI в. до 800 — 900 млн человек против нынешних 7,5 млрд. Некоторые радикально настроенные ученые считают, что и этого много — 60 — 70 млн человек вполне достаточно.

Современная техногенная цивилизация, которой следовало бы дать название *цивилизации учительства*, напоминает человека, который рубит сук, на котором сидит. И если ничего не изменится, итог у нее очевиден — либо полное вымирание человечества, либо смена его лидерства на планете и в космосе более совершенными техногенными организмами, которые мы сами и создадим.

Альтернативой этому и является просветительство — понятие, которое практически ушло из обихода современной жизни. А если про него и вспоминают, то дают его ложное толкование, связанное с распространением знаний вообще. Однако, как было показано выше, распространение знаний — это не просветительство, а учительство, которое ведет к увеличению техногенного знания и, как следствие, к усилению иллюзорности и ложности нашего мира.

Подлинными просветителями являлись, во-первых, Христос, а затем апостолы и Отцы Церкви. Они наперед знали, чем все закончится для человека. Проповедь Христа заключалась в призыве к Спасению. Но к спасению не в этом мире, а в ином, горнем, мире.

То, что Христос именно Просветитель, а не Учитель, свидетельствует и обращение к нему народа и его учеников. Они называли его Равви, или Рабби. Это слово иногда переводят как учитель, что не совсем верно, поскольку рабби — это толкователь Закона Божия, т. е. духовный учитель, или Просветитель.

Существуют ли просветители и просветительство сегодня? Безусловно, существуют, но не так много. Не каждому по плечу тяжелая ноша духовного просветительства.

Главные отличительные признаки просветительства — это духовное подвижничество: 1) такая жизнь, в которой нечего стыдиться ни перед людьми, ни перед Богом; 2) использование любой деятельности в качестве инструмента духовного совершенствования собственного и окружающих тебя людей.

Каждый, кто осознал истинный смысл просветительства, должен по своему долгу православного христианина, но в меру своих духовных

сил, нести через образ своей жизни и через свою профессиональную деятельность дух подлинного христианского просвещения.

В.Ф. ШАПОВАЛОВ

Просто преподавать...
(к вопросу о соотношении образования и воспитания)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении образования и воспитания. Автор опровергает мнение о том, что образование и воспитание суть два тесно связанных, но разных процесса. С его точки зрения, воспитание присуще самому образованию. Сущность образования такова, что в процессе образования формируются и развиваются такие качества, как способность к саморефлексии («открытость ко всему иному и умение себя рассматривать с дистанции»), тактичное отношение к людям, вкус (в широком смысле), чувство исторического, и в конечном итоге происходит формирование творческой личности.

Ключевые слова: образование, воспитание, память, такт, вкус, чувство исторического, креативность, творческая личность.

Abstract. The article is concerned with the issue of a balance of upbringing and education. The author counters the opinion that upbringing and education are closely related but different processes. From his point of view, upbringing is inherent to education. The substance of education is that such traits are acquired by a personality in the course of education as self-reflection («open-mindedness to the unlike and the ability to take a detached view of oneself»), a tactful attitude towards people, taste (in the broad sense of the word), the feeling of the historical, and finally, a creative personality is developed.

Keywords: education, upbringing, memory, tact, taste, feeling of the historical, creativity, creative personality.

«Со времени моего студенчества, — вспоминал Ясперс, — я ощущал свою принадлежность и причастность к университету. На выдающихся наставников взирал с почтением, уважая всех — даже тех, кого не принимал, — за один только их статус. Само здание, аудитории и залы, различные традиции — все это вызывало у меня священный трепет души. Я еще не понимал ясно, что, собственно, придает всему этому такой ореол. Но само настроение, возникающее, когда ты работаешь в этом мире, общение с теми, кто олицетворяет этот авторитет,

воспоминания о череде поколений, оставивших здесь свой след, — все это вместе создавало не только впечатление незыблемости устоев, но и ощущение величия задач, стоящих перед людьми духа, на которых должна держаться вся жизнь общества» [1, 67 — 68].

Слова Ясперса, несомненно, свидетельствуют о том исключительном влиянии, которое оказывает на формирование личности университетское образование, духовная атмосфера университета. Опираясь на содержащуюся в них мысль, мы отстаиваем следующий тезис: ответ на вопрос о соотношении образования и воспитания, о наличии или отсутствии в контексте образования той или иной политической или религиозной идеологии, о высказывании (или невысказывании) преподавателем оценочных суждений с целью убедить студентов в правильности той или иной позиции и т. п. заключен в сущности *самого* образования. Иначе говоря, сущность образования такова, что имманентно содержит в себе формирование и развитие человеческих качеств, способствует воспитанию человека. Поэтому (предельно упрощая) можно сказать: *никаким специальным «воспитанием студенчества» заниматься не следует — достаточно «просто преподавать».*

При этом крайне важна духовная атмосфера университетской жизни, на чем мы подробнее остановимся ниже. Пока же кратко рассмотрим основные черты того, что принято называть *образованием*, прежде всего, основные черты университетского образования.

Очевидно, непосредственной задачей образования является приобретение знаний и умений по соответствующей профессии. Однако в процессе решения этой задачи приходится решать целый ряд других, не столь очевидных, но не менее важных. В действительности, в ходе образования человеку предстоит не только приобрести знания и умения, но *произвести серьезные изменения в своем духовном мире.*

Гегель подчеркивал, что приобретение глубоких знаний и обучение профессиональным навыкам и умениям, т. е. образование, одновременно суть процесс формирования *определенных человеческих качеств.* Речь при этом идет не о воспитании, идущем рядом с образованием. Речь идет о том, что присуще самому образованию.

Так, согласно Гегелю, тот, кто предается частностям, необразован; например, тот, кто не обуздывает свой слепой, несоразмерный и безотносительный гнев. Это происходит потому, что у такого человека неразвита способность к абстрагированию, а эта способность требует умения отвлекаться от самого себя и от непосредственных влечений и взглянуть на себя и на предметы со стороны — с *обобщенной* точки зрения. В образовании «подъем ко всеобщему» является задачей человека (см.: [2, 61 — 67]). Образование выводит за пределы того, что человек мог бы познать непосредственно в личном опыте. Поэтому

оно состоит в том, чтобы научиться признавать значение иного, «не моего», чужого. Поясним сказанное.

Образование связано с изучением источников, т. е. произведений. Это особенно характерно для социально-гуманитарного образования. Тем не менее и в образовании вообще, без чтения и понимания тех или иных текстов не обойтись: изучение наук невозможно без знакомства с произведениями, заключающими в себе «экстракты» научной и общественной мысли. Это значит, что в процессе образования учащемуся приходится постоянно решать *герменевтическую* задачу, т. е. задачу понимания и истолкования текста.

В качестве текстов выступают как произведения специализированной учебно-научной литературы, так и самые разнообразные письменные источники и произведения. Разумеется, образование не является простым процессом «пересаживания» содержащейся в них информации в голову учащегося. Задача состоит в том, чтобы усвоить новое, ранее неизвестное, т. е. то, что заложено в произведение его авторами, — понять его. Но, что значит «понять»?

Понять чужое учение, не значит вложить свое содержание в чужие слова. Понять — значит обрести то самое содержание, которое вкладывал в него изучаемый мыслитель, автор произведения. Для этого необходима готовность временно мысленно отказаться от собственного, привычного, кажущегося естественным и единственно возможным, — как бы отложить его в сторону. Необходимо придать своим мыслям, словам, понятиям своеобразную уступчивость и чуткость, чтобы с готовностью следовать за указаниями и непосредственными проявлениями изучаемого автора. Изучающему произведение культуры «задано, — по словам Ивана Ильина, — осуществить *тайну художественного перевоплощения: принять чужое предметосозерцание* и усвоить его с тем, чтобы раскрыть воочию его силу и его ограниченность» [3, 17].

Изучение произведения в рамках образовательного процесса родственно, таким образом, восприятию художественного произведения, когда зритель или слушатель, словно забыв о себе, сопереживает героям произведения, вникает в мысли автора произведения. Понять содержимое изучаемого произведения означает временно мысленно перевоплотиться в его автора, стать на время на его точку зрения. Пережив услышанное на лекции и прочитанное в учебном пособии или в ином произведении, не следует торопиться с вынесением собственной оценки, надо подождать, пока мысли и чувства придут в нужный порядок.

Неторопливость в принятии или отрицании непривычного, чужого, «странного» означает проявление *чувства такта*. Формирование так-

та, следовательно, входит в состав образования. *Такт есть готовность, с которой самый разнородный опыт — опыт, отличный от моего, — внедряется в память.*

С тактом связано и то качество, которое можно характеризовать как «открытость человека всему иному». Прежде всего, это открытость по отношению к другим людям, стремление понять их при отчетливом сознании их отличия от меня, их «инаковости». Открытость навстречу «другому» предполагает рассмотрение другого человека как ценности, признание самоценности его внутреннего мира. Иначе говоря, она предполагает уважительное, ценностное отношение к человеку, к его жизни и достоинству. С другой стороны, такая открытость со временем позволяет более всесторонне оценить, в том числе, и свои собственные воззрения, взглянуть на себя со стороны, как бы с дистанции. Это происходит по мере ознакомления с разнообразными точками зрения, по мере того как память насыщается все более богатой информацией.

Образование, конечно, невозможно без запоминания необходимой информации — хотя и не сводится к такому запоминанию. Функция памяти чрезвычайно важна для образования. Конечно же, память сохраняет для нас прошедшее. Но наряду со свойством хранить и вспоминать, для нее важна и способность *забывать*. Забывание есть способность, которая является не только недостатком, но и условием жизни человеческого духа. Дело в том, что благодаря забыванию сохраняется возможность на все, в том числе и на ранее известное, смотреть свежим глазом.

В процессе образования накопление информации чередуется с ее забыванием. Чередование забывания и вспоминания создает в памяти представление об истории (этапах) изучения того или иного вопроса данным человеком. Ряд слоев памяти дает возможность осознать знание в качестве структуры, а не в виде голых формул или тезисов. Конечно, не следует терять память как способность (такая потеря называется амнезией и равносильна личной катастрофе), но невозможно ничего не забывать. Забывание со стремлением вспомнить есть условие обновления. Именно чередование забывания и вспоминания характерно для функции памяти в образовании. Оно предохраняет человека от замкнутости, от ограниченности тем, что уже усвоено, способствует открытости.

Следовательно, образование, выступая на поверхности всего лишь как процесс усвоения знаний и навыков, в своей глубине является формированием особого качества, которое можно характеризовать как *открытость всему иному и готовность себя рассматривать с дистанции*. Собственно, образование как процесс в предельно широком и

самом глубинном смысле и есть не что иное, как процесс формирования этого качества, а образованность — наличие у человека данного качества. При этом теоретические точки зрения, для которых открыт образованный человек, не становятся для него догмой или жестким масштабом, скорее, они свойственны ему только как возможные точки зрения других людей.

Тесно связано с отмеченным человеческим качеством понятие вкуса в широком смысле. Х.-Г. Гадамер основывается на определении, согласно которому *вкус есть способность осознанно и обдуманно различать и выбирать* (см.: [4, 77 — 85]). Вкус создает предпосылки для подлинной *утонченности* в отношении к жизни и к окружающим людям. Следовательно, вкус противостоит всему грубому, вульгарному, неразборчивому. Отсутствие вкуса означает либо неумение различать и выбирать, либо — неосознанность, необдуманность различения и выбора. Тот, у кого нет вкуса, без разбора относится к окружающему. Он не стремится осознанно «различать и выбирать». Для него мир остается бесцветной и безликой массой, в которой вычленяется лишь то, что служит предметом непосредственного влечения. Полное отсутствие вкуса означало бы неразборчивость во всем — в одежде, в выборе друзей и знакомых и т. д. Осталось бы лишь одно: стремление к немедленному удовлетворению потребностей и желаний. Следовательно, развитый вкус предполагает умение различать в увиденном и воспринятом огромное число разнообразных деталей и оттенков.

Мерой развития вкуса и служит степень дифференцированности (разнообразия) восприятия. Развитый вкус подобен зоркому глазу и чуткому уху, с которыми он как физиологическое чувство имеет внутренне родство. Это родство сохраняется и в обобщенном понятии вкуса, о котором мы ведем речь. Развитый вкус, различая множество оттенков и деталей, ощущает, каким образом тот или иной оттенок, та или иная деталь отзываются в душе и как они могут отзываться в душах других людей.

Хорошо известно изречение, что о вкусах не спорят. Однако пока речь идет о другом. Приведенные выше рассуждения позволяют сделать вывод, что вкус может быть более развитым или менее. Если это так, то его можно развивать посредством тренировки. Вкус как способность формируется и развивается через приобщение к достижениям культуры. Знакомство с образцами культуры способствует развитию вкуса, поскольку связано с установкой на разнообразие восприятия. Обращаясь к произведениям культуры различных стран и народов, эпох и цивилизаций, мы расширяем свой кругозор, учимся оценивать значение «не своего», «иног». Изучение произведений культуры предполагает знакомство с характерами героев и образами, с особым

строим понятий. Следовательно, приобщение к культуре требует развития *чуткости к разнообразию*.

Для развития вкуса важно научиться воспринимать и оценивать такие качества, как гармония, соразмерность, упорядоченность. Развитый вкус избегает в то же время всего утрированного, несоразмерного, неупорядоченного и делает это естественно и непринужденно.

Так спорят или не спорят о вкусах? Свой ответ на этот вопрос предложил И. Кант. С его точки зрения, спор о вкусе возможен, но невозможен диспут. Кант имел в виду, что бессмысленно стремиться решить вопрос о вкусовых предпочтениях на манер решения научных проблем. В научном диспуте мы исходим из того, что существует общий масштаб — научное понятие, — которым можно «измерить» все многообразие точек зрения на обсуждаемую проблему. Следовательно, мы заведомо полагаем, что при всем различии мнений нужно стремиться найти то, что убедит всех. Мы ищем некоторую общеобязательную истину. В отличие от дискуссии научного типа, обсуждение вкусов не должно (и не может) ставить задачи отыскания такого масштаба, который измерит все многообразие вкусов. То, что нравится одному человеку, чаще всего не нравится другому. Хотя вкусы могут и совпадать. В обмене мнениями, в обнаружении совпадений и различий и может состоять «спор о вкусах».

В науке следует стремиться к отысканию истин, независящих от вкусовых пристрастий. Наука немислима без истин всеобщего характера. Означает ли это, что здесь можно обойтис без вкуса? Может быть, за вступлением в сферу науки должен последовать отказ от вкусов или вкусы здесь следует скрывать? Конечно, вкус не может и не должен заменить теоретического знания и знакомства с фактическим материалом. Но он поможет нам сократить извилистый путь познания, избавив его от излишних зигзагов. Вкус, например, обнаружит непоследовательность и нестройность рассуждений и выводов еще до того, как ошибка будет выявлена путем логического анализа. Вкус не пройдет мимо чрезмерности и утрированности в научных построениях: чрезмерность и утрированность либо отталкивают, либо по меньшей мере настораживают. Явные несоответствия могут быть в конечном итоге и не отвергнуты вкусом, но не могут быть не замечены им.

Вкус ориентирует на соразмерность частей и целого. Он определяет, насколько подходит отдельная деталь к целому, насколько она гармонирует с целым. Соразмерность играет немалую роль в самых разнообразных сферах культуры. Так, именно соразмерность в качестве важной черты компоновки иконостаса в православных храмах была отмечена Павлом Флоренским. Василий Розанов обращал внимание на значение соразмерности для научного, публицистического и иного

текста. В ряде случаев текст может быть неправильно понят читателем только потому, что второстепенные части занимают в нем излишне большой объем. По этой причине главная мысль автора, вопреки его желанию, тонет в массе предварительных рассуждений, оставаясь незамеченной читателем.

Особое значение вкуса для социально-гуманитарного образования определяется тем, что в нем предметом изучения являются мысли и деяния людей. В большинстве случаев речь идет о мыслях и деяниях людей прошлого. Поэтому здесь особую роль призвано сыграть *чувство исторического*. Оно есть проявление вкуса применительно к истории, к прошлому. *Чувство исторического есть понимание инаковости прошлого по отношению к нашему времени*. Это чувство подсказывает нашему уму, что следует воздерживаться от того, чтобы мерить прошлое сегодняшним масштабом. Оно подает сигналы, настораживает нас для того, чтобы мы проявили внимание и чуткость к особенностям образа мысли и жизни людей прошлой эпохи.

* * *

Отношение к человеческой жизни как к ценности высшего порядка представляет собой один из краеугольных камней, лежащих в основе общественной жизни. Прочность и устойчивость демократического общества, динамичность его развития немислимы без отношения к личности как к ценности.

Сказанное выше позволяет сделать вывод: образование, являясь по своей глубинной сути *открытостью к иным точкам зрения и готовностью себя рассматривать с дистанции*, предполагает развитие *тактичного отношения* к людям (чувства такта), *вкуса* как чуткости к разнообразию и как умения оценивать гармонию, соразмерность, упорядоченность, *чувства исторического* как внимания к особенностям образа жизни и мысли людей прошлых эпох. Формирование и развитие названных человеческих качеств являются необходимыми условиями полноценности образовательного процесса: если этого не происходит, то образовательный процесс превращается в формальность.

С учетом всего сказанного порой встречающееся мнение, что главным в образовании является развитие так называемой *креативности*, является ошибочным. Результатами установки на «креативность» неизбежно становятся «открытия Америки» и «изобретения велосипеда». Но главное в том, что настроенный на «креативность» заведомо считает все, бывшее до него, неважным и несущественным, а людей прошлого, их жизнь и мысли — не заслуживающими внимания, не представляющими ценности.

Главной и определяющей установкой как для преподавателя, так и для учащегося, должна быть в первую очередь установка не на «креативность», а на «знать и понимать» — знать и понимать содержащиеся в литературе (или в лекции) иные точки зрения — при отчетливом осознании их отличия от моей, их «инаковости». При соблюдении этого условия образование становится важным фактором воспитания чуткого, внимательно-заинтересованного отношения к другому человеку, способствует формированию ценностного отношения к человеку как таковому, к его жизни и достоинству. Такое образование способно сформировать не «креативную», а творческую личность, т. е. личность, ориентированную не на изобретение оригинальности ради оригинальности, а на позитивно значимое социальное новаторство.

Возвращаясь к мысли Ясперса, с которой мы начали изложение, — «о череде поколений, оставивших здесь свой след» и «об ощущении величия задач, стоящих перед людьми духа, на которых должна держаться вся жизнь общества», — отметим следующее.

Во-первых, университетское преподавание должно включать в себя (помимо собственно образовательного процесса), и неформальную часть общения между преподавателем и учащимися. Это могут быть, например, совместные экскурсии по памятным местам, поездки, беседы неформального характера и др. Во-вторых, «люди духа», о которых пишет немецкий философ, должны зримо присутствовать в самом здании университета — в виде портретов и иных изображений. В этой связи остается только удивляться и сожалеть по поводу того, что, например, во всем здании философского факультета МГУ, увы, не встретишь помещенного на видном месте портрета или изображения ни одного великого мыслителя прошлого. Зато стены коридоров обильно изукрашены мозаикой «в клеточку» — не понятно, что символизирующей.

Гуманистическая функция образования особенно важна в современном обществе, где ценностное отношение к человеческой жизни и человеческому достоинству нередко уступает место своей противоположности — обесцениванию жизни и унижению достоинства личности. Являясь по самой своей сути антиподом brutality, насилия и пренебрежения к человеку, образование выступает важным фактором общественной солидарности, гуманизации и гуманитаризации общественных отношений.

Литература

1. *Ясперс К.* Философская автобиография // Западная философия. Итоги тысячелетия. Екатеринбург; Бишкек, 1997.

2. Гегель. Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. М., 1976.
3. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Н.И. ЗЛЫГОСТЕВА

**«Освящение любовью»
(семья в контексте русской литературы)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы семьи, семейных отношений в свете традиционных ценностей в контексте русской культуры.

Ключевые слова: любовь, семья, святость, верность, долг.

Abstract. In the article questions about family, family relationships in the light of traditional values in the context of Russian culture are being considered.

Keywords: love, family, sanctity, loyalty, debt.

В детстве все мы любили сказки со счастливым концом, в которых любящие, вопреки всем препятствиям, соединялись друг с другом, жили долго и счастливо и умирали в один день. И полнота счастья была именно в том, чтобы не разлучаться даже в смерти, до последнего земного мгновения оставаясь вместе.

Наше детское сердце, еще не отягощенное сомнениями, веровало в бессмертие души и вечность любви. Оно тонко чувствовало, что именно в любви человек обретает свою целостность, возвращается к той изначальной гармонии, которая и определяет его подлинную сущность.

Ева была сотворена из ребра Адама — она его плоть от плоти. До грехопадения они были единым целым. Ужас грехопадения, утверждает митрополит Сурожский Антоний, именно в том и заключается, что они перестали видеть себя в другом: «Они вдруг увидели друг в друге — другого, чужого, иного, и их двоица разбилась» [1, 118].

Душа каждого человека тоскует об этом утраченном единстве, о любви, без этого единства невозможной. Но, к сожалению, особенно сегодня, немногие способны услышать ее тихий голос. Современные люди предпочитают идти на поводу у лукавого разума, обманчивых чувств, мимолетных и нечистых влечений. И в этом случае наши же-

лания так далеки от подлинной любви, жертвенной, бескорыстной, «не ищущей своего»... Напротив, мы стремимся подчинить себе другого, утвердить свое превосходство над ним: материальное интеллектуальное, эмоциональное, чувственное.

В отношениях мужчины и женщины, господствующих ныне, так мало взаимного духовного единения, внутреннего согласия, и так много непримиримости и отчужденности, противопоставляющей их друг другу. Суетные мелкие чувства, слепые страсти порождают душевную смуту, делая нас нечуткими к страданию и боли самого близкого человека, и мы неизбежно отдаляемся друг от друга, замыкаясь в пустом и тоскливом одиночестве.

Так что же происходит с нами? Почему, тоскуя о любви, о счастливом семейном союзе мы так редко обретаем их? Да и возможно ли это не в сказке, не в прихотливом художественном вымысле, а в обычной жизни?

Ветхий и Новый завет дают нам образец брака, в котором двое вновь становятся одной плотью, одним живым существом. Но соединение их начинается не с чувственного влечения, а с взаимного духовного и душевного тяготения, побеждающего обособленность, эгоизм, самолюбие, и делающего взаимное общение необходимым, прекрасным и радостным. Именно в таком браке он и она становятся единым целым, существующими «в единочувствии и единомыслии», в котором «я» одного неотделимо от «я» другого.

Для истинно любящего сердца его избранник всегда единственный. Встреча с ним не случайность, не каприз судьбы, а дар, посланный Провидением. Но принять и сохранять его смогут лишь те, кто не растратил себя в минутных прихотях и влечениях и сохранил верность тому, кого, еще не зная, навсегда принял в свое сердце. Такая любовь не сужает, а расширяет границы Бытия, она не закрывает собою мир, а открывает его во всей многообразной полноте, не удаляет от Бога, а приближает к Нему.

«Двое любящих смотрят и видят друг в друге красоту и себя самих как красоту, как явление вечной красоты, которая теперь пробуждается и может вырасти в полную меру приобщения к Божественной красоте» [1, 117].

Мы страдаем от собственного несовершенства, от незавершенности, от тягостного внутреннего одиночества и, не умея отрешиться от них, ищем утешения в случайных людях, случайных связях и отношениях, и потому неизбежно и постоянно обманываемся.

Один из святых отцов очень мудро заметил, что распознать истинность чувства, соединяющего двоих, совсем несложно, поскольку если это любовь, то тогда для мужчины только одна женщина — это жен-

щина, а все остальные просто люди. И если двоих соединяет именно любовь, в их отношениях невозможными становятся гордыня, самолюбие, недоверие.

Любовь — это всегда забвение себя ради другого, полное самоотречение и жертвенность. Семейный союз, основанный на взаимной любви, будет истинно счастливым, но не в узкожитейском, а в духовном смысле. Именно в нем может раскрыться способность людей к любви верной, сострадательной, вечной.

Русский мыслитель И. Ильин писал, что «любовь только тогда не является простым и кратковременным вожделением, непостоянным и мелким капризом плоти, когда человек, желая конечного и смертного, любит скрытую за ним бессмертность и бесконечность, вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному, иными словами, когда он ставит свою любовь перед лицом Божием и Божьими лучами освещает и измеряет любимого человека. В этом великий смысл христианского “венчания”, венчающего супругов венцом радости и муки, венцом духовной славы и нравственной чести, пожизненной и нерасторжимой духовной общности» [2, 149].

Таинство христианского брака раскрывается через мистическое постижение супругами нерасторжимости их единства.

Понимание этой истины глубоко и полно прослеживается в контексте русской литературы. Уже в древнерусских летописях мы видим отношение к брачному союзу прежде всего как к союзу духовному, предопределенному и освященному свыше. Супруги — это спутники, которым суждено в жизни идти одним путем, помогая и поддерживая друг друга. И понятной становится Соломонова мудрость, утверждавшая, что «двоим лучше, нежели одному». По единому страдальческому пути идут герои романа И. Головкиной «Побежденные» Олег и Ася Дашковы. Их духовная неразделенность — и в причастной Асиной молитве, чудесно спасающей не только земную жизнь Олега, но и его бессмертную душу; и в ее обещании поминать его за раннею обеднею, если смерть разлучит их на время.

В каждом мгновении их короткой земной любви живет вечное. Наверное, именно в самые трагические моменты своей жизни человек как никогда остро чувствует потребность в любви: всепрощающей, милосердной, не исчезающей за пределами земного бытия.

Асина душа в сокровенной своей глубине никогда не расставалась с душой Олега, и это давало ей силы жить, радоваться, любить близких и верить в их вечное воссоединение.

Принятие на себя крестных мук любимого человека как великой жертвенной радости, дарованной Творцом, присуща многим женщинам нашей литературы.

В собственноручных записках княжны Наталии Долгорукой раскрывается великая сила ее любви. В ней находит опору и утешение ее опальный муж. Она приняла на себя и свои, и его страдания, стала едина с ним не только жизнью, но и душою, и когда казнили ее Петра, то осталась она на земле только телом. Душа ее искала иных обителей, иного утешения, иных радостей. В монастыре, в молитвенном подвижничестве готовилась к встрече с ним в том мире, где нет ни боли, ни разлук, «ни печали, ни воздыханий». Расставание, даже на краткое земное время, тягостно для душ, живущих в полном одиночестве и единомыслии. И если чью-то душу призвал к себе Господь ранее, то для оставшегося жить на земле жизнь становится ожиданием грядущей встречи и окончательного воссоединения; все житейское и временное утрачивает для него смысл. Это остро чувствует после смерти жены, своей кроткой Натальи Николаевны, протопоп Савелий Туберозов из романа Н. Лескова «Соборяне».

В их внешней соединенности, казалось бы, так мало общего, похожего. Он — могучий, умный, много понимающий и о многом размышляющий, в проявлении чувств безудержный и неистовый. Она — сама простота сердечная, далекая от умственных исканий, не разумеющая их и не понимающая. Но, обладающая чудесным даром — умением любить бескорыстно и преданно, не превозносясь, не гордясь, все принимая и все прощая, любить до полного отречения от себя. Полнота этой совершенной любви потрясает отца Савелия, понимающего, что через нее Господь дает ему принять и почувствовать благодать. В его словах, обращенных к Нему благоговейное восхищение этой главной христианской добродетелью — любовью, так полно явленной в русской женщине: «...где, кроме святой Руси нашей, рождаются такие женщины, как сия добродетель? Кто ее воспитывал кроме Тебя, Всеблагий Боже, который дал ее недостойному из слуг Твоих, дабы он мог ближе ощущать Твое величие и благодать» [3, 76].

Любовь Натальи Николаевны давала ему силы нести тяжелый жизненный крест, ее бесконечным состраданием и милосердием спасается от уныния его душа. И когда не стало его верной подруги, сердце отца Савелия уже ни в чем не находило утешения и жило лишь ожиданием их будущей встречи.

А для нее, кроткой и верной его спутницы, весь смысл земной жизни был служением ему — мужу, другу, наставнику, торившему для нее духовные пути.

Их отношения — идеал православной семьи, где нежная и внимательная забота друг о друге раскрывает лучшие стороны каждого из любящих. Для Натальи Николаевны, как и для многих русских женщин, духовное водительство мужчины было естественно. Муж и отец

в православной семье должен был не только заботиться о благополучии своих близких, но и об их духовном здоровье, об их духовном спасении. Он своим отношением к домочадцам должен был пробуждать в их сердцах чувство взаимной любви друг к другу. Образец такого семейного союза дал в одном из своих посланий апостол Павел: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь и предал себя за нее, чтобы освятить ее, очистив ее банею водною посредством слова, чтобы представить ее себе славною церковью, не имеющею пятна или порока или чего подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя, ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь церковь, потому что мы члены тела Его. Посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению к Христу и церкви. Так каждый из вас любит жену, как самого себя, а жена да убьется своего мужа» (Коринф. 1, 4).

Многим современным женщинам трудно смириться с мыслью о послушании мужу, о духовном следовании за ним. Многие изменилось за недолгое время и в мужчинах, и в женщинах.

Женщины, лишённые традиционного христианского воспитания, тяготеющие к ложной независимости, отстаивающие мнимые права, утратили духовную мудрость, верное понимание собственной природы. Женщина, как и дитя, живет сердцем и чувствами. В этом ее великая сила, но в этом и ее слабость, уязвимость.

Сердце право всегда, но чувства нередко обманчивы и влекут за собою заблуждения, ошибки, разочарования. Поэтому душа женщины нуждается в духовном наставнике, любовно и бережно заботящемся о ней, направляющем и поддерживающем на трудном духовном пути. И если муж любит жену, бережет и жалеет ее, если они единое и неразделимое целое, он никогда не причинит ей умышленной боли, которая будет и его болью, не обречет на страдание, которое будет и его страданием. Его нежная, заботливая, оберегающая любовь станет для женщины источником духовной силы, утверждающей ее на путях не только земных, но и небесных.

И если посылал Господь русской женщине такого спутника, она принимала его духовную власть над собой с радостью и смирением. Она мудрым и чутким сердцем постигала, что его душе открыты те цели, которые не постигаются мелким житейским умом, и путь, ведущий к ним, тернистый и страдальческий. И на этом пути она становилась его самым верным, самым преданным другом, лучшим спутником, не только свою жизнь, но и всю себя отдавая на служение ему и его великой цели. Такой была Настасья Марковна, жена протопопа

Аввакума, прошедшая с ним мученический путь до конца. И только однажды, в одну из самых тяжелых минут, когда взроптала обессиленная плоть, и спросила мужа: «Долго ли муки сии терпеть, протопоп, будем?». А он ее только одним мог утешить: «До самыя до смерти», на что она ему отвечала: «Ино еще побредем».

Для русской женщины ее земное предназначение всегда оправдывалось и определялось любовью — беззаветной, всепоглощающей, «никогда не перестающей быть». В ней воплощалась для нее цель предначертанного ей жизненного пути. И трагедия тургеневских, гончаровских девушек из русских романов XIX в. была именно в том, что их стремление воплотить, раскрыть себя в любви их избранниками не было ни увидено, ни понято. Жизнь вне духовных ценностей, увлеченность умозрительными идеалами, стремление утвердить себя во вне — выхолостили, разрушили их души, сделав их неспособными ни принять, ни разделить дарованное им чувство. Свою внутреннюю несостоятельность и духовную ущербность перед любящими их женщинами остро, хотя и очень по-разному, чувствуют тургеневские герои Рудин и Лаврецкий и гончаровские — Марк Волохов и Петр Адуев.

Внутренний надлом, произошедший в обществе, трагически отразился именно на женских судьбах. Глубокие, сложные натуры, ищущие сердца оказались в духовном вакууме, в нравственной пустоте, для многих из них поиск себя, своего места в жизни оказался путем, обозначенным Н. Лесковым: «Некуда».

Для самых сильных, угадавших, почувствовавших, чего ищет душа, это был путь в монастырь или семью, как в обитель. Там смирение, идущее от понимания того, что «сильные должны нести немощи слабым», укрепляло, утешало, давало силы любить тех, кто любви этой был недостоин, но болезненно и остро в ней нуждался. Именно такой любовью, жалеющей, всепрощающей, «не ищущей своего» любят своих спутников героини Ф. Достоевского, Н. Лескова. Но есть среди лесковских мужчин те подлинно великие личности, чье духовное величие раскрывает душевную красоту их избранниц, наполняет их жизнь подлинным и вечным смыслом.

И это не только высокоумный отец Савелий, почитаемый его протопопией выше самого царя Соломона, но и бесхитростный, целомудренный в своем трепетном и нежном чувстве Голован из повести «Несмертельный Голован», и бесконечно трогательный в своей жертвенной любви ко всеми брошенной и всеми презираемой сироте мужик Селиван из рассказа «Пугало».

И все же вся полнота этого великого чувства во всей его удивительной преображающей силе раскрывается в личности, казалось бы, совершенно прозаической, в лакее Павлине из одноименной лесков-

ской повести «Павлин». Банальная житейская история, повествующая о том, как немолодой уже человек, движимый состраданием, приютил девочку-сироту, воспитал и вырастил ее. Происки, интриги, низменные расчеты дурных людей в самом начале жизни развратили душу его воспитанницы Любочки, толкнули на ложную дорогу. Все было на ней: и презрение к своему благодетелю, ставшему ее мужем, и обман его, и разочарование в избраннике, оказавшемся мелким негодяем.

Но в этой обыденной жизненной драме и открылась та сила человеческого духа и величие любви, которые изменяют не только душу и жизнь человека ею живущего, но и того, кого он любит.

Полно, глубоко, до полного самоотречения способно любить лишь сердце, в тяжелейшей борьбе освободившееся от терзающих, угнетающих его страстей, чья страсть воплотилась в бесстрашие. Об этом великом духовном перевороте, раскрывшем для него иную любовь, говорит Павлин в самые трагические минуты его жизни, казня себя за то, что порученную ему Богом душу он не только не уберег, но едва не погубил, вина в падении Любочки, в ее беде, только себя.

Его любящая душа разглядела когда-то в маленькой несчастной девочке существо чистое и трогательное в своей беспомощности. И оттого, много позже, когда окружающие видели в повзрослевшей Любочке только тщеславную кокетку и интриганку, один Павлин, более всего ею обманутый, продолжал любить то искреннее, детское, сокровенное, что оставалось скрытым для чужих и равнодушных глаз.

Для ее вечного спасения и душевного покоя он отрекся от всего, и даже от себя — умер для людей и для мира. Павлин стал для Любочки другом, защитником, духовным наставником. Его великая любовь полностью преобразила ее душу, очистила от всего наносного и случайного, совершенно изменила ее жизнь. Она не была долгой и окончилась в монастыре, где та, которая в миру была грешной Любовью, окончила свои дни кроткой и светоносной монахиней Людмилой.

Любовь спасает и Павлина, и Любочку. Ею она избавляет от гордыни, от чувственной страсти, ее — от тщеславия и суетности. Полнота любви раскрывается именно тогда, когда она обращена на падших, потерявших себя, но отчаянно жаждущих, ищущих спасения. Ее преобразующая сила способна совершить невозможное — повернуть человека к Богу, обрести веру в его бесконечное милосердие.

Рубеж XIX — XX вв. был трагичным для русского общества, большая часть которого, утратив духовные ориентиры, устремилась к бездне. Стремление к обособленности, тяга к чувственным наслаждениям, крайний эгоцентризм прежде всего поразили семью. Любовь, соединяющая в ней мужа и жену, старших и младших, исчезла, сме-

нившись случайными, внешними связями, недолговечными и непрочными.

Об этом с болью писали духовные светочи того времени: Иоанн Кронштадтский, Алексей Мечев, религиозные философы В. Зеньковский, И. Ильин, справедливо полагавшие, что оскудение любви породит величайшие трагедии как в отдельных человеческих судьбах, так и в обществе в целом. Ее тонко и глубоко почувствовал и прекрасно отразил в своем творчестве А. Чехов. Семьи счастливой, объединенной любовью, у него нет. О ней тоскуют, без нее страдают лучшие его герои, и мужчины, и женщины. Но первым некуда вести, а вторым не за кем следовать. В его рассказе «В пути» встречаются двое — мужчина и женщина. Он, уставший, разочарованный, опустошенный, и она — молодая, энергичная, верящая в себя и свое будущее. И достаточно нескольких минут, чтобы он смог увлечь ее, позвать ее за собою, но минуты прошли, порыв исчез, да и звать некуда.

Революция, окончательно расшатавшая духовные устои, вырвавшая женщину из семьи, поставила ее перед лицом великих испытаний. Оскудение любви достигло, казалось бы, своих крайних пределов. Но именно эти трагические события показали всю полноту великой, всепобеждающей жертвенной любви русской женщины. Именно она в переломное время стала не только спасительницей семейного очага, но и путеводительницей, духовной наставницей не только для детей, но и для мужа.

Мужчины, уповавшие на ум и головные идеи, разуверившись в них, оказались в духовных сумерках, из которых не видели выхода, и тогда только сострадающая, никогда не исчезающая любовь, спасала от отчаяния и окончательной гибели.

Такой точкой опоры, с которой начинается новая жизнь, для инженера Виктора Вейденгаммера, героя шмелевского романа «Пути небесные», стала его встреча с Даринькой. Внешне, казалось бы, не было ничего, что могло бы соединить их. Он — умница, человек сведущий не только в науке, но и философски искушенный, и она — простая златошвейка, почти необразованная, далекая от всего привычного для него. Но перед ее духовной полнотой и внутренним богатством он ощущает себя нищим и осознает, что в их союзе ведомым становится он, ее любовь выводит его из тьмы земных переполюсов на пути небесные. О любви русской женщины, сохранившей вопреки всему искреннюю детскую веру в Бога, любви милосердной и спасающей, писал Шмелев в публицистической статье, обращенной к русским девушкам, именно им отводил он великую миссию «создавать новую, чистую русскую семью, обновлять, очищать от скверны свой народ. Вы понесете народу Бога, понесете в жизнь правду, — все то ценнейшее, чем

возвеличена русская женщина: выполнение долга, самоотверженность, милосердие, чистоту, духовность, готовность к подвигу, верность и глубину любви» [4, 411].

Как отратно читать эти слова, и как больно сжимается сердце, видя, что многое из того, на что уповал писатель, во что безоговорочно верил, если и не исчезло из нашей жизни, то извратилось, изменилось, измельчало. Для многих нынешних девушек и юношей любовь перестала быть главным смыслом их бытия. Страх перед нею, перед ответственностью, ею налагаемую, нежелание страдать за другого, нежелание делить душевное и житейское бремя даже близкого человека лишили союз двоих единственной прочной основы и превратили его во временное сожительство, где каждый обращен не на другого, а только на самого себя.

Именно эти случайные связи, ни к чему не обязывающие временные отношения и прежде всего их чувственная сторона, изредка эмоциональная, стали главной темой современной литературы. Семья как духовное единство любящих людей почти исчезла из нее, как исчезла она почти и из жизни.

Об этом с болью и горечью говорят лучшие из наших писателей, видящие в крушении семьи, распад государственных и национальных основ. Почему в семье пролегла пропасть между старшими и младшими? Почему в глубоком и щемящем рассказе В. Распутина «Женский разговор» два родных человека — бабушка и внучка — так далеки друг от друга? Любящее сердце старшей стремится пробиться к душе младшей, но пустота не способна откликнуться и принять в себя любовь. У отжившей свой женский век Натальи все впереди, в непреходящей надежде на встречу с теми, кого любила и продолжает любить. В сокровенной ее глубине живет то нежное и трепетное чувство, которое с юности берегла, хранила для него — для единственного.

А у внучки Вики уже все позади, несмотря на то, что ей всего шестнадцать: и случайная связь, и аборт, и чувство прожитой жизни с ее тягучей тоской и надоедливой скукой. Мудрым сердцем понимает Наталья трагедию внучки, любви не испытавшей и ее не ищущей. Знает, что погоня Вики за минутными чувственными удовольствиями обернется разочарованием, одиночеством, полной опустошенностью и озлобленностью. Знает — и пытается уберечь, рассказывая о своей, такой бесхитростной и такой прекрасной любви.

О том, как берегла себя для своего Николая, о том, каким светом озарились ее душа и жизнь, когда встретила его, о светлой и чистой радости их такой недолгой семейной жизни, разрушенной войной. Не вернулся он к ней, погиб, но послал своего фронтового друга, тяжело страдавшего не только от телесных, но и душевных ран. Верил Нико-

лай, что бескорыстная любовь Натальи впитает его боль и страдание, и возле нее отогреется исстрадавшаяся душа. Не сразу приняла она его, но, приняв, до конца растворилась в нем, взяв на себя все его тяготы и все те недолгие радости, которыми одарил их Господь, согрев любовью их осиротевшие души.

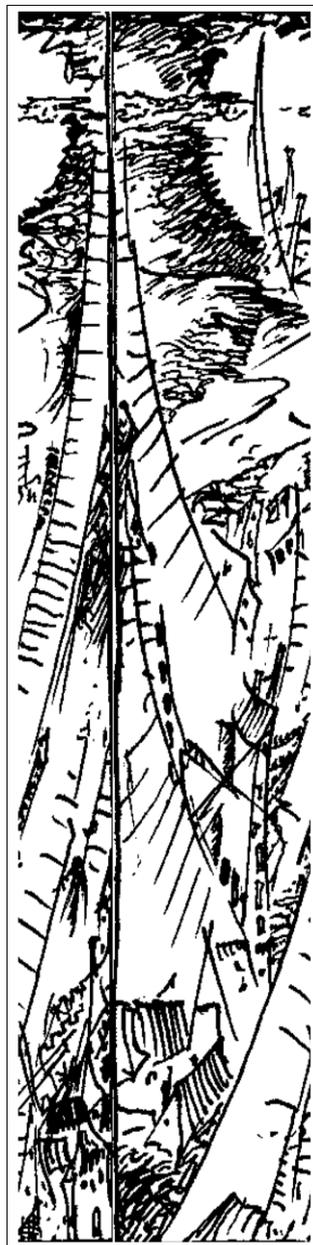
Для Натальи два ее мужа соединились в одного, все сложилось в одно, освященное любовью. Но великая ее правда услышана ли была внучкой? И пошлет ли ей Господь такую же ночку, когда она так же будет говорить со своей внучкой? И что она сможет ей сказать? Вопросы, вопросы, вопросы... И есть ли на них ответы? Но хочется верить в то, что не порвется золотая ниточка любви, тянущаяся от одного сердца к другому, и русская женщина, «всегда предстоящая перед Богом», силою великой своей любви сможет возродить семью. Все тот же удивительный И. Шмелев, обращаясь к молодым, писал: «Вашему поколению выпадает великая работа — освящать, очищать Россию. Мужчине — строить. Вам — освящать» [4, 411].

Литература

1. *Митрополит Сурожский Антоний*. О слышании и делании. М., 1999.
2. *Ильин И.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993.
3. *Лесков Н.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1989.
4. *Шмелев И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1999.

VII

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Философия хозяйства как благая весть жизни*

Аннотация. Статья содержит критику методологии и терминологии современных гуманитарных наук с философско-хозяйственной точки зрения. Автор проводит мысль о закате экономической эпохи и приближении эпохи совершенствующегося интеллекта, опору которой он видит в философии хозяйства.

Ключевые слова: человечество, философия хозяйства, тупик, ноосфера, логос.

Abstract. The article contains criticism of methodology and terminology of the modern humanities from the philosophical-economic point of view. The author gives an idea about decline of economic epoch and approach of epoch of getting improved intelligence, the support of which he sees in philosophy of economy.

Keywords: mankind, economy philosophy, deadlock, noosphere, logos.

Современная человеческая ситуация во всех своих аспектах становится вся более кризисной, катастрофичной, тупиковой, антибытийной и непостижимой для человеческого ума. Армии ученых, практиков-умельцев, экспертов, компьютерных знахарей, оккультных ведунов ничего не могут понять в катастрофических событиях времени, бессмысленно жонглируя терминами «экономика», «власть», «государство», «закон», «деньги», «инновации», «права человека» и др. Человеческая мудрость в итоге оборачивается в соответствии с христианскими пророчествами помраченным умом и сознанием.

Непонимание современной реальности, ее эсхатологической динамики обусловлено тем, что используемые науками методологии и терминологии возвращены эпохой экономизма, ее материальным расцветом и духовной нищетой и служат ее интересам. А поскольку сегодня экономическая эпоха теряет свою реальность, отрицает, сжигает сама себя, преобразуется в некую антиэкономическую неразрешимость, то и

---

* Размышления по прочтении раздела «Академия». См.: Философия хозяйства. 2010. № 3.

ее познавательные инструменты не могут дать понимания происходящим изменениям¹.

Западный мир, США — лидеры и сильнейшие союзы стран планеты. В них сосредоточены максимумы власти, образования, богатств, денег, умов, сил, знаний, пороков. И все же они не понимают современного мира, не умеют решать его проблемы, а только плодят эти последние в безмерных масштабах, сами превращаясь в одну вселенскую проблему, которая может решить будто бы только ООН, превративший знания и мудрость земную в безумие, богатство — в обузу и наказание, деньги — в труху, которой все боятся, власть — в источник коррупции и саморазложения, силу — в слабость, пороки — в огонь посядающий. С каждым часом сокращается территория, пригодная для жизни человека, исчезают кислород, питьевая вода, справедливость, право, хоть еще смутно, но все более настойчиво нарастает осознание уже идущей катастрофы. С виду умные «нобелеватые» персоны тушат пожар теми же средствами, которыми они этот пожар и вызывают, совершенно не воспринимая ограниченности, бестолковости и непригодности используемых ими познавательных и конструкторских средств.

В древности люди тоже стремились понять мир и жить в гармонии с его законами.

Пифагор любил часто поучать: «Узрите треугольник, и проблема на две трети решена» (цит. по: [1, 224]). Но предложенный мудрецом общий метод решения проблем сам перенасыщен загадочными и непонятными идеями, методами. Три прямых, образующих треугольник, допускают массу конфигуральных вариаций.

Можно понять принцип Пифагора в плане диа (дуа-)лектики, опосредствования противоположностей: например, высокое и низкое умеряются третьим началом — «средним», знание и незнание примиряются изучением и учебой.

Треугольник можно понять и как форму простейшей, элементарной самоорганизации, ибо с разрушением треугольности исчезает сам феномен формы.

Можно полюбить мысль Пифагора за принцип агональности, согласно которому идет постоянное игровое общение стихий мира, в результате чего возникают многообразие и своеобразие вещей, существ, форм.

Треугольник — символическая модель самоформления космоса.

---

¹ Мысль растет и питается софийными энергиями христианства, логосными прозрениями его святых, историей познания изучаемого предмета, опытом его бытия в мире, в языке и в сознании субъекта.

Великого мудреца можно ценить и за то, что он своим математическим умозрением и смысловым откровением провидел Св. Троицу христианства, которая, укрываясь и в мире чисел, составляет их тайную, непостижимую, неопровержимую силу и точность. Абстрактно число «три» является предтечей сакрального смысла, религиозного символизма христианства. Так, две стороны треугольника могут стать параллельными прямыми, допускающими, кстати, все же пересечение в форме креста, а может, и, стремясь к нему, чтобы обрести смысл своей параллельности. К подобным же координатным смыслам стремятся и все остальные пересечения прямых, которые мечтают о кресте, намекают о нем, стремятся стать крестом, жаждут испугателя, ищут в нем спасения от своего линейного идиотизма.

В бытии, в мире, в его предметном многообразии, в глубинах их сути таится крест, который знает и допускает лишь один выход, лишь одно неизбежное и необратимое высшее разрешение (и решение) любой проблемы.

Любая проблемная ситуация — малая и вселенская — решается лишь одним способом — путем добровольного пожертвования высшей ценностью, присущей агентам этой проблемной ситуации, лишь посредством любви и сострадания тех, кто отдает себя во благо существам, ставшим вольно или невольно жертвами агрессивных вторжений ничто и ничтожеств в бытие.

Именно третья линия треугольника, будучи его основанием, его высшей ценностью, приносит себя в жертву треугольнику, преодолевает своим самопожертвованием бессмысленное прозябание двух других его линий, создавая новую форму их организации, оплодотворяя их активным смыслом принесенной за них жертвы.

Примечательно, что для самого Пифагора принцип троичности лишь на две трети решает проблемы. А из чего состоит последняя треть решения, как и где ее искать? Ведь крест предполагает четыре элемента, а сама точка пересечения сторон вполне может сойти за пятый элемент. Всего вместе с жертвой получается шесть величин. Значит, треугольник в качестве жертвы преобразуется, воскрешается во всей благодати и целостности своей природы, становясь многозвездием жизни.

И таким универсальным треугольником для Пифагора является разум, который является для самого себя и субъектом, и объектом, и жертвой своей истины. Жертвой всякой жертвенности является сам ум. Недостающие звенья решения любых проблем скрываются, согласно Пифагору, в самом Уме, который занимается решением проблем, но находясь как бы в стороне от них, за пределами самого проблемного поля, любуясь своей беспроблемной сущностью. И вот уход

ума из состава космоса и вещей в тайный мир Бога, рассмотрение вещей, людей, жизни, знания вне ума, а не внутри ума, как раз и порождает, плодит тотальную проблемность бытия и знания. Человек пытается решать проблемы посредством своего ума извне, помещает сам ум и его носителя вне самих проблем. А на деле проблемы таким образом не решаются, а лишь размножаются. Уже наличные проблемы посредством своей нерешенности ослабляют, отодвигают ум от участия в их решении, прибегая к помощи бессознательного, инстинктов, безумия. Они-то и решают проблемы путем устранения их носителей, превращая их в хаотические потоки элементов.

Поэтому-то и в христианской ноосфере проблемы решаются по-другому: сначала разум приносит себя в жертву вере и Богу, чтобы обогатиться новыми смыслами и затем возродиться с этими новыми смыслами, которые и развяжут все неразрешимости. Увы, отказывается человек, гордящийся своим разумом, от его же правды! Нужно верить в ум Бога, чтобы понимать свой ум и пользоваться им; нужно верить в свой ум, чтобы понимать его зависимость от Первоума!

Итак, да поможет нам целостный ум Св. Троицы, ее софийный логос, увидеть смысловой треугольник нашей эпохи, найти хотя бы две трети ее истины. Это ведь тоже немало, ибо остальная часть истины сама скажет нам такие слова, после которых ничего искать уже не захочется. Ибо главное не в том, что мы находим, а в том, что ищет нас! И не человек ищет решения экономических кризисов, а само бытие ищет бескризисное начало, видя в нем исцеление от безумия и порочности людских.

Именно гуманитарные науки, не исключаяющие религию, а с ней взаимодействующие (как, к примеру, философия хозяйства), возвращают, развивают, совершенствуют интеллект как основную производительную силу, как перводвигатель жизни современного общества. Естественные и технические науки лишь используют его в материальных и не всегда в благовидных целях. Вот почему будущее за философией хозяйства.

Литература

1. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1992.

В.Я. КУРБАТОВ

Версты полосаты...

Аннотация. Статья посвящена знаменитому сборнику «Вехи», вышедшему сто лет назад и затронувшему самые существенные проблемы того времени: революции, церкви, интеллигенции, просто жизни, России. Автор рассматривает и отношение Л.Н. Толстого к «Вехам», его противоречия и искания в последние годы жизни.

Ключевые слова: церковь, интеллигенция, революция, Россия, Л.Н. Толстой, «Вехи».

Abstract. Article is devoted to the well-known collection «Mark» that came out hundred years ago and touched upon the most essential problems of that time: ones of revolution, of church, of intelligentsia, of simple life, of Russia. The author considers also L.N. Tolstoy's attitude to «Marks», its contradictions and searchings in the last years of life.

Keywords: church, intelligentsia, revolution, Russia, L.N. Tolstoy, «Marks».

Не хочет и все русская история слушать умных людей. Я давно и простодушно думаю об этом, иногда срываясь в досаду, а чаще уже просто качая головой, словно перед явлением природы: ну что скажешь, если дожди некстати или морозы невпопад — не тогда, когда людям надо. Смирись и принорювись — вот и все. Может быть, и тут надо только смириться и принорювиться?

Вот ты, дорогой читатель, заметил, что мы все живем в разных историях? Коснись, скажем, последнего русского государя и спроси десяток человек разного возраста: кто он — Палкин, мученик, святой, безвольный, милосердный, кровавый? Или о Сталине — злодей, умный вождь, спаситель и строитель страны, разрушитель, палач? Все по-разному и ответят, будто говорят о разных, не знакомых друг с другом персонажах.

А люди, которые живут в разных историях, не могут быть народом. Мы пустили историю на кулачные забавы для ток-шоу и, значит, играем судьбами детей. А раз детей, то и будущего. И ведь об этом почти невозможно по-человечески сказать, обсудить с терпеливой серьезностью — тотчас «передовая журналистика» вскинется: а-а, вы опять за старое, опять затыкать рот плюрализму?

Сто лет назад вышел сразу с колыбели знаменитый сборник «Вехи» и в первый же год выдержал пять изданий. Столько, значит, было читателей, столько остро заинтересованных людей! Немудрено. Его авторы (П. Струве, С. Булгаков, С. Изгоев, С. Франк, М. Гершензон) коснулись самых существенных и уже не отвлеченных, а «поджимаю-

щих» проблем: революции, церкви, интеллигенции. Наконец, просто жизни — быть ли ей человеческой или погибнуть в хаосе? Оттого, подумаешь, и пять изданий — выходит, задумались люди. А только задумались-то они, оказывается, вовсе не о жизни, Боге, революции и смерти, а за интеллигенцию обиделись. И разом обвинили авторов в предательстве ее святого дела, в мракобесии и непонимании путей русской истории, которой, де, только интеллигенция и служит и которая эту историю и «двигает». И обвинили как-то все сразу. Все оказались «передовее» осмотнительных мыслителей. Не один навсегда осмеянный Петр Боборыкин («ну что там набоборыкал наш Пьер Бобо?»). Хотя и он по нынешним временам был бы не последним на литературном небосклоне с его пятью языками, обширной эрудицией и общей читательской любовью. Выступили высокие историки, профессора литературы со всеобщие известными тогда именами: Овсяннико-Куликовский, Туган-Барановский, Градескул, готически образованный Милюков. Они ждали от времени прогресса, умного преобразования человека, уверенные, что его надо только по-европейски одеть и накормить, а не теснить консервативной осмотнительностью.

И я все думал: ну эти понятно — Серебряный век и профессорскую мысль успели сделать вполне «серебряной» — тонко изящной, европейской, грациозной. А вот Толстой с его трезвостью и умением все видеть насквозь. Он-то что? Неужели не читал? Неужели ни одна сорока не принесла на хвосте, когда только и разговору вокруг? Принесла, слава богу. Читал. Вот запись в дневнике 23 апреля 1909 г.:

«Читал “Вехи”. Удивительный язык. Надо самому бояться этого. Нерусские выдуманые слова, означающие подразумеваемые новые оттенки мысли, неясные, искусственные, условные и ненужные. Могут быть нужны эти слова, только когда речь идет о ненужном. Слова эти употребляются и имеют смысл только при большом желании читателя догадаться и должны сопровождаться всегда прибавлением: “ведь ты понимаешь, мы с тобой понимаем это”».

Конечно, не без этого, ведь авторы — дети того же Серебряного века и язык действительно кастовый. И читатель, в общем, «догадывался» без труда. Хуже было, что он «догадывался» в другую сторону и хотел не думать, а действовать. И действовать своевольно, без удерживающих институтов уже обреченного государства. И тут и профессора литературы, и Боборыкин, и Милюков, прочитай они эту запись дневника, поторопились бы поддакнуть Толстому в его убеждении: «Писателю нельзя вступать в какие-либо добровольные соглашения с тем сбродом заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством». Впрочем, он ведь это и не только в дневнике и не раз писал.

Ну, приговорили с разных сторон «Вехи», не дали русскому человеку поверить в путеводительность этих верстовых столбов. И что же? Так и канула книжка в примечание? В мимолетный литературный курьез? Да ведь нет! Были же зачем-то потом и «Смена вех», и «Из-под глыб», которые все оглядывались, оглядывались на «Вехи». Кажется, последний раз интерес к ним вскинулся было в 1989 г., на их восьмидесятилетие, когда время кипело теми же вопросами, но тут грянула реформа, страна заметалась в небывалых потрясениях, стало не до того, и интерес погас. А уж столетие «Вех» мы просто перемолчали. Решили больше не беспокоить свою «поотъевшуюся» мысль. А заноза все-таки осталась. И об этом хорошо думать как раз в Ясной Поляне.

Кажется, мир пошел против Толстого — по пути «ненужного». И хотя бы по языку («нерусские, выдуманные слова») следовал больше «Вехам», чем Льву Николаевичу. Народ, *grand mond*, как писатель его с уважительной улыбкой называл, понемногу исчез, сошел на нет. Скажешь «народ» и провалишься в какое-то общее место с туманными границами. Интеллигенция в старом либеральном понимании (где по краям Боборыкин и Милюков), кажется, тоже ушла навсегда — в эмиграцию, в лагеря, в неизбежность смерти. А вот эта — «веховская», чье дело как будто сразу провалилось, тем не менее живет и, меняя фамилии, продолжает договаривать тогдашние мысли.

История тороплива. Ей не до глубоких мыслей. Ей некогда вслушиваться в касания вечности. На ее знамени не только сегодня, а и всегда было написано «Все и сразу!». Тогда как настоящая долгая подлинная жизнь, которая только и вправе ею называться, вершится как раз в этих касаниях. Вот и возвращаемся где прямо, где позабыв первоисточник, к «Вехам». И не хотим, а додумываем — жизнь заставляет. И язык уже не кажется перемигивающимся и выдуманным, а словно наполняется временем и тревогой. И читаем мы уже, кажется, в тех же текстах, да не то. Уже не общественно-политические смыслы беспокоят нас, а малые личные тревоги. И потому, что никакой политики и общественности давно нет (мы распустили их «на каникулы», чтобы по своей воле пожить), и потому, что не загороженные империей, оказались наедине с собой и Богом. И только учимся отвечать на главные вопросы жизни. Ну, вот что, скажем, темного и подмигивающего в словах С.Н. Булгакова: «Интеллигенция отвергла Христа. Она отвернулась от Его Лица, исторгла из сердца Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится вместе со своей родиной за эту измену, за это религиозное самоубийство. Но, странно, она не в силах забыть об этой сердечной ране, восстановить душевное равновесие, успокоиться после произведенного над собой опустошения. И эта мятун-

щаяся тревога, эта нездешняя мечта о нездешней правде кладет на нее особый отпечаток, делает ее такой странной, исступленной, неуравновешенной, как бы одержимой».

Что если бы тогда услышали? Если бы выучились слушать свою лучшую мысль. А ведь тогда разве один Булгаков и разве только «Вехи»? Вся, вся русская религиозная мысль, всем светом, печалью, тревогой — об этом, об этом (Бердяев, Франк, Ильин, Эрн). Еще вроде вчера Чехов писал «Интеллигенция пока только играет в церковь. И главным образом от нечего делать», а время потемнело так стремительно, что стало не до забав и стало уже неотменимо ясно, что мир действительно на пороге «религиозного самоубийства».

Многие, конечно, как и во все времена (и как сегодня! сегодня!), умели, как Мережковский, отговориться от вопросов Евангелия и церкви тем, что задавать такие вопросы «кощунство и нелепость». Но ведь были и другие, кто с отвагой, как, положим, Г. Адамович, не страшился говорить о «трудности веры в наше время, горестной ее недоступности для многих искренних и природно-религиозных людей». И объяснял эту трудность тем, что «остыла кровь для веры, для готических соборов, для крестовых походов, для видений, для открытого и общего исследования потусторонних тайн». Это при молодой вере спрашивать было «кощунство и нелепость», а «после того (если продолжить свидетельство Г. Адамовича), что люди с тех пор передумали и узнали, после всего, в чем они разочаровались, вопрос этот перестал быть не только нелепым, но даже и кощунственным».

Но тогда они еще действительно чувствовали утрату Христа, как «сердечную рану», и отсюда была их «исступленность и одержимость». А вот Толстой не услышал в них этой исступленности. А уж у него ли слух не был остер? Разве только посмотрел на Мережковского при встрече с такой медвежьей зоркостью, что напугал Зинаиду Гиппиус. Не услышал мужичьим сердцем, отвернувшись от этого, казавшегося ему «интеллигентом» Христа для Христа нравственного, коренного, не ученого, не заметив, что Его уже не было, что Он ушел вместе с народом. А Тот, «умный» «веховский» из милосердия, из понимания, что мир теперь (или скоро, скоро!) в России будет определяться этой предавшей, но не забывшей Его интеллигенцией, остался. «Вехи» и русская мысль догадались тогда надолго вперед о главном, что надо искать Христа, оставшегося в России, разделившего с людьми путь до интеллигентского сознания, до «зачем Ты Меня оставил?». Не невозвратного толстовского, для которого нужен был другой молодой первохристианский народ, которому не надо церковных институтов и тонкостей богословия, потому что с ним Бог. Не мещански при-

вычного, равнодушно обрядового, за которым уже зияла пустота, а Того, кто не сулил покоя, был весь вопрос, но и весь ответ.

Как это выговаривалось тогда у Булгакова — «это напряженное искание града Божия и стремление к исполнению воли Божьей на земле, как на небе, глубоко отличается от влечения мещанской культуры к земному благополучию»? О благополучии не могло быть и речи. Они все это знали — Ильин, Тареев, Новоселов, Тернавцев, отцы Павел Флоренский и Сергей Булгаков, еще, может быть, не предчувствуя изгнания, смертей, мученичества, эмиграции, но уже наверное зная, что благополучие не про них. Им предстояло, как Толстому, умереть на своем «Астапове» и тоже в каком-то смысле не дожидаться причастия, потому что церковь еще не узнавала в них своих лучших детей — ни в Толстом, ни в слушателях и ораторах религиозно-философских обществ (она и сейчас еще с опаской косится на отцов Павла и Сергея). А ведь «веховцы» (и авторы, и читатели), наверное, все прошли через эти трудно жившие общества, бывшие средоточием русской мысли в Петербурге, Киеве, Москве. Вероятно, им временами казалось, что вся Россия повернется к ним, потому что там обдумывалась ее небесная будущность. Но как писал потом неизменный участник обществ С.Н. Дурылин о главном тогдашнем органе русской мысли «Новом пути», о его бедственной судьбе: «Никто не помог... Никто не подумал позаботиться о журнале, где впервые с Петра Великого встретились Вера и мысль... Никто в огромной православной России». Она, эта «православная Россия», скоро заплатит за это равнодушие страшную цену, но не повинится перед своей мыслью.

И вот я все любительски думаю, почему эти прекрасные общества были недолговечны, если силы в них были так прекрасны, мысль так высока, а общее ощущение кризиса и возможной смерти Отечества так очевидны. Для меня этот вопрос тем тревожнее, что я сам сочинил в Пскове такое общество в 1991 г. и продержался до 1996, пока епископ не отказал батюшкам в праве заглядывать на эти собрания. И тут опять лучше вернуться в Ясную Поляну и думать там, хотя уж скорее не в самой Ясной, а по дороге в Астапово.

И опять прошу прощения за любительство, но я не «статью» хочу написать, не еще один ответ дать, а в себе и для себя понять, почему одинаково терпят поражение Толстой и «Вехи», а оставшийся путь невопрошающей веры все отдает капитуляцией и не освобождает сердце от тревоги.

Со Львом Николаевичем как будто проще. Мне нравится одна его дневниковая запись как раз 1909 г. о том, что приезжал Гершензон «будто с вопросами, а на деле — поучить, разубедить». Может, раньше-то Гершензон бы не решился, но после успеха «Вех» как было не

поехать и не «вразумить» старика. Догадываюсь, что Лев Николаевич посмотрел на него как на Мережковского, потому что запишет потом о нем иронически. Смутится своей иронией, но запись все-таки оставит.

То-то и беда, что *художник*, что слово слетает с языка прежде христианского укора цепкому уму. Да и русский ведь человек. Это в соединении с большим художественным даром большое «искушение». Как не пройти «еретический путь», как не испытать силу своей плоти, породы, жизни, испытать именно в диалоге с Христом, приняв Его сознательно, умно, всей полнотой природы, ничего в ней не потеснив. А это уже неизбежно борьба, в которой можно только охрометь, как Иаков, ставший после этой борьбы Израилем. И вот он пишет каждодневно, выслеживает свои самонаименьшие движения, и почерк катится колесом, не поспевая за мыслью. Начнет, было, широко, во всю волю, а тут Софья Андреевна войдет, Лев или Андрей надерзят, Гершензон вот придет, толстовцы обсядут, как мухи. И не спрячешься, не умилишься — меньше Толстого в себе не станешь. И останется только разозлиться: «Толстой забирает силу надо мной. Да врет он. Я, я, только и есть я, а он — Толстой — мечта гадкая и глупая».

И он говорит, говорит, надеется прищучить мысль:

«Устройство внешних форм общественной жизни без внутреннего совершенствования — это все равно, что перекладывать без известки на новый манер разваливающееся здание из неотесанных камней. (Так и хочется воскликнуть: «Ау, господа политики, устроители внешних форм!»)

«Есть ли Бог? Не знаю. Знаю, что есть закон моего духовного существа. Источник причину этого закона я и называю Богом».

«... Чем лучше формы общественной жизни, тем ниже умы и характеры людей».

«В книгах с важностью пишут, что там, где есть права, там есть и обязанности. Какой это смелый вздор — ложь. У человека есть только обязанности» (сегодня и слушать не захотят, борцы за права человека договорить не дадут).

И горькое, вечное, из года в год, как припев, как отрицание всего написанного: «странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми, далекими по времени и месту, которые могут слушать меня».

Не странно это, а как раз естественно — другим-то, дальним, чего не слушать — их это не касается. Для них это игра ума, искусство, тонкость мысли. А для близких — жизнь и страдание, ущемление их прав, которые он хотел бы сделать обязанностями. И в результате в умозрительном (представим на минуту) диалоге Толстой — Победоносцев никто не даст слова Толстому и всякий оставит правоту за По-

бедоносцевым. Раньше-то, может, еще не так несомненно, а уж сегодня Толстой ни-ни! Сегодня Константин Петрович не «совиные крыла», а патриотическая твердость, церковная уверенность, мудрое милосердие (он и «Определение» Синода относительно Льва Николаевича в свой час оттягивал сколько возможно). Он действительно мудр и целен, потому что искренне послушен церкви невопрошающим послушанием. И сегодня он пример такой церкви всем противникам Толстого, которые сегодня так же резки к Льву Николаевичу — разве что веревку не пошлют. И пример всем «вопрошателям», которые тоже отчего-то все не переводятся на Святой Руси.

Лев Николаевич понемногу сдался в народном сознании (сослан в выдающиеся художники, а про мысль ни гу-гу) и тревожит уже, кажется, одних участников яснополянских встреч. Что при нем было бедой, стало после него победой. Церковь оплатила свою смущавшую Толстого механичность и обрядовое равнодушие сонмом мучеников и снова выбелила ризы. И он бы первый поклонился ей.

Но почему же не победили и «Вехи»? И почему интеллигенция все будет, как у Булгакова «интеллигенция и церковь», а не просто церковь? Почему все не затянется рана на месте, где в ее сердце был Христос? Ведь и среди восторженных читателей «Вех», и среди слушателей религиозно-философских обществ тоже выросло облако свидетелей и мучеников. И мучеников именно веры, а не вопрошаний. Но вот все остается и остается между интеллигенцией и церковью этот только по видимости соединительный союз «и». И все не восторжествует окончательно как будто навсегда правый Победоносец, все не умилиет сердце нежный Шмелев, все не смирит дерзости беспокойного разума всеведущий дьякон Кураев. И рана болит и болит...

Я легко могу загородиться единомысленными цитатами великого священника отца Александра Шмемана, печалившегося, что только перед Престолом все полно света и покоя, а чуть за порог церкви — и вопросы, вопросы... И сложившего с себя священнический сан великого мыслителя и поэта С.Н. Дурылина. Или горькими вопросами к сегодняшней церкви псковского протоиерея Павла Адельгейма из его книги «Догмат о церкви». Но не хочу этих загородок. Я несу беспокойного Толстого в самом себе — он слишком давно поселился в душе.

Хотя на минуту все равно спрячусь за ничего не оправдывающее, но что-то и объясняющее наблюдение. Впрочем, я уже и в разговоре о Толстом, чуть выше, помянул об этом — художник, де. Куда от себя денешься — большой, маленький, а как пустился писать — художник. И это уже вроде диагноза для верующего человека — почему ты шагаешься.

Как-то в Печерском монастыре один из умных иноков, увидев у меня номер «Нашего наследия» с воспоминаниями о Бердяеве, тотчас выхватил из него описание комнаты Николая Александровича — на столе «Каббала, Гуссерль, Симеон Новый Богослов, стопочка французских католиков, а поодаль непременно роман на ночь — что-нибудь выисканное у букиниста: Мельмот Скиталец, о котором еще в Онегине. Над широким диваном распятие черного дерева. На стене акварель — келья старца». Инок только и сказал: «Ну-ну!» и даже объяснять ничего не стал. Ну, и я вот, на отца-то Александра Шмемана ссылаясь, никак не забуду, что половина его дневников посвящена литературе нашей и чужой. И сказано о ней с такой остротой и тонкостью понимания, что ты тут и увидишь, что такими «подстриженными глазами» (Ремизов) можно потом и в церкви увидеть много того, чего не вскормленный высокой литературой взгляд, пожалуй, и не заметил бы. Эстетика — дама ревнивая, везде сунет свой пронизательный глазок. И отец Павел Адельгейм, воспитанный в артистической и поэтической среде, может начать проповедь на Дмитриевскую субботу с блоковского «Куликова поля» и вообще будет чтить поэзию, и сам не разминется с музой.

А в мемуарах Сергея Дурылина я увижу его юношескую фотографию и пойму, почему его нестеровский портрет в священническом облачении будет называться «Гяжкие думы». Если бы даже Сергей Николаевич не вспомнил, что первый вариант этого портрета Нестеров хотел писать «на зеленом фоне хомяковской гостиной», чтобы священник сидел перед бронзовым канделябром и смотрел на портрет Гоголя, то «думы» все равно были бы тяжкими. И облачение «жало» бы потому, что на юношеской-то фотографии он сидит за столом, оторвавшись от чтения, а со стен глядят Толстой и Гоголь, Тургенев и Белинский, Леонтьев и Шевченко. И они тут не случайны, они — «вероисповедание», из которого однажды выйдет восклицание: «Какое творческое бесплодие русского духовенства! Оно дало Чернышевских, Добролюбовых, Благосветловых и др. Эту тяжелейшую обыденщину русской литературы, но не дало ни одного поэта, ни одного композитора». Ну, а уж дальше должно было последовать и сложение обетов. И неизбежный вопрос: возможно ли на одной полке держать Макария Великого и Пушкина? И возможно ли священнику в браке быть Иоанном Кронштадтским (а народ требует, чтобы если священник, то обязательно — Иоанн).

Это будто бы от Толстого сбоку, а на деле и про него. Возможны ли при семье (да и большой!) анархическое неприятие государства, армии, церкви, свободно избранная нищета? Бейся-не бейся, будь как угодно искренен, рано или поздно вспомнишь «Царство Мое не от

мира сего», и «Враги человеку домашние его», и «Не мир пришел я принести, но меч», и сердце затоскует и забьется в противоречиях.

Дурылина смущало, что не вышло из духовенства поэта. А постоял бы он перед Престолом-то подольше, то и понял, что Христос, как сказано у Шмемана, — «не для политической свободы, не для культуры, не для творчества». Везде отец Александр подчеркнул это «не для». Припрячь Христа, «совместить» Его нельзя. Он может быть только внутри, но тогда о Нем отдельно не говорят. И он *не для* быта, не для житейского уклада, как ни уверяет нас в этом Шмелев, уговаривающий Россию быть такой, какой он видит ее из эмигрантского далека.

Вот так я все и прячусь за чужими мнениями и не решаюсь сказать, что и сам все пытаюсь, пытаюсь найти соглашающее слово и на толстовских встречах, и вне их, и в ночных бессонницах. Все кажется, что должно, должно быть это всеразрешающее и все примиряющее слово, чтобы и Толстой остался в сердце полно и естественно, и церковь светила в душе всем светом до последнего закоулка, и не было в человеке никакой тьмы. И вот стыдно признаться, до писательских «Встреч» мне было спокойнее в церкви, где я читаю по послушанию Апостол и шестопсалмие. И были часы покоя и единства, и я слышал в сердце и отца Павла Флоренского, и отца Сергия Булгакова (не богословие их, а сердечные светлы их душевных размышлений), и в «Вехах» видел действительные «вехи». Только, казалось, надо чуть «поправить» их на новой сегодняшней дороге, для чего мы в начале 1990-х собирались у В.Г. Распутина с И.Р. Шафаревичем, В.В. Кожинным и думали об авторах и пути.

А вот чем далее, тем сердце тревожнее, тем реже оно находит успокоение, тем реже стоит в церкви так, что «нигде не тянет» и не смущает мысль. Я завидую, читая того же Шмелева или Никифорова-Волгина, завидую их детской доверчивости, но (что делать?) все чаще подозреваю, что и они не всегда глядят в глаза читателю прямо. Я кланяюсь страдающему сердцу Б.В. Шергина, когда он посреди великой войны пишет в 1944-м г. в тесном, не очень чистом дворе Сретенки в начальном трудном для души январе желанную весну, которой просит душа, «лики вечнующего сего неба, сей земли, сих деревьев... И это все во мне. В существе моего вечного ума, вечного сознания моего, т. е. души моей. Во мне оно, необъятное царство Божие. Я ширше небес, чем образ дала Всепетая... Я, значит, должен дальше звезд распространиться, во мне ведь царство Божие, т. е. пречудный мир Божий... Физические органы зрения, эти вот мозговые полушария слепы и тупы и, если не понудят себя на благодарный и благодатный труд, не увидят, не узнают о Боге». А куда деть эти «физические органы», эти «слепые мозговые полушария», если и сам Борис Викторович через

день будет кричать, как я, о той же обступившей зиме и усталости сердца.

А не надо никуда девать. И стыдиться не надо. Не надо мучить близких, как Толстой, и обманывать, как Шмелев. Просто не надо писать «окончательных» сочинений», а верить милосердию жизни. Она низвергнет, но она и вознесет, потому что Бог — есть и Он подлинно, как говорил один святой монах в 1930-е, «любит не всех одинаково, но каждого — больше». Просто у нас зрение иногда закрывается. Оно потом откроется, если мы не замути́м его торопливым проверяющим размышлением, бедным самонадеянным разумом, который недремлющим часовым все время «проверяет документы». И мы догадаемся о самом простом — что жизнь бесконечна, что она с каждым новым человеком отказывается верить смерти, как отказывалась в Месопотамии и Египте, Китае и Индии, Греции и Риме. И как чудесно просто писал не тревоживший Бога «по пустякам» И.А. Бунин: «Все пройдет, не пройдет только эта вера» в то, что смерти нет. И Толстой будет идти там, в этом великом времени, рядом с Победоносцевым, Серафим Саровский с Пушкиным, святые с грешными и большие с маленькими. История — это мы все, а не одни великие. Мы все — условие Божественной полноты. Все — вехи Господнего пути, неостановимой вечности. Проигравших при страдающем сердце нет.

И вот я начинал с того, что русская история не хочет слушать «умных людей». А теперь вот думаю — и пусть. Чего на десять-то шагов вперед видеть — со скуки умрешь, да и под ногами самое важное пропустишь. Какое счастье — жизнь неостановима! И Ей, как любящей матери, нужны мы все. Душевной боли это не снимет. Но Астапово может подождать.

Больше на этой станции поезд не остановится.

Н.Л. ЛЕСКОВА

Нет королевских путей в науку. Очерк об отце — Л.В. Лескове

Аннотация. Статья содержит воспоминания дочери о своем отце, замечательном русском ученом Л.В. Лескове.

Ключевые слова: космос, математика, философия хозяйства.

Abstract. The article covers the daughter's reminiscences of the destiny of her father, a remarkable Russian scientist L.V. Leskov.

Keywords: space, mathematics, philosophy of economy.

31 марта 2011 г. исполнится 80 лет со дня рождения моего отца, замечательного российского ученого Л.В. Лескова. Его путь в науку не был простым. Но, как он сам любил повторять, «нет королевских путей в науку».

Отец родился в 1931 г. в Ленинграде. Здесь жили и умирали его предки, а в доме на Литейном проспекте, как раз напротив прославленного Некрасовым «парадного подъезда», прошли детские годы. Отец рассказывал мне о своем деде, тоже Леониде, занимавшем высокий пост в Священном Синоде. До Революции его семье принадлежала вся пятикомнатная квартира на Литейном, а после 1917-го туда вселили еще четыре семьи, оставив Лесковым одну, правда, самую большую комнату — «залу». «Спасибо, что не расстреляли», — говорила его мама.

Детство отца закончилось рано. Ему не было десяти лет, когда погиб на фронте его отец. А вскоре началась блокада. Гуляя с маленькой сестрой, он часто замечал голодные взгляды прохожих. Даже в голодные блокадные годы она была пухленькой девочкой. Бабушка строгонастрого запрещала сыну оставлять девочку без присмотра: «Съедят», — коротко объясняла она. В память врезалась одна сюрреалистическая картина: саночки с трупами, которые сновали по голодному городу...

Тем не менее город на Неве отец всегда любил. Он часто вспоминал некогда знаменитый Ленинградский детский и юношеский дом науки и техники, организованный известным ученым и популяризатором науки, автором многих книг по занимательной математике и физике Я.И. Перельманом. Маленький Леня в числе прочих питерских мальчишек и девчонок с огромным интересом посещал занятия в этом необыкновенном учебно-игровом заведении. Именно там зародилась первая любовь отца к точным наукам, развилось логическое мышление. Кроме того, он обладал феноменальной памятью, впоследствии сделавшей его настоящим энциклопедистом.

Из Питера по «дороге жизни» их эвакуировали на Кубань, где семья почти сразу угодила в оккупацию. Чудом уцелев, они затем переехали в Карелию. В Петрозаводске отец окончил школу и уехал покорять Москву, в тот же год блестяще выдержав экзамены на физический факультет МГУ. После его окончания отцу как одному из лучших студентов сулили аспирантуру и «престижное» распределение в Физический институт Академии наук, но судьба сложилась иначе. Вместо хорошей карьеры и «непыльной» должности ему пришлось поехать в мало кому тогда известный подмосковный Калининград, секретный город, которого не было на карте страны. Здесь они с мамой первые три года снимали угол — именно угол, поскольку назвать комнатой крошечное помещение в железнодорожном вагончике, с печным ото-

плением и без всяких удобств, было трудно... Именно в этих условиях они растили первенца, моего брата Сережу.

Почему так вышло? Дело в том, что мама, с которой отец познакомился, когда она была студенткой исторического факультета МГУ, была дочерью «врага народа». Тогда ее отец еще не был реабилитирован. Это произошло несколькими годами позже. А в далеком 1954-м, когда отец надумал жениться на любимой девушке, его вызвали в комитет комсомола и предупредили: этот опрометчивый шаг может поставить «крест» на его карьере. Но отец был не тем человеком, чтобы засомневаться в своем решении. О том разговоре мама узнала многими годами позже, когда он уже был начальником отдела ЦНИИМАШ и они получили новую квартиру...

Отец придавал большое значение интуиции — крайне важному для человека и ученого качеству, открывающему возможности для более широкого познания действительности. Безусловно, многое он не только просчитывал, но и предугадывал, предвидел. Как в научной деятельности, так и в личной жизни. Так было и с мамой. Увидев в 1952-м, он сразу влюбился в нее и понял: именно эта девушка станет его женой. Они прожили вместе 52 года...

В ЦНИИМАШ отец формально пришел как оптик, однако молодая космическая отрасль потребовала от молодого специалиста оперативного переключения на новое актуальное направление исследований — на создание электроракетных двигателей. Созданный при участии Леонида Васильевича ионный двигатель нашел широкое применение как многоцелевой ускоритель плазмы.

Следующий переломный этап в деятельности отца пришелся на начало 1970-х гг., когда начались исследования в области физики невестности и космического материаловедения. Первые отечественные эксперименты в этом направлении были проведены на вертикально зондирующей ракете и космической станции «Салют-4» в 1975 г.

Для меня отец был самым близким, самым добрым и отзывчивым человеком. Каждый вечер он сочинял для меня сказки, а совместные прогулки были для меня выше всякой награды. С годами я поняла: истинная доброта воспитывает лучше всякой строгости. Однако от коллег отца я с удивлением узнала, что на работе он был другим — строгим и требовательным. Вот как пишут о нем сотрудники: «Отличительной чертой Леонида Васильевича как руководителя являлось его чутье на прорывные направления в научных исследованиях, а также смелость доверять своим подчиненным разрабатывать собственные идеи и в нужную минуту прийти на помощь, если таковая требуется».

Отец написал более 400 статей, более 30 учебников и монографий. Все они сегодня изданы. Основная часть его работ посвящена ракетно-космической отрасли, однако уже после перестройки круг его интересов значительно расширился. Обладая энциклопедическими знаниями, отец увлекся философией и историей науки, теорией самоорганизующихся систем, посвятил ряд работ постиндустриальной мировой цивилизации, путям перехода к устойчивому будущему, использования физики квантового вакуума для анализа научных и технологических процессов. Не случайно его пригласили преподавать на философский факультет МГУ, профессором которого он был в последние пять лет жизни. Он стал действительным членом Философско-экономического ученого собрания, созданного Центром общественных наук при МГУ, активно участвовал в его работе, опубликовал в журнале «Философия хозяйства» ряд интереснейших статей.

Но для меня он был прежде всего отцом. Он часто давал мне мудрые житейские советы, предупреждал о возможных проблемах, однако, как это свойственно в юности, я поступала по-своему и, как правило, больно обжигалась. Сейчас, когда мне бывает тяжело, я мысленно обращаюсь за его советом и поддержкой и обычно их получаю. Как правило, под утро, устав от бремени тягостных переживаний, я вдруг ясно вижу луч света, в котором преломляется простая и спасительная истина, будто присланная мне в помощь от отца.

Э. ШАЦ

**На сцене — книга.
Между языком и объектом**

Аннотация. Работа посвящена вопросам языка поэта-художника, современной поэтики, человеческого восприятия художественных произведений, лингвистических исследований книг — предметов искусства.

Ключевые слова: язык, культура, книга, поэтика.

Abstract. The work is devoted to the questions of language of poet-artist, modern poetics, human perception of works of art, linguistic researches of books — art subjects.

Keywords: language, culture, book, poetics.

Произведение как утопия

Так как же проявился раскол в XVI в. между человеческим восприятием и миром визуальным? Антинатуралистические предпосылки, новая, почти современная поэтика, идеология художественной независимости, все это приведет к эпистомологической революции, из которой родится сегодняшняя культура. Лингвистический код превращается в приключение эксперимента интердисциплины, нацеленное на поиск новой системы выражения. Художник — язык — реальность. Хроника цивилизации вещей аннотируется художником, который нас постоянно зовет на войну. Осип Манделштам говорил: «В поэзии всегда война».

И только в эпохи социального идиотизма наступает мир или перемирие. Это уже не война в поэзии, а просто Война. Тогда Бернар Обертен² сжигает книги, Эмилио Изгро³ их вымарывает, зачеркивает Энциклопедию Трекани.

Враг и союзник искусства — технологическое изображение — пожирает свой энергетический резерв. «*Ceci n'est pas une pipe* (Это не трубка)», — пишет Рене Магритт под нарисованной трубкой. Нонсенс, игра абсурда концентрирует вдвойне силу визуального представления, исторический нонконформизм и стремление к *tabula rasa*. Отсюда зачатки трансгрессии/апокатастаса, которые приводят нас к книге-объекту, книге-творению, квази-книге или почти-книге, а то и просто к уже-не-книге.

Просто редкие книги, особые каталоги, *multipli*, книги-предметы искусства, все они являются результатом металингвистических исследований, где письменность и искусство расследуют свой собственный статус существования. Редкие книги или книги в единственном экземпляре рассчитаны на частный музей или коллекцию или же выступают в качестве книги-представления, что и есть по-видимому *уже-не-книга*.

А вечно живой старый романтизм коллекционирования вносит свой вклад в эту эксцентричную систему распространения произведений искусства.

Произведение как утопия.

Случается в «Дербилиусе»

Существовала в Милане, в самом центре, в замечательные 1960-е, авангард-галерея. Место и вправду привилегированное. Да что говорить, неизбалованной советской девушке, единственным богатством которой

---

² Б. Обертен — художник, один из основателей группы «Зеро».

³ Э. Изгро — визуальный поэт, художник, писатель, живет в Милане с 1956 г.

были книги, здесь, у Шварца, было как в космической лавке. Там были книги футуристов, дадаистов, *nathinghist*'ов, зауми, абсурдистов и сюрреалистов. Помню, только приехала в Италию из России и не знала, как перевести на русский «*nathinghist*» для одного издания. Потом сообразила: «ничевоки». Шварц был удовлетворен. Казалось, что этот галерист-издатель-писатель-поэт-искусствовед-коллекционер знал все языки мира. Что ему принадлежат все книги мира. Может быть, так и было. Сегодня Артуро Шварц (Александрия Египетская, 1924) живет в доме-музее в Милане, будто доме-библиотеке Александрии: 60 тысяч томов.

1961 г. Играет в шахматы с Дюшаном. 2004 г. Играет в шахматы в «Дербилиусе». Место особое, если не исключительное. «Дербилиус» — галерея уникальных авторских книг в Милане. Сегодня выставляются книги Артуро Шварца.

Здесь сохраняют традиции книги как средоточия разных искусств. Книга в авторском исполнении, уникальная и индивидуальная, продолжает оставаться составной частью культурной жизни. Подобная книга, может быть, больше чем прежде, требует не только таланта и вкуса, но и самоотверженности, готовности быть не такими, как другие, в жестком современном мире.

Здесь сегодня открывается театр из 100 томов. В гостях Артуро Шварц. Невероятный инвентарь раритетов, иллюстрированных Марселем Дюшаном и Ман Реем, Сезаром и Тадини, Палладино и Киа, Пармиджани и Мариной Абрамович, Бретоном и... Трощким. Каббала и алхимия, искусство любви и женщина в искусстве — целый лес книг человека, для человека. Для людей, которых этот лес спасет. Да-да! Случается в «Дербилиусе».

Нарушить ритуал

Намерение поэта-художника перевернуть установленный ритуал Священного XX столетия прочитывалось уже в далекой истории рукописных книг во времена первопечатания в Китае (династия Танг).

Развитие прагматичного отношения к книге приводит к безмерному росту тиражей и, следовательно, к контролю идеологическому и экономическому. К этому добавляется давление типографской индустрии. И именно в подобной пром-географии выживает рукописная и рукотворная или рукопечатная книга.

Иметь в собственной библиотеке тысячу томов Вергилия, отлично переплетенных...

«Можно ли это считать разумным?» — спрашивал Лейбниц. Но сакральная идея тонет в экономике производства. Победа новой книги иллюзорна настолько, насколько иллюзорен ее контекст, несмотря на все просветительские гютембергские амбиции.

Таким образом рождается сопротивление рукописной и рукотворной книги. Тому яркое подтверждение «Самиздат» в Советской России, распространявший машинописные тексты от Пруста до Пастернака.

Идеографическое (морфемографическое) письмо доколумбовой Америки существует и по сей час. Не остаются равнодушными настоящие ценители рукописных книг к пиктограммам эскимосов Аляски. Их неофонетические рисунки на дверях работают как телематическая канцелярия. А кого не удовлетворяют тотемные символы — могут утешиться звуковым ребусом ацтеков. Нарушая издательские ритуалы.

Вперед к апокатастасу

Прогнозирующие исследования говорят нам о том, что с развитием информативных и высоких технологий книга будет заменена технообъектами, удобными для пользования, более экономными, а главное более объемными.

В свою очередь виртуализация информатики позволяет считать рукопись последним звеном связывающим нас с реальностью. И скоро, надеемся, нас ждет апокатастас рукописной книги.

Очевидно невозможно написать историю искусства XX в. по следам иллюстрированных или авторских книг, но также очевидно, что без них невозможна история художника нашего времени.

Книга художника — фундаментальный опыт современности.

Книга идет на войну

В только что ушедшем XX в. коллекционеров, но и Абсурда, Поэт-и-Художник пытается противопоставить хрупким и изнуренным словам поэзии или же резким и грубо-навязчивым — рекламных текстов, текст-изображение иной формы, в единственном экземпляре или в нескольких.

За годы создания подобных книг-скульптур, книг-театров, объектов-представлений рождается подлинная летопись нашего общества: его обычаи и возврат к прошлому, против которых эта книга-аутсайдер ведет войну.

Процесс агрессивного, но в то же время полного иронии отношения к языку ставит эти мини-творения (не путать с минималистскими) в первые ряды авангарда, *по традиции* наступающего на тот язык, посредством которого выражается.

«Свет, ну где же свет?» — вот в чем вопрос (эту фразу Тагора использовал в своей инсталляции итальянский визуальный поэт Эмилио Изгро).

Осознание некоторых аспектов нашей повседневной жизни, которая все больше нас поработочает, дает в руки поэта-художника необхо-

димый инструмент для создания объекта — *поэмы-личной*, которая благодаря именно нонсенсу становится *поэмой-общественной*.

Поэт — язык — реальность.

С итальянского

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Хованщина

(заметки со спектакля Модеста Мусоргского)

Сила Руси — одна сквозная Душа, одна сплошная Душа. Народ как Целое, Собор.

Но вот что удивительно. Всякая Победа Руси в смутные времена — над Польшей, над Наполеоном, над Гитлером — оборачивается поражением. Еще пуще — не-Победа (как в Первой мировой войне). Россия как бы заражается от слишком тесного соприкосновения с Западом (заграницей).

Заграница (Германия, Саксония, Европа) несет дробление этой единой Души — Одногласой. И это рушит все, обрушивает свод Небесного Храма над Русью.

Тот строй силен и крепит Русь, где есть эта Одна Душа.

София? Ибо тут слиты воедино Разум и Чувство. И окроплены жертвенной кровью.

Поэтому не только ради того, чтобы отмолить прощение за грех отпадения от Единой Души, но и во имя сплочения, единения — России нужен Храм Софии — Царства Небесного Одной Соборной Души.

Русь во все времена спасали две силы — Священники и Женщины.

Любовь Божия и Любовь Софийная. Русь — онтология и антология Любви. В небесной истории — онтология, в земной — антология.

Русь борется — уходя в себя — *ховається* (в глубине вод — Китежград, в огне-полыме — Хованщина).

Русь борется молясь и любя. Костер Молитвы, очистительное пламя либо вода-море вполне для этого подходят. Пламя или Криница вспыхивает или начинает бить не только в одной коллективной душе, собирательном Духе и Образе Народа, но и иначе.

Потому что все вместе на Руси — одно. И каждый один — разный, самобытный и самочинный.

В Европе одного целостного нет. Но каждый по отдельности одет в униформу. Там нет Души, а есть Гражданин.

Нет там Собора, а есть гражданское общество. Вот пример действия или не-действия Благодати Божией.

2 июня 2010 г.

В.П. КАЗАРИН

Из цепких объятий прошлого...*

Менее полугода остается до 90-летия завершения Великого Раскола. Интеллигенция и пресса уже размышляют над этим трагическим юбилеем.

Это подтолкнуло меня послать Вам в первый день первого летнего месяца стихотворение В. Набокова «К России».

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен быть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину
и ко мне приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,

---

* Из письма в редакцию.

чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, — мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду жил,

дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, —
поздно, поздно! — никто не ответит,
и душа никому не простит.

Париж, 1939

Как известно, оно написано в конце парижского периода жизни писателя — на пороге его переезда в США. Именно в Америке окончательно оформится новое явление в литературе — англоязычный Набоков. Все эти терзания и предстоящие перемены отчетливо отразились в стихотворении (та же тема «расставания» с родным языком).

Кстати, в эти дни исполнилось 70 лет, как Набоков с семьей на пароходе «Шамплен» прибыл в Новый Свет. Впереди у России, Европы и мира было новое тяжелейшее испытание XX в. — война. Она ходила буквальным образом вокруг нашего писателя — его пароход «Шамплен» во время следующего рейса будет потоплен немецкой подводной лодкой.

Дай нам Бог сил, таланта и умения разобраться во всей полноте и глубине в своей собственной истории...

Да, вероятно, уже «никто не ответит» за 1917—1920 гг. Может быть, это и хорошо, потому что в наших традициях «призывать к ответу» почти всегда означает осуществление насилия. Что же касается души, то хочется надеяться, что Набоков ошибался. Мы христиане,

поэтому постулат «и душа никому не простит» — принципиально ошибочный. По крайней мере, мы, сегодняшние наследники славы и трагических заблуждений как белых, так и красных русских («русские» здесь не этноним, а политоним, русское гражданство), просто обязаны простить, примириться и молиться за их грешные души. Только в этом случае прошлое выпустит нас из своих цепких объятий, дав возможность двигаться дальше.

Всем желаю здоровья и личного человеческого счастья. Всем желаю набоковской удачи (с кораблями ему повезло как в Севастополе, так и в Америке). Пусть бережет судьба каждого из нас в сегодняшнем непростом мире.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

20—25 мая 2010 г. в г. Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета (ректор — д.т.н., профессор В.Г. Захаревич, директор Института экономики и внешнеэкономических связей — д.э.н., профессор А.Ю. Архипов, декан экономического факультета — д.э.н., профессор В.А. Алешин) состоялась Третья международная научно-практическая конференция «Посткризисный мир: глобализация, многополярность, модернизация, институты», на которой с пленарным докладом «Бремя глобальных перемен» выступил директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов.

В рамках конференции прошло заседание секции «Философия хозяйства: тенденции современного мироустройства», в котором приняли участие члены ФЭУС, доктора наук Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Н.Д. Елецкий (Ростов н/Д), В.К. Королев (Ростов н/Д), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д); кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), В.И. Романченко (Новороссийск), В.Н. Елисеев (Ростов н/Д), Я. Херман (Варшава, Польша), В.В. Чапля (Краснодар), А.Н. Пилипенко (Днепропетровск, Украина), Т.М. Черкавская (Днепропетровск, Украина), А.В. Андреева (Ростов н/Д); соискатель С.Н. Редников (Ростов н/Д).

* * *

22 мая 2010 г. в г. Ростове-на-Дону состоялось собрание Ростовского отделения Академии философии хозяйства, на котором дипломы действительных членов (академиков) были вручены Л.Ю. Андреевой, В.К. Королеву, В.А. Алешину, Е.М. Мартишину, В.Н. Овчинникову, М.Р. Элоян, Л.Н. Дробышевской, Н.Д. Елецкому.

* * *

25 — 26 мая 2010 г. в г. Львове на базе Львовского института банковского дела (директор — д.пед.н. А.Я. Дутка) совместно с Центром общественных наук при МГУ состоялись III Международные философско-экономические чтения «Философия финансовой цивилизации».

человек в мире денег», посвященные семидесятилетию института, на которых с пленарным докладом «Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства» выступил директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов. В чтениях приняли участие члены ФЭУС доктора наук В.В. Ильин (Киев), З.Э. Скрынник (Львов), С.В. Синяков (Киев), И.Ю. Фомичев (Тюмень), И.К. Быстряков (Киев); кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), В.В. Липов (Харьков), Е.С. Зотова.

* * *

25 мая 2010 г. в г. Львове директору ЦОН Ю.М. Осипову, заместителю директора ЦОН Е.С. Зотовой, профессору Новороссийской государственной морской академии имени Ф.Ф. Ушакова В.В. Кашицыну были вручены свидетельства действительных членов Украинского философско-экономического научного товарищества, созданного на Украине по примеру Философско-экономического ученого собрания ЦОН при МГУ.

* * *

22 мая 2010 г. в г. Львове состоялось собрание Украинского отделения Академии философии хозяйства, на котором дипломы действительных членов (академиков) были вручены А.Я. Дутке, З.Э. Скрынник, В.В. Ильину, В.В. Липову, Г.В. Задорожному, В.Д. Базилевичу, С.В. Синякову, И.К. Быстрякову, И.В. Назарову.

* * *

22 июня 2010 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Российское предпринимательство: итоги и перспективы», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, И.В. Пшеницын, Т.Н. Юдина, Д.Л. Епископосов, С.П. Макаров; кандидаты наук П.П. Жуликов, Г.В. Фадейчева (Владимир), М.Н. Глазунов; соискатель И.И. Рудяк.

* * *

2 июля 2010 г. в г. Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета состоялось собрание Ростовского отделения Академии философии хозяйства по теме: «Региональное развитие и модернизация». Заседание провел президент АФХ, д.э.н., профессор, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осипов, сделавший вступительное сообщение. Состоялся оживленный обмен мнениями. На заседании выступили проректор ЮФУ, вице-президент АФХ, д.э.н., профессор А.Ю. Архипов; академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор Северо-Кавказской академии государственной службы И.Р. Бугаян; действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой Ростовского государственного университета путей сообщения Л.Ю. Андреева; действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой Ростовского государственного строительного университета Е.О. Миргородская.

Участники совещания пришли к заключению, что развитие ЮФО идет неравномерно и пока не соответствует этапу всесторонней модернизации.

Переход к модернизации обусловлен либо совместными, либо хотя бы скоординированными действиями российского государства и крупного российского бизнеса в обстановке крупных перемен институционального, инвестиционного и организационного порядка. Поддержка из-за рубежа возможна, но явно недостаточна. «Сколковская инициатива» представляется слишком ограниченной. Необходимы изменение всей хозяйственной национальной среды, переориентация большей части деловых мотиваций, обновление системы хозяйственного и административного управления с переподготовкой менеджериальных и технологических кадров — их последовательной заменой на более современные и эффективные. Особое значение при этом имеет система народного и высшего образования, хоть и переживающая тотальную реформу, но не приближающаяся ни к оптимальному режиму функционирования, ни к созиданию творческого потенциала нации.

Основная проблема движения по пути модернизации состоит в почти органической неспособности сложившейся в стране системы хозяйства к перестроению и обновлению, не говоря о возникновении и внедрении самостоятельных инновационных инициатив. Нынешние хозяйство и социум сориентированы более на присвоение и потребление, чем на производство и развитие. Эффективное творчество, можно сказать, практически противопоказано современной России.

Отсюда потребность не столько модернизации как таковой, сколько проявляющего любую самостоятельную и системную модернизацию

всеохватывающего перестроения, о котором шла обстоятельная речь на декабрьском 2009 г. Малом университетском форуме, проведенном в МГУ при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Анонсы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16 — 17 сентября 2010 г.

(г. Волжский)

Наноиндустриализация в России и мире: экономические и социальные аспекты

Волгоградский государственный университет
Центр общественных наук при МГУ
Волжский гуманитарный институт

Проблемы для обсуждения:

1. Неоиндустриализация и формирование нового способа производства на основе нанотехнологий.
2. Наноэкономика в предметной области экономической науки.
3. Глобальные аспекты развития наноиндустрии.
4. Государственная и региональная политика развития наноиндустрии в России.
5. Модернизация отечественного образования в русле наноиндустриализации.

Подробная информация: <http://conf.vgi.volsu.ru>,
тел. (8443)51-52-91, (8443)51-53-00

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2010

***Традиция и модернизация:
общество, хозяйство, культура***

Модернизация отрицает традицию, а традиция правит модернизацию. Узел проблем, рождаемых в момент новой модернизации России, зависимой от традиции, которая вовсе не архаизм, а жизнеутверждающая органика.

Что, как и с какими возможными результатами?

27 сентября — 2 октября 2010 г.

(РДЦ «Орленок», г. Туапсе, по персональным приглашениям)

* * *

V ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ

Круглый стол

на тему:

***Теоретическая экономика и естествознание:
параллели и пересечения***

Новейшие естественнонаучные разрешения и теоретический экономизм. Сближения и аналогии. Возможность естественнонаучных трактований экономических процессов. Экономическая метафизика как подспорье естествознанию. Возможность взаимопонимания. Ограничения и пределы. На пути взаимного обогащения.

9 октября 2010 г., суббота

(место и время проведения будут сообщены дополнительно)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1 — 3 декабря 2010 г.

**Самоутверждение России:
социум, экономика, политика**

Подвергнутая беспощадному реформному перевороту и острым кризисным испытаниям, Россия, немало ослабленная, расстроенная и приниженная, сохраняя потенцию к выживанию и мало-помалу сосредоточиваясь, обретает шанс, на ходу перестраиваясь, выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию, к эффективному участию в солидарном планетарном общежитии. Если это и не совсем так, то как раз так или примерно так должно было бы быть, а потому подобное идеальное проектирование не просто возможно, но и необходимо. Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совпадает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению, пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности.

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, экономический факультет, к. 331, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2011 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 20.11.2010 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 15 ноября 2010 г. по тел. (495) 939-4183, факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухиной.

* * *

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
**«Русская мысль в Париже — С.Н. Булгаков
(к 140-летию со дня рождения)»**

Земная жизнь великого русского мыслителя Сергея Николаевича Булгакова (о. Сергия) разбилась на две неравные части — на жизнь в России (с 1871 по 1922 г.) и в изгнании за границей (с 1922 по 1944 г.). Из заграничной жизни Булгаков провел 20 последних лет во Франции, в Париже, трудясь в качестве профессора и декана в Свято-Сергиевском Православном богословском институте, где и встретил в 1944 г. свою кончину. Экономист, философ, социолог, литератор, богослов. В 1912 г. издал книгу «Философия хозяйства» и защитил одноименную докторскую диссертацию в Московском университете, став родоначальником синтетического течения мысли. В 1990 г. булгаковская «Философия хозяйства» была переиздана, что означало начало возвращения С.Н. Булгакова из вынужденного забвения. В 1990-е гг. в том же Московском университете произошли возрождение научной школы философии хозяйства и воссоздание имени С.Н. Булгакова, бывшего до 1918 г. профессором университета. В 1996 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова прошла международная научная конференция «Творческое наследие С.Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание», посвященное 125-летию со дня рождения мыслителя. По итогам конференции была издана крупная коллективная монография «Преодоление времени». В 1997 г. было образовано Философско-экономическое ученое собрание (около 400 членов), в 2000 г. на экономическом факультете МГУ появилась научно-исследовательская лаборатория философии хозяйства, в 2009 г. создана Академия философии хозяйства. В том же 2009 г. в г. Иваново возник Центр социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова. В настоящее время труды Булгакова широко издаются в России, чему в немалой степени способствуют и усилия парижских коллег — хранителей русского ученого наследия во Франции. Большая просветительская работа ведется на малой родине Булгакова — в г. Ливны Орловской области, где в центре города в его честь сооружен величественный памятник. В Польше, на православной горе Грабарке, усилиями ученых МГУ и местной православной общины водружен памятный крест в честь о. Сергия, а в Свято-Сергиевский институт доставлены для вечного хранения из Московского университета бронзовый бюст С.Н. Булгакова и учрежденная в его честь нагрудная медаль «Свет Невечерний».

Обращаясь к исключительной личности и богатейшему творческому наследию С.Н. Булгакова (о. Сергия), ученые и интеллектуалы России и Франции преследуют цель не только отдать дань уважения и признательности великому русскому мыслителю, чья творческая судьба тесно вплетена в историю обеих дружественных стран, но и сделать посильный вклад в развитие и поляризацию актуальной общественно-научной и гуманитарной мысли, соединяющей, как это было у Булгакова, в единое творческое целое научно-исследовательское и духовно-культурные начала традиции и современность, «отечественность» и «мировость», что находит достаточно ясное подтверждение в открытой Булгаковым и продолжаемой современными мыслителями философии хозяйства.

Дискуссионные ориентиры

1. С.Н. Булгаков (о. Сергий) — великое достояние России и знаменательная принадлежность Франции.
2. Творческое наследие С.Н. Булгакова и современность.
3. Философско-хозяйственная мысль в России и во Франции.

Место проведения:

Свято-Сергиевский Православный богословский институт;
Торговое представительство Российской Федерации во Франции.
(2011 г., г. Париж, Франция, по персональным приглашениям)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

БЭТТЛЕР АЛЕКС (АРИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ),

д.и.н., профессор, независимый эксперт (г. Нью-Йорк, США) (*olegarin@mac.com*).

ВОЛКОВ ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

д.ф.н., заведующий кафедрой философии и социально-экономической теории, Арзамасский государственный педагогический институт имени А.П. Гайдара (*volkov_arz@mail.ru*).

ПИГИН ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ,

старший преподаватель, кафедра философии и социально-экономической теории, Арзамасский государственный педагогический институт имени А.П. Гайдара (*volkov_arz@mail.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, департамент монетарной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

КОСОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.э.н., профессор, Международный университет (в Москве) (*ekosov38@mail.ru*).

ШЕЛКОПЛЯС ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, к.м.н., директор, Институт развития, изучения здоровья и адаптации человека (г. Иваново) (*evs-optimum@mail.ru*).

ДЯТЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (*sdyatlov@mail.ru*).

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, вице-президент, Образовательная корпорация «Туран» (*aliyevu@mail.ru*).

БАЯНОВ КВИНРАЙ РАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); соискатель, Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ (*kvinray@mail.ru*).

ЯКОВЕЦ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА,

член-корреспондент РАЕН, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономических стратегий Отделения общественных наук РАН (*tzag@mail.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Ярославский государственный технический университет (г. Ярославль) (*vikorn1@rambler.ru*).

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,

д.э.н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, Государственный университет — Высшая школа экономики (*rustem@voxnet.ru*).

НУРЕЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет, Российский университет дружбы народов (*natalynureeva@yandex.ru*).

НОВАК АЛОИЗЫ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, декан, факультет менеджмента, Варшавский университет (*anowak@mail.wz.uw.edu.pl*).

РЫЧЬ КАЗИМЕЖ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, факультет менеджмента, Варшавский университет (*anowak@mail.wz.uw.edu.pl*).

САДЫКОВ ТУРДЫБЕК УМУТКАНОВИЧ,

д.э.н., профессор, университет «Туран-Астана» (Казахстан); научный стажер, экономический факультет МГУ (*sadykov-turtubek@mail.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ (*rodzinskiy 66@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,
действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

ПОДКОСОВ ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра философии, Московский городской педагогический университет (*podkosov@gmail.com*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

ШАПОВАЛОВ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ,
д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ (*av124669@comtv.ru*).

ЗЛЫГОСТЕВА НАТАЛЬЯ ИЛЬИНИЧНА,
к.ф.н., доцент, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*nauka@vsei.ru*).

КУРБАТОВ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ,
писатель (г. Псков) (*wk2909@mail.ru*).

ЛЕСКОВА НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА,
журналист (*torsion@bk.ru*).

ШАЦ ЭВЕЛИНА,
поэт, эссеист, художник (г. Милан, Италия) (*eve@evelinaschatz.com*).

КАЗАРИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ,
д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского; первый заместитель Постоянного Представителя Президента Украины в Автономной республике Крым (*alena16@sf.ukrtel.net*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2010 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.